

Василий Панфилов

УЛАН

Танец
на лезвии клинка

Наследие предков

Венедская держава

Небо славян

Военная фантастика
коллекция

Коллекция. Военная фантастика (АСТ)

Василий Панфилов

**Улан: Танец на лезвии
кинжала. Наследие предков.
Венедская держава. Небо славян**

«Издательство АСТ»

2023

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

Панфилов В. С.

Улан: Танец на лезвии клинка. Наследие предков. Венедская держава. Небо славян / В. С. Панфилов — «Издательство АСТ», 2023 — (Коллекция. Военная фантастика (АСТ))

ISBN 978-5-17-153300-7

Падая с высоты, он успел подумать: «Не хочу так... глупо», и Высшие Силы дали вчерашнему школьнику шанс! Страшный и блистательный восемнадцатый век, эпоха жесточайшего крепостничества и дворцовых переворотов, всемогущих фаворитов и страшных бунтов, сотрясающих страну. Время, когда можно вознестись на невиданную высоту рядом с тронном и кануть в безвестность, не оставив после себя ничего. Харизма, шепотка везения, незаурядные личные качества и тяжёлый покров тайны, окутывающий Игоря, как плащом, внушают окружающим уважение и толику опаски. В глазах окружающих он аристократ, скрывающийся от врагов. Поступив волонтером в уланский полк, начинает своё восхождение, и каждый его шаг – это страница в будущем учебнике истории!

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-153300-7

© Панфилов В. С., 2023
© Издательство АСТ, 2023

Содержание

От автора	8
Танец на лезвии клинка	9
Часть первая	9
Глава первая, вводная	9
Глава вторая	12
Глава третья	15
Глава четвёртая	18
Глава пятая	22
Глава шестая	26
Глава седьмая	30
Глава восьмая	33
Глава девятая	37
Глава десятая	40
Глава одиннадцатая	45
Часть вторая	49
Глава первая	49
Глава вторая	53
Глава третья	56
Глава четвёртая	60
Глава пятая	64
Глава шестая	68
Глава седьмая	72
Глава восьмая	76
Глава девятая	81
Глава десятая	85
Часть третья	91
Глава первая	91
Глава вторая	94
Глава третья	98
Глава четвёртая	101
Глава пятая	107
Глава шестая	110
Глава седьмая	114
Глава восьмая	117
Глава девятая	121
Глава десятая	125
Глава одиннадцатая	134
Глава двенадцатая	137
Глава тринадцатая	142
Глава четырнадцатая	146
Наследие предков	150
Часть первая	150
Глава первая, вводная	150
Глава вторая	155
Глава третья	158
Глава четвёртая	163

Глава пятая	168
Конец ознакомительного фрагмента.	170

Василий Панфилов
Улан: Танец на лезвии клинка. Наследие предков. Венедская держава. Небо славян

Серия «Коллекция. Военная фантастика»
Выпуск 53

© Василий Панфилов, 2023
© ООО «Издательство АСТ», 2023

От автора

В книге читателю встретится множество фактов, идущих вразрез с учебниками истории. Даты, события, характер исторических персонажей – многое будет по-другому. Прежде чем обвинять меня в неграмотности, советую обратить внимание, что роман относится к жанру альтернативной истории.

Я достаточно начитан и умею пользоваться гуглом, поэтому если есть какие-то несуразицы, не спешите обвинять меня – мир параллельный. Какие-то события пошли по другому пути ещё *до* появления попаданца.

Мог бы написать и достаточно аутентичное произведение, *но* многие персонажи прошлого историками до сих пор воспринимаются по-разному. В частности, Екатерина Великая для одних Мать Отечества, при правлении которой были одержаны блистательные победы и присоединены немалые земли; для других – немецкая стерва, закрепощавшая свободных крестьян для того, чтобы расплачиваться ими с любовниками и теми, кто организовал её приход к власти. И что важнее: одержанные победы и присоединённые территории или угнетение русских крестьян и дичайшая экономическая отсталость страны, вызванная тем самым крепостным правом?..

Танец на лезвии клинка

Часть первая Начало

Глава первая, вводная

– Ну как сдал? – окружили Игоря одноклассники.

– А-а, – поморщился парень, – средненько. Пара троек, пара пятёрок... Да пофигу! Приглашение на учёбу у меня уже есть – и не куда-нибудь, а в Мадридский университет! А этот ЕГЭ может идти... вместе с теми, кто его придумал.

– Хорошо тебе, – печально вздохнула хорошенькая Вика, – тебе вот предки помогали. Захотел заниматься компьютерным дизайном, так все условия предоставили. А мои заладили, как попки: учись, дочка, все предметы важны, поступишь куда-нибудь! Важны-то они важны, вот только я со своими оценками если и поступлю, то именно «куда-нибудь», – мрачно подытожила она.

Игорь сочувственно похлопал её по плечу, не зная, как ещё можно утешить. Ему и вправду повезло с родителями... Нет, идеальными они не были – развелись, когда он был ещё маленьким, да и потом... Но несмотря на все проблемы, с воспитанием они справлялись на отлично – просто не лезли к нему. В детстве родительского внимания не доставало, зато и вырос полностью самостоятельным.

Правда, психолог говорила, что именно из-за недостатка родительского внимания он и стал руфером¹, стремясь обратить на себя внимание, но очкастой тётке парень не доверял – была она из тех психологов, что занимаются почти исключительно научной, а не прикладной психологией, и потому несла порой такое... В общем, ботанка.

Отсутствие ли внимания или что-то ещё, но Игорь вырос очень самостоятельным и уже в двенадцать лет чётко понимал, что заниматься будет компьютерным дизайном. Ну да, есть профессии и поинтересней, но, честно говоря – немного. Хотелось бы, конечно, стать звездой спорта, актёром или кем-то в том же духе, но не слишком. Дизайн ему нравился, да и получалось настолько, что к четырнадцати годам он стал подрабатывать, а к настоящему моменту зарабатывал побольше, чем родители у большинства одноклассников. Ну а с полгода назад всё стало настолько серьёзно, что ему поступило предложение учиться в университете Мадрида.

Да, здесь немного помог отчим, но... Два месяца назад пришло приглашение и из Сорбонны, так что... Греет душу, греет – он всё-таки живой человек, и тщеславие ему не чуждо.

– Круто, в Мадриде будешь учиться, – прервал раздумья голос Льва. Игорь не любил его и потому ответил с некоторым пафосом:

– Да, может, и не в Мадриде, а в Сорбонне – оттуда тоже пришло приглашение. Ну или поучусь в одном, переведусь в другой.

Лев пошёл пятнами, но пытался мило улыбаться – зря. В школе его не любили – не за то, что бы евреем, таких здесь хватало и, откровенно говоря, мало кого это волновало. Не любили его за то, что парень был откровенно подловат, то и дело пытаясь подставить кого-то. Но вот ума не хватало, он регулярно попадался, и тогда Лев начинал размахивать своим еврейством как знаменем, пытаясь выставить недоброжелателей антисемитами.

---

¹ Руфер — высотник, то есть тот, кто стремится залезть на верхотуру и желательно – с риском для жизни.

Первоначально прокатывало – были даже какие-то разборки с милицией, прокуратурой и всевозможными контролирующими инстанциями. Даже сионистские правозащитные организации подключались. Ну и надоел, став неприкасаемым, с которым что ученики (включая остальных евреев), что школьная администрация – все включали максимальный игнор и недоброжелательство – строго по закону. Перевестись? Так эта школа была не первой – уже переводился. Ну и уровень школы всё-таки неплох, так что...

Распрощавшись с одноклассниками, парень двинул домой – в собственную квартиру. Да-да, собственную! После развода и переезда матери к новому мужу в Испанию отец долго искал родственников в Первопрестольной, надеясь найти кого-то, кто согласится временами сидеть с ребёнком.

Ну и нашёл дальнюю родственницу, с которой даже не получилось нормально общаться – старая карга была на редкость противной. Противной-то противной, но как выяснилось, других родственников у неё не было, так что квартиру она завещала именно Игорю – просто для того, чтобы она не отошла государству.

Вообще, Игорь считал себя везучим человеком – и не зря. Ну да, в детстве он страдал из-за отсутствия матери и постоянно пропадающего на работе отца, так зато и вырос самостоятельным. Нет, руферство, сталкерство, паркур и прочие развлечения отклонением от нормы парень не считал. Адреналиновый наркоман? И что? Не гопник же, не вор, не скинхед или антифа², не наркоман какой и не задрот-игроман.

Ну адреналинщик... И что? Риск погибнуть есть, конечно, но с другой стороны – и характер получается бойцовский, так что офисным планктоном стать у него просто не получится.

Зайдя в квартиру, он помылся-переоделся, скинул через Сеть информацию об окончании школы и своих оценках всем потенциально заинтересованным лицам и начал собираться. Их компания давно уже намеревалась съездить в Питер – не были там аж с января.

Барахла было немного – путешественник он опытный, так что лишних вещей просто нет. С некоторым трудом преодолев полосу препятствий, которая называлась «Московской транспортной системой», Игорь подошёл к вокзалу, где его ждали.

– Ну что, Малой, всё благополучно? – задал вопрос лидер компании, фотограф Серёга.

– Да всё нормально.

– Ну и ладненько, – подытожила Векша.

Вот одна из причин, почему Игорю нравились руферы-сталкеры и прочие адреналинщики – им хватает ярких впечатлений, так что «пережёвывать» какие-то события по многу раз они не спешат и, если видят, что тема собеседнику не интересна, то и в душу не полезут.

Неожиданно, но большая часть путешествия прошла во сне и в полусне, включая заселение в съёмную квартиру в Питере. Видимо, экзамены всё-таки были не настолько лёгкими с моральной точки зрения и нервная система решила отключиться на время. Отключился он так, что даже не пошёл никуда с компанией этим вечером, благополучно про дрыхнув.

– Ну ты и силён спать, – смеялась с утра Ленка. – Серёга вчера аж целый концерт на кастрюлях закатил, барабанил у тебя над ухом – и ничего!

– Зато отдохнул, – лениво парировал блаженно щурившийся Игорь, уминавший жареную с колбасой картошку, – кстати, очень вкусно, Лен!

---

² Несмотря на задекларированные благородные цели, антифа как минимум не уступает скинхедам по отморозченности, причём отморозченность эта имеет не столько антифашистский, сколько антирусский оттенок (желающие могут поискать информацию в сети). Драки и, главное, провокации – норма для данной субкультуры. Причём если скинхеды как-то выделяются, так что обычно их можно обойти, то антифа выглядят вполне мирно. Вот только «мирность» эта кажущаяся. К примеру, одна из любимых провокаций заключается в том, чтобы подойти к кому-то и начать опрос: как вы относитесь к приезжим, к каким-то явлениям, связанным с ними, и т. д. Вопросы задают провокационные, а любое отклонение ответов от только им понятной нормы обернётся либо истеричными и очень громкими обвинениями в фашизме и попыткой прицепить к «неправильному» прохожему какую-то статью из Уголовного кодекса, либо и вовсе – кастетом в голову. Это свойственно именно российским антифа – в Беларуси, на Украине или в Европе это более-менее упорядоченное и достаточно достойное движение.

– Да это что, – непонятно о чём вздохнула девушка, взьерошила ему причёску и вышла из кухни.

По дороге наткнулись на француза, пристававшего к прохожим с вопросами, и парень не упустил возможности попрактиковаться.

– Месье?

– Дорога... русская... жить... – лепетал лягушатник. Точнее, говорил он достаточно чётко и медленно, но французский Игорь знал довольно средне. Точнее говоря, читал он свободно, а вот разговорный был не очень.

Наконец, то него дошло, что француз спрашивает о Дороге Жизни, но дальше пошло совсем туго – видимо, дядька был из какой-то провинции³. Отчаявшись нормально понять его, Игорь перешёл на английский, затем на немецкий – по полям. На испанскую фразу турист среагировал бурно – понял наконец-то. Такие вот ситуации для галлов не в диковинку – они вообще без особого энтузиазма учат другие языки, считая, что «образованный человек обязан понимать язык Великой Франции».

Мужчина искал Дорогу Жизни, и компания помогла ему, посадив на нужный транспорт и вручив записку с конечным адресом, который и велено было предъявлять при дальнейших расспросах.

– Время, парни, – взглянула Векша на часы, – мы и так с этим лягушатником провозились слишком долго.

Времени и правда оставалось маловато – ещё чуть-чуть и нарушится график. Вообще, руферов, сталкеров и тому подобные компании не слишком-то привечали. Оно и понятно – мало кому охота отвечать за малолеток (как правило), лезущих в опасные места. Поэтому в некоторых компаниях было принято не проворачивать свои вылазки наобум, а планировать настоящие операции.

В их компании за это отвечал Игорь. Пусть и самый молодой, но стратегический талант имелся, плюс редкая наблюдательность, ответственность и главное – умение думать быстро. Тот же Сергей изрядно превосходил его по интеллекту – физик-аспирант, не абы кто, но вот «тормозом» был изрядным и в экстренных ситуациях думать просто не успевал.

Времени и вправду было маловато – через пару часов смена сторожа-никчемушника должна была завершиться, и тогда пройти на объект будет гораздо трудней. Точнее – пройти-то ещё можно, а вот уйти назад – уже вряд ли.

– Поскакали, – кивнул Сергей – и они «поскакали», в буквальном смысле слова. Руферами они были не «чистыми», а скажем так – по обстоятельствам. Немного паркур, немного сталкерство, немного диггерство и спелеология, парашютный спорт (у Игоря уже семь прыжков накопилось!) и вообще всё, что давало бы выброс адреналина.

Строем они не ходили, и у каждого был свой набор любимых хобби: диггерство и руферство у Сергея, руферство и парашютный спорт у Векши, паркур и руферство у Лены, ну и паркур (экстремальный, на грани с руферством) с рукопашкой у самого Игоря. Вообще-то говоря, общая численность их... сообщество была значительно больше, но полным составом они собирались очень редко. У каждого были свои возможности и потребности, так что, по сути, их компания была скорее неким сборищем анархистов.

В музейный комплекс они проникли легко – прохожие видели их, косились, но не предпринимали попыток задержать перелезающую через забор молодёжь. Только один старик остановился и начал что-то бурчать о бестолковой молодёжи.

---

³ Во Франции очень много диалектов, сильно отличающихся друг от друга. Диалекты эти во многих случаях уместней называть языками, поскольку общего у них мало. Ну и само собой разумеется, что и «общий» французский в разных провинциях отличается достаточно заметно – настолько, что жители другой провинции не слишком-то хорошо их понимают. И кстати, в Германии ситуация обстоит ещё «веселей».

– Дед, да мы просто шалим, понимаешь? – весело отозвался Сергей. – Не хулиганы и не воры, просто спорт такой экстремальный.

– В армию надо идти, – язвительно отозвался старикан, – или ещё чем полезным заниматься. Чтoб уж если сдохли – так хоть с пользой.

– Эх, дед, – с неожиданной для себя же тоской отозвался Игорь, – вот ты в армию шёл и понимал – тебе есть за что умирать. За Советскую Родину, за Сталина! Раньше – за Веру, Царя и Отечество. А сейчас? За Чубайса, за Кадырова, за приватизацию? Не хочу...

Испорченное было настроение вскоре приподнялось, и парень забыл о разговоре. Вспомнил только тогда, когда летел в высоты полусотни метров на брусчатку и подумал: «Хотелось бы умереть не так глупо, а за какую-то идею».

Глава вторая

Из беспамятства Игорь выныривал тяжело – состояние было как после сотрясения мозга. Головная боль и головокружение, тошнота, сильная слабость – и болело всё тело. Голова не соображала – только какие-то смутные образы роились там.

Несколько раз парень почти приходил в себя и снова проваливался. Сколько времени прошло, сказать не смог бы даже приблизительно. Через несколько таких циклов появилось подобие мысли, и сразу пришли воспоминания.

Падение... Выжил? Значит, он находится в больнице. Странно, высота была очень большой, но в мире приключаются и не такие чудеса – сам сталкивался.

– Пить, – хрипло прохрипел он пересохшим горлом, но никто не подошёл. Через несколько минут попытка повторилась – и снова никакого отклика. С усилием он открыл глаза и заморгал, пытаясь избавиться от галлюцинаций. Не помогло – он явно лежал под какой-то... ёлкой?

Да, она самая, вот и хвоя, вот ветки... Хвоя, кстати, достаточно мягкая и шишки в спину не впиаются. Но... что за хрень происходит? Подумав это, он снова отключился и «включился» уже на рассвете – восходящее солнце не оставляло в этом никаких сомнений.

– Этическая сила! – были первые слова Игоря. – Это ж в какую х... я вляпался?

Мыслей о происходящем было много, но все на уровне «похищение пришельцами» и тому подобное. Ну а как ещё можно расценить происходящее: если учитывать падение и ёлку потом? Правда, оставался вариант, что никакого падения не было, а была подмешанная ему наркота или тайные опыты спецслужб, или... Да в общем все версии были откровенно бредовыми.

Осторожно пошевелившись, Игорь ожидал вспышки головной боль и прочих «приятностей», но как ни странно, самочувствие было неплохим. То есть сильно ниже среднего, но если учесть, как он чувствовал себя раньше... Осторожно встал... Действительно неплохо.

Что бы ни произошло, но первым делом нужна вода. Сколько он был в беспамятстве, Игорь не знал, но знал, что обезвоживание – штука чрезвычайно опасная.

Осторожно ковыляя, на всякий случай, парень достаточно быстро нашёл реку. С сомнением поглядев на тонкую плёнку ряски, покрывающую водную поверхность, он зашагал в поисках тростника или камыша... Да в общем, чего угодно, что можно использовать в качестве фильтра. Не факт, что предосторожности эти помогут, но глистов Игорь откровенно побаивался...

Тростника не нашлось, но несколько толстых стеблей растений подошли, так что вскоре он напился.

– Теперь – к людям, – пробубнил он себе под нос и задумался... А задуматься было над чем – житель-то городской... Нет, откровенным лопушарой он не был и мог поставить палатку или разжечь костёр, но вот все эти приколы с ориентированием на местности не для него –

всегда была электроника под рукой, да и в откровенные дебри они никогда не забирались. Что в России, что в Испании – максимум за пару километров от жилых мест.

Вспомнив, что прочитанные книги рекомендуют идти вдоль рек, на которых и стоят селения, он задумался – река была извилистой, с топкими берегами и... Да, в общем, не сильно попутешествуешь вдоль неё.

Кстати! Путешествовать-то нужно с осторожностью – есть такая проблема, как собаки. В деревнях и посёлках обитают порой экземпляры весьма достойных габаритов, и что самое паршивое – пока хозяин услышит, пока добежит... Если вообще услышит. Ну а в местах более глухих есть такая беда, как дикие собаки.

И совсем не смешно – они опасней волков, потому как не боятся человека, знают его повадки и прочее. Так что... Парень только сейчас догадался провести инвентаризацию имеющегося имущества.

Рюкзак с кое-каким полезным барахлом отсутствует, но в многочисленных карманах есть кое-что полезное. Два складных ножа: один рабочий мультитул, второй – из серии «На всякий случай» – наваха, подаренная отчимом. Пара зажигалок – важная принадлежность любого экстремала. Серебряная полулитровая фляжка – подарок всё того же отчима, сейчас в ней обычный медицинский спирт – для медицинских же целей. Бинты, пара жгутов, пластыри, набор обезболивающих и обеззараживающих, изолента, презервативы, два носовых платка, носки и трусы... А они-то как в карманах оказались? Хотя... Векша была большой любительницей подобных шуточек – тем более что трусы были кружевные... Расчёска из серебра и стали, «оформленная» в стиле складного ножа, – тоже отчим. Блокнотик с записями, сотовый... Сломанный, мать его!

Вырезав здоровенный дыр из незнакомого, но явно прочного дерева (почти час поисков и проверок), Игорь достаточно умело крутанул его и провёл несколько приёмов штыкового боя: секция рукопашки, которую он посещал, была прикладной, а не чисто спортивной, так что основы штыкового боя, боя на ножах и владения сапёрной лопаткой он знал. Ну всё – с таким оружием он и от пары кавказских овчарок отобьётся...

– Тля, куда же всё-таки идти... А!

Вспомнилось, что можно просто залезть на дерево и оглядеться. В жизни это оказалось не так-то просто: сперва пришлось найти какое-никакое возвышение, затем подходящее дерево... А между прочим, хотелось уже не просто есть – хотелось жрать!

Залез, огляделся... И ничего не увидел. На зрение он не жаловался, но на расстоянии нескольких километров не было ничего, напоминающего о цивилизации. Пока лазил, накатила слабость, и стало понятно – нужно что-нибудь поесть, да и о путешествиях на сегодня думать не стоит.

Решив попробовать того самого рогозокамышя (в его сортах парень не разбирался), он зашёл в воду и двинулся потихонечку туда. Грибы или моллюски? Спасибо – нет, в грибах он разбирался постольку-поскольку, а моллюски есть просто опасался – знал прекрасно, что в промышленных районах они могут быть ядовиты – впитывают всякую дрянь.

В воду зашёл в кроссовках и брюках, закрепив последние ремешками на щиколотках, – боялся порезать ноги, да и пиявки... Шёл неторопливо, ощупывая дно, чтобы не влезть в ил или не запнуться о какую-нибудь корягу, так что толчок в ногу сперва не заметил.

Рыба, толстая рыба крутилась около Игоря – то ли взбаламученный ил привлёк, то ли что-то ещё. Он осторожно наклонился... И резким движением схватил её за жабры! Судорожное трепыхание увесистой тушки продолжалось до тех пор, пока парень не передал ей мозг через глаза.

Выбравшись на берег, он смог точнее оценить свою нечаянную добычу:

– Ни фига себе! Килограммов на пять потянет! А что за порода-то?

Ну да – не рыбак, не рыбак... Карася там, карпа, толстолобика – он ещё мог опознать уверенно, а вот остальные... Язь, голавль, линь – для него это были просто слова.

Место для готовки и заодно будущего ночлега (самочувствие-то не фонтан...) нашлось быстро – в ельнике. Игорь оценил старые деревья, которые фактически были готовыми шалашами с хорошей такой подстилкой.

Подготовив место под кострище и натаскав дрова, парень понял, что не имеет ни малейшего представления, как же он будет готовить рыбу. В книгах предлагалось запекать её, но так... абстрактно. Гриля под рукой не было. Глина? Тоже маловероятно – ельник вроде как располагается на песчаной почве. Плюнув, Игорь соорудил несколько толстых шампуров из веток орешника, с запасом на всякий случай, и развёл костёр.

Можно сказать, что обед, а заодно и ужин, получился. Не фонтан, далеко не фонтан – без масла, без соли и на непривычной «плите», но в общем – вполне терпимо. Смолотив примерно половину и обожравшись до состояния нестояния, парень принялся благоустраивать будущую постель под елью – вытаскивать шишки и так далее.

Надолго работа его не заняла, но другого занятия он придумать себе так и не смог. Для путешествия он пока неважно себя чувствует – лучше уж переночевать раз-другой в относительно комфортных условиях, чем пытаться с гудящей башкой искать воду и ночлег.

А делать и правда было нечего... Костёр на ночь он решил не оставлять – очень уж здесь много сухостоя и риск пожара крайне велик. Да и откровенно говоря – зачем? Дикие собаки огня не боятся, а остальные... Да какие остальные? Нет в современном лесу серьёзного зверя. Ну на кабана можно набрести, но и тот от огня скорее разозлится. Греться же незачем, руфер одет достаточно добротно – с учётом питерской погоды и ветров на высоте – футболка, тонкий джемпер и ветровка. Не замерзнет, короче.

Ближе к вечеру Игорь с удивлением понял, что его совсем не трогают комары и мошка, а ведь сидит неподалёку от реки, да ещё и в ельнике. Намазали чем-то или последствия удара? Делать ему было нечего, так в голову лезла откровенная хрень, и пришельцы там были не самой большой экзотикой.

Выспался средне, но сделав осторожную зарядку, убедился, что самочувствие в норме – относительно. Сделал попытку порыбачить таким же образом, как и вчера, и получилось. «В заповедник, что ли, попал?» – озадаченно подумал руфер.

Опыт готовки уже был, да и вчерашние угли прогорели не до конца, так что меньше чем через час после побудки парень сыто отдувался и был готов к новым свершениям.

Оставаться на месте не было никакого смысла, так что просто пошёл в сторону восходящего солнца. Никакого символизма – просто путь получался более или менее вдоль реки.

Ближе к полудню (солнце над головой – это вроде как полдень?) он набрел на возвышенность и снова залез на подходящее дерево, после чего долго пытался что-то увидеть. Увидел что-то похожее на нитку, перерезающую лес. Бликов не было, так что, скорее всего, дорога – решил парень.

И снова в путь... Самое неприятное в путешествии была необходимость переплывать и переходить вброд какие-то речушки, а вода, между прочим, прохладная. Да и вообще, природа напоминала Карелию, но как-то... Чище, что ли? Да, это наиболее точное понятие – Игорь пока не встретил пластиковых бутылок и другой урбанистический мусор.

Заповедник? Да, наверное... Ну или как вариант – «попаданство». Здесь он не удержался и хихикнул – несколько нервно, нужно сказать...

Вообще, руфер склонялся к предположению наркоты, которую ему подбросили, – отсюда и яркие «глюки» с падением и прочим. Ну а что дальше... Да хрен его знает – может, перешёл кому дорогу...

Тут он остановился – да, это могло быть. Несмотря на достаточно скромный рост – сто семьдесят пять сантиметров, у девушек Игорь пользовался нешуточным успехом и уже почти два года покорял сердца и постели красавиц, многие из которых были заметно старше.

Почему, он сам толком не задумывался. Красивый? Да вроде обычный, но девушки считают, что да – платиновый блондин с ярко-синими глазами и внешностью классического славянина-варяга, он почему-то производил впечатление. Возможно, этому помогало спортивное телосложение, движения опытного бойца – и глаза. Глаза у парня были... своеобразные. Что в них отражалось, сам он не понимал, но девушки млели, а компании кавказцев и гопников-соотечественников почему-то не приставали – порой даже обходили стороной, по собственной инициативе.

«Ты такой... Зверюга! – восхищённо сказала одна из пассий. – Как рысь смотришь, вроде и милашка такой, но понятно – порвёшь на раз».

Так что были, были недоброжелатели...

К дороге он выбрался уже ближе к вечеру и услышал непонятный стук. Оказалось, что стучали конские копыта – это проскакал целый отряд ряженных – ролевики или реконструкторы какие-нибудь. Были они в париках, так что отыгрывали, наверное, эпоху от Петра до Александра Первого. Историю руфер знал нетвёрдо – помнил только, что Пётр ввёл на Руси парики, а Александр в учебниках был уже без парика, хотя его предшественник Павел – в парике.

Крикнуть он толком не успел, да и вначале было скорее сипение – даже тренированная дышалка не выдерживает, когда её обладатель гонит в режиме марафона уже более восьми часов. Ну а потом было поздно – скрылись вдаль.

– Мать вашу, – тоскливо выдохнул Игорь, уперевшись руками в колени, – не успел.

Злился он на них? Да, но так – абстрактно. Отдышавшись, парень всё-таки вышел к дороге и понял – идти ему, вполне возможно, предстоит долго. Дорога была не просто просёлочной, а почти заросшей. Не то, чтобы он был таким уж специалистом... Но складывалось впечатление, что машины проезжают здесь не каждый день.

Вполне вероятно, маленьких «умирающих» сёл полным-полно, так что вот... Поколебавшись немного, идти он решил вслед за ускакавшими всадниками – близился вечер, и парень надеялся, что они едут куда-то в свой лагерь. Через пару километров он почуял неприятный запах – воняло тухлятиной.

Ускорив шаги, экстремал решил проскочить неприятный участок побыстрей. По обочине не получалось – заросшая больно, так что решил прибавить шагу... Прибавил – и через пару десятков метров наткнулся на самых настоящих висельников, болтающихся на крепких ветвях.

Несколько полуголых фигур уже основательно разложились, и было видно, что погибли они не от петли – их чем-то зарубили.

– Что за хрень?! – тихо сказал оторопевший Игорь недовольным воронам, тяжело взлетевшим с исклеванных тел.

Глава третья

Блевать он не стал – сталкивался в жизни и не с такими вещами, но и сказать, что воспринял ситуацию равнодушно, тоже нельзя. Особых мыслей не было, кроме как скрыться подальше, а то мало ли – ещё на тебя это убийство и повесят... Пока ломился в лес, мыслей не было, но вот потом начался отходняк, и в голову полезло такое...

В первую очередь, забавы «новых русских». Дико звучит? Так руфер и его приятели экстремалы не понаслышке знали о... всяком, в общем. Затем полезли мысли о провале куда-нибудь в прошлое или параллельный мир.

Как ни странно прозвучит, но особо он не испугался – слишком устал. Поэтому отойдя на пару километров от дороги, Игорь нашёл более или менее подходящее место для ночлега и лёг

спать на голодный желудок. Не впервой – из-за постоянных приключений это было частенько, да и, кроме того – были опыты с голоданием, и год назад он спокойно продержался неделю, продолжая при этом ходить в школу и тренироваться.

Утром поел земляники, коей по лесу было просто невероятное количество. Калорий, конечно, маловато – но витаминчики. Выбрался на дорогу и шёл у обочины, постоянно оглядываясь и прислушиваясь.

Через часок послышались странные звуки, и парень рыбкой метнулся в кусты. Мимо проехала телега, и возничий был таким... аутентичным, короче. Как назывался его костюм, Игорь понятия не имел, но вот материал был откровенно домотканым даже на глаз, лошадёнка – низкорослой и бочкообразной, но главное – колёса. Они были деревянные...

– Попал, – резюмировал парень спустя несколько минут, снова выбираясь на дорогу. Костюм ещё ладно... Но вот таких лошадей сейчас не осталось – парень достаточно прилично разбирался в лошадях, всё тот же отчим постарался. Ну и деревянные колёса – в качестве сувениров их ещё можно было приобрести, но ездить на них – крайне маловероятно. Да и все детали телеги – деревянные.

Пару километров спустя лес стал заканчиваться, и Игорь удвоил свои усилия по маскировке. Насколько он понимал, вблизи населённых пунктов народ в лесу встречается достаточно часто.

Вышел к окраине и... да – село, с деревянными домами, деревянной церквушкой (или часовней?) и лаем собак. Зрение у парня были не орлиное, но заметно больше ста процентов – газетный шрифт мог читать метра за три. Ну и увидел – таких же «аутентичных» крестьян.

Что делать? Да особо нечего – либо вести разведку дальше, либо идти сдаваться. В своих способностях разведчика Игорь закономерно сомневался – это не город, где он смог бы вести слежку немногим хуже оперативника, – проверено. Деревня, да ещё и *древняя*, имела свои особенности. В частности, собаки здесь своих знали «в лицо» и запах чужака могли почуять ой как далеко...

Так оно и случилось – то ли ветерок подул, то ли ещё что, но вскоре раздался громогласный лай, и к руферу понеслась стая собак. К его облегчению, исключительно мелких, да и напасть они не спешили. Пара особо наглых шавок получила по хребту, но остальные держались на почтительном расстоянии.

Размеренными шагами парень шёл к деревне, держа свой посох в руке горизонтально. Постепенно начали подтягиваться вездесущие дети, не подходя ближе чем метров на тридцать. Потом из ворот стали выглядывать женщины, а затем и появились крепенькие такие мужички, возникшие будто ниоткуда.

Никаких действий они не предпринимали – просто смотрели. Парень остановился и начал ждать. Осенять себя крестным знаменем и произносить что-то вроде «я свой» он не спешил, прекрасно понимая, что не знает толком, куда он попал и как могут среагировать поселяне на крест. Может быть, они тут староверы или ещё что...

Насмотревшись на него, крестьяне неторопливо сняли шапки и поклонились – не слишком низко. Игорь тоже поклонился в ответ, но почему-то как на татами – не отрывая глаз от «противника» и не сгибая спины.

– Здравствуй, барин, – с достоинством сказал один из крестьян, – заплутал, поди?

– И вам здравствовать, – так же неторопливо отозвался парень, – есть немного.

– Оголодал, поди?

– Не слишком, но от еды отказываться не стану, – с лёгкой улыбкой ответил он.

Улыбка стала своеобразным катализатором, и окружающие ощутимо расслабились, заулыбавшись в ответ. Повели его к одной из изб – вопреки представлению Игоря, отнюдь не маленькой. Дома были пусть и деревянными, но здоровенными. Подойдя поближе, стало ясно

почему – под одной крышей были объединены все хозяйственные постройки, да и часть двора была перекрыта⁴.

Вошли – достаточно просторная горница метров на двадцать пять квадратных, с печкой – и снова его школьные знания «мимо кассы»: печка стояла не посередине комнаты, а у стенки. Насколько он мог понять, значило это, что жилая часть дома достаточно велика. В дом прошли не все – сам хозяин (тот самый мужик, что поздоровался с ним), да ещё двое столь же уверенных в себе крестьян. Перекрестившись на почерневшие доски в углу, главный зычно скомандовал:

– Любава, всё, что есть в печи – на стол мечи!

– Мне б умыться для начала, – вежливо попросил руфер. Полили над какой-то лоханью – и водичка туда лилась откровенно грязная.

В печи оказалось не так уж много – гречневая каша, молоко и какой-то пирог с непонятной зеленью, но всё очень вкусное, кстати. Мужики ели неторопливо, но так... истово – пришло в голову Игорю. И кстати – много. Сам он не то что поклевал, но съел раза этак в три меньше, чем любой из них.

– Чтой-то ты, барин, малоежка, – задумчиво сказал старший, – или объесть меня боишься?

– Привык, – пожал плечами парень.

Знакомиться начали только после еды: главный и правду оказался главным – старостой. Звали его Антипкой, а двух его братьев⁵ – Егоркой и Мишкой.

– Игорь Владимирович, – представился парень и после небольшой паузы: – Русин.

Лица у мужиков внезапно стали деревянными, и речь их потекла уже без прежней живости, появилась странная нотка.

«Да они что, лебезят передо мной... – удивился попаданец. – С чего бы?»

Что он такое ляпнул, гадать можно было долго, а спрашивать напрямую... На фиг – однозначно.

Из осторожной беседы выяснилось, что живут они при «Матушке Елизавете, неподалёку от стольного града Питербурха». Обед и неловкая для обеих сторон беседа заняли часа полтора, после чего послышался дробный конский топот, и вскоре в избу бесцеремонно ввалился какой-то военный.

– Вот, господин капрал, – с явным облегчением встал староста, – из-за кордона гость. Непонятный...

Военный молча стоял, рассматривая меня, я столь же молча сидел, рассматривая его.

– Гефрейт-капрал Новгородского уланского полка Егор Репин, – коротко представился он.

– Игорь Владимирович Русин, – столь же коротко ответил парень.

Снова молчание и снова непонятное ощущение, что капралу неловко. И что в этот раз? Имя не такое? – гадал попаданец.

– Извольте проехать со мной в расположение, – слегка поклонился улан и вышел из избы.

– Благодарю за обед, – слегка поклонился парень крестьянам и вышел вслед за ним.

С капралом было ещё двое военных и запасная лошадь – видимо, для него. Поправив стремяна под свой рост и проверив подпругу, Игорь привычно вскочил в седло.

---

⁴ Подобная архитектура часто встречалась (и встречается) на Русском Севере, особенно если нет особых проблем с лесоматериалом.

⁵ Братаны — двоюродные, троюродные братья.

«Расположение» оказалось временным военным лагерем для двадцати пяти человек, а капрал⁶ был здесь старшим. Хм, а Игорь-то думал, что старшим должен быть сержант или там унтер... Столь же неловкий разговор и внимательные взгляды солдат. Кстати, забитыми или голодными они не выглядели и вели себя с большим достоинством. Даже откровенно неуклюжий молодняк гонялся беззлобно, и «отеческих» ударов в «фанеру» не наблюдалось. Максимум – что-то вроде «голова куриная», после чего этот самый молодняк краснел и бросался исправлять ошибки.

Лагерь этот сворачивался: как понял Игорь, военные выполнили свою задачу – очистить окрестности от неких «татей». С десятков пленных они везли на телегах – были это мужички откровенно уголовного вида, так что парень понял, что «тати» – это попросту разбойники. Кого удалось захватить живым – тех ждал суд и каторга. Хм...

– Именно каторга, а не виселица какая? – осторожно осведомился попаданец.

– Матушка Елизавета никого не казнит, – назидательно поднял палец молодой солдатик, приставленный к нему то ли для таких вот вопросов, то ли для охраны.

– Если сопротивляются, тогда да, порубить да повесить, чтоб все видели – дороги охраняются.

Покивал задумчиво – и снова насел на солдатика с вопросами, а их было много... Постепенно раскрывались местные реалии – необычные, мягко говоря. Для примера: люди, идущие в армию не по «призыву», пользовались нешуточными привилегиями. Их не могли бить, наказывать физически иначе как по приговору полкового суда и только за очень большие проступки; проще было продвижение по службе; можно было не уволиться – но перейти на службу гражданскую лет этак через десять-пятнадцать. Ну и другие поблажки.

Игорь всерьёз задумался о поступлении на службу, и честно говоря – особых альтернатив-то и не было... А куда ещё? Ремёсел он не знал, и хотя хорошо рисовал, но исключительно графику, да и то – пробелов хватало. Музыка? Неплохой гитарист и флейтист – именно неплохой, не более. Ну и понятно, что инструменты нужно ещё и раздобыть, после чего обзавестись какими-то документами... Идти в землепашцы? Нет, спасибо – потомственный горожанин, он не горел желанием ковыряться в земле, да и статус...

Варианты откровенно авантюрные – ну там в напёрстки всех обыгрывать, МММ устроить или поспешить к императрице и вельможам с рассказами о будущем – отнёс как идиотские. Даже если поверят, истории-то он толком не знает...

Ну и самое главное: Игорь сильно выделялся. Речь, движения, поведение, даже мимика – *всё* было другим, другим настолько, что затеряться не получилось бы в принципе. Возможно, через несколько лет дела будут обстоять иначе, и он сильно пожалеет о своём решении, узнав о других, более интересных вариантах... Но это будет потом, а сейчас ему нужно выжить – человеку, который *сильно* отличается, который не имеет документов и внятной «легенды», который...

– А можно ли поступить на службу в ваш полк? – спросил попаданец, подъехав к капралу.

Глава четвёртая

Поступить на службу оказалось возможно, но пока только в теории – такие вопросы решал не капрал, а исключительно офицеры. Так что до самого вечера приставленный к Игорю молоденький (а сам-то!) улан просвещал его о всяком разном. Парень слушал внимательно, и в голове его всё больше зрело убеждение, что поступает он правильно.

---

⁶ *Капрал* — в русской армии до Павла капральство – это примерно 1/4 роты, которым капрал и командовал. Сержант же или унтер был куда более серьёзной фигурой и выполнял скорее офицерские функции. Звание же прапорщика или поручика – и вовсе недостижимая высота. Это позже звания несколько «обесценились», а в описываемые времена майора или там капитана могли назначить старшим воинским начальником в целой волости.

Кто он? Спортсмен, адреналиновый «наркоман». Что он умеет делать по-настоящему хорошо? Бегать-прыгать, драться, махать всевозможными железяками.

С шести лет – занятия дзюдо и фехтованием, к тринадцати годам тренер по дзюдо ушёл на пенсию, а с новым отношения не сложились настолько, что и сам вид спорта резко опротивел. Фехтование – ну тут всё бы хорошо, нравилось. Но вот беда – получалось не слишком хорошо. Второй взрослый – это маловато... Маловато-маловато! Фехтование – такой вид спорта, что и мастера в этом возрасте бывают. Так что постепенно его «ушли». Нет – не выгоняли, но друзья ездили на соревнования, а его перестали брать; тренер стал реже подходить... Игорь оказался далеко не бесталанным – великолепная техника, тактика, но... Не хватало реакции. Для других видов спорта реакция была очень недурная, но вот конкретно здесь – не хватало.

Перешёл на рукопашку, а затем занялся ещё и спортивными танцами – просто компания хорошая попалась. Пошли результаты, а после полового созревания и реакция «проснулась». Мог бы вернуться, но уже перегорел, да и компании в новых секциях подобрались лучше – дружные, весёлые.

Да и как-то так получилось, что здесь его таланты раскрылись – стал мастером по спортивным танцам, КМС по рукопашке – и это если учесть, что фанатиком тренировок парень не был и немалую часть времени посвящал новым увлечениям – руферству, сталкерству, паркуру и прочим.

Шпагу бросить окончательно не удалось – новый отчим в прошлом был в сборной университета по пятиборью. Достижение, прямо скажем, не самое большое, но он им жутко гордился. Если учесть, что испанец был далеко не бедным человеком и ему (точнее – его семье) принадлежало небольшое поместье и старинный особнячок с кучей колюще-режущего хлама с многовековой историей, да и бывшие со-командники нередко навещали его... В общем, не успел мальчишка опомниться после развода и новой свадьбы матери, как на летних каникулах в Испании начал звенеть железом с отчимом. Причём порой этим железом были не спортивные рапиры-шпаги-сабли, а те самые раритеты.

Особого восторга от фехтовальных тренировок мальчик не испытывал – тяжело было вспоминать недавнее прошлое и отчуждение друзей и тренера. Однако отчим оказался настолько симпатичным человеком, что обижать его не хотелось. Так что время от времени скрещивал с ним клинки, а затем и не только с ним, но и с его университетскими друзьями.

Университетские друзья также оказались из состоятельных семей, и как-то так получилось, что именно шпага стала пропуском в их мир. Незаметно для себя Игорь научился ездить верхом и разбираться в лошадях, парусном спорте (весьма умеренно, впрочем), гольфе, теннисе, этикете... А главное – научился держаться.

Он не подозревал, но его знаменитые среди девушек «рысьи» глаза были не только из-за увлечения единоборствами и экстремальными видами спорта, но и из-за окружения. Когда всё лето проводишь среди людей состоявшихся, волей-неволей перенимаешь их поведение, манеры, уверенность в себе. А если учесть, что были они в большинстве своём аристократами, то и сам мальчишка стал выглядеть как аристократ.

Это не значит, что он стал манерничать или есть бутерброды вилкой – это всё вторично. Главное – та самая уверенность в себе, отточенные движения бойца и танцора, взгляд человека, привыкшего приказывать.

Да и отец, пусть толком им и не занимался (зачем тогда, спрашивается, не отдал сына матери?), но был личностью серьёзной. Бывший «пиджак»⁷ прошёл Афган, бандитский беспредел девяностых и ухитрился остаться не запачканным и несломленным, со своим бизнесом. Не самым крупным – далеко не самым, но несколько миллионов на счетах и кое-какая

---

⁷ Пиджак — офицер после военной кафедры на срочной службе.

недвижимость в Москве – результат неплохой. А с недавних пор – появилась недвижимость и в Германии.

Правда, деньги и недвижимость предназначались скорее для новой семьи отца... Разведясь, он не то чтобы вычеркнул сына из жизни, но скажем так – охладел. Раз жена оказалась «неправильной», то и сын – какой-то не такой. Внешне всё было благопристойно, но когда в четырнадцать лет Игорь выказал желание жить отдельно, встречено это было скорее с облегчением. После этого они стали видеться несколько раз в месяц, да осенне-весенние каникулы парень проводил вместе с новой семьёй отца в Германии.

Он не понимал, но именно «аристократизм» и самостоятельность сделали из него достаточно своеобразную личность. Властный, уверенный в своих силах – недаром он к шестнадцати годам стал одним из лидеров в компании экстремалов. Да и потом – общение с крестьянами, с местными военными – они просто-напросто тушевались в его присутствии.

Так получилось, что власть и аристократичные манеры легли на наглость и пофигизм жителя современного мегаполиса. В итоге, вёл он себя так, что даже капрал просто не решался одёрнуть его, хотя откровенно говоря, «ляпы» попаданец делал порой достаточно серьёзные. Но как такого остановишь, если капрал воспринимает его едва ли не как начальника и уж точно – как отпрыска знатной семьи, ведь поведение «Игоря Владимировича» прекрасно вписывалось именно в такие рамки.

На ночлег остановились на большой поляне, обустроенной весьма недурно. Во всяком случае, было несколько подготовленных мест для кострищ – парочка даже с навесами от дождя, выкопан колодец, и были... Что-то вроде остановок автотранспорта из досок и жердин, увеличенных во много раз.

– Здесь часто военные останавливаются, – пояснил улан, – вот и обустроили как-то. Изба-то не нужна – только по тёплышку здесь гуляем, а такое вот, – повёл он рукой на «остановку», – к месту.

К Петербургу подъехали уже к обеду следующего дня, а точнее – к уланской слободе; до самого города было ещё пару вёрст, по словам проводника. Игорь, не стесняясь, осматривал слободу, и нужно сказать, что выглядела она неплохо. Ну как неплохо – обычная деревушка, по сути, разве что есть плац и кое-какие штабные и складские строения.

Солдаты жили в обыкновенных избах по несколько человек, женатые могли селиться и отдельно. Однако холостые или женатые, они жили своеобразными «коммунами», ведя совместное хозяйство. К слову, полк был совсем невелик, местные роты, батальоны и полки были заметно меньше, чем современные попаданцу, да и часть вояк была по отпускам – весьма длительным, длящимся порой даже не месяцами, а годами.

– Желание поступить на службу не пропало? – осведомился капрал. – Тогда пойдём к господину секунд-майору Ивану Сергееву Осинскому. Командир полка был сухим, немолодым уже человеком с совершенно волчьими глазами. Жил он точно в такой же избе, как и остальные солдаты (и офицеры тоже), разве что один.

– Игорь Владимирович, говоришь... – протянул он, раскуривая трубку, – Русин.

Короткий кивок в испанском стиле, и парень замирает, слегка морщась от ядрёного запаха табака.

– Из староверов, что ли? – с интересом спрашивает командир. – Табак-то не любишь.

– Католик, – коротко отозвался парень. Брови майора поползли вверх, но... Ничего не поделаешь – назваться православным, не зная никаких обрядов и молитв, значит нарваться на крупные неприятности. Никакая оторванность от Руси здесь не поможет, уж греческая-то церковь распространена достаточно широко. А католические обряды попадаец знал – отчим просветил, да и так много общался со священниками. Церкви в Испании частенько скорее музеи, так что он часто их посещал.

– А чего тогда табак не любишь, раз не старообрядец?

– А они его не любят? Ну если так, то молодцы. Табак – дряннь.

Глаза у майора стали... странные⁸, но разговор продолжился.

– А с чего ты так решил?

– Так попробуйте затягиваться хоть через материю какую-нибудь. И что будет? Смола да прочая пакость, и это всё оседает в лёгких, – уверенно ответил Игорь. Ещё бы не уверенно, как и многие спортсмены, он был достаточно неплохо подкован в вопросах медицины.

С табака разговор перешёл на умения потенциального рекрута.

– Языки? Испанский, немецкий, английский, немного латынь. По-французски читать-писать могу свободно, но их говор плохо понимаю, как и они меня.

– А по-русски? – внезапно оживился ещё один немолодой офицер, недавно зашедший в избу.

– Прочсть смогу, но не слишком хорошо, но писать – никак.

Офицер сокрушённо поцокал и пожаловался майору:

– Вот беда какая – писаря нормального никак не найду. Грамотных-то много, но почти все – полужайки.

– Оружием владеешь, верхом ездить умеешь? – продолжился расспрос.

– Только клинковое, ну и фланкирование⁹ немного. Но только как пехотинец! Верхом ежду, но конному бою не обучен. Огнестрельное – умею, но плохо.

– А на кулачках? – заинтересовался второй офицер.

Игорь пожал плечами и честно ответил:

– Если чисто на кулачках да по каким-то правилам, то нет, а если чтоб не только на кулачках, то хорошо умею.

– Эт значит ногами лягаться можешь? – сощурился Иван Сергеев.

– И ногами и локтем двинуть и лбом зарядить.

– Экий ты... Ну-ка, ступай во двор, проверим.

Во дворе его облачили в кирасу, шлем и поножи, после чего вручили тяжёлую тупую саблю и привели немолодого, крепкого усаха.

– Вообще-то я больше со шпагой привык, а не с такой... – протянул попаданец, после чего принялся разминаться, крутя восьмёрки. Сабля неожиданно оказалась... Не лёгкой – инерция была солидной, но как-то... как будто сил прибавилось.

Ветеран со скучающим видом наряжался в такие же доспехи – явно чисто тренировочные. Короткий салют, сближение, жестяной ляг... и через десяток секунд сабля ветерана ощутимо бьёт по кирасе.

– Нормально, – хрипло говорит солдат, – потянет. Видно, что к сабле не привык, да и в доспехах первый раз, но школа есть. Шпаге учили?

– В основном рапире, но и шпаге тоже. Умею и саблей, но только лёгкой, – ответил парень.

Принесли тренировочные рапиры, и через полчаса выяснилось, что будущий рекрут владеет ими лучше всех в полку. Повод для гордости? Пожалуй, да, решил Игорь, не так чтобы сильный, для кавалеристов шпага явно вторична. И... было странное ощущение, что то ли он стал быстрее, то ли уланы движутся медленней.

– Давай на кулачках! – азартно предложил майор.

– С вами? – не понял парень. Раздался смешок:

– Нет, я слабоват на кулачках.

Несколько желающих вышли, на ходу делая короткую, достаточно неграмотную разминку.

– А какие правила-то?

---

⁸ Дело в том, что табак в те времена широко рекламировался именно как лечебное средство. Например, от чахотки.

⁹ Фланкирование — фехтование на древковом оружии. Если проще – пики, протазаны, штыковой бой.

– А... Ты ж не с Руси... Ну как в драке кабацкой, но не так чтобы совсем – по яйцам не бить, глаза не выдавливать, не кусаться, не плевать.

Здоровый блондинистый (впрочем, они тут все блондинистые – отметил Игорь) парень лет двадцати пяти вышел и размахнулся – широко так, отведя слегка согнутую руку слишком далеко. Шагнув навстречу, попаданец перехватил руку и сделал элементарный бросок через плечо, тут же опустившись на колено и обозначив добивание. Блондинистый вскочил было...

– Хватит, Фёдор, победили тебя, – остановил его оклик майора, азартно следящего за происходящим.

Следующего бойца экстремал встретил классически лоу-киком в бедро. Тот осел, но почти тут же вскочил и попытался продолжить бой. Парень с десятков секунд просто уходил от него. Наконец, драгун остановился и доложил окружающим со смешком:

– Как слегой приложил, – после чего похромал к зрителям.

Вышел боец, заметно старше остальных – явно ближе к сорока. Шёл достаточно грамотно – по сравнению с остальными. С ним Игорь провёл поединок по правилам бокса – знал и его, хотя и намного хуже. Прямой удар в солнышко остановил противника.

– Силён! – светился второй, так и не представившийся офицер. – Тебя, я вижу, даже не зацепили ни разу?

Пожав плечами с невозмутимым видом, руфер отошёл в сторонку. Местные рукопашники его совершенно не впечатлили – похоже, что всем им «ставили» школу на владение холодным оружием, причём чисто рубящим, ну или копьём. И вот эти движения они пытаются вpleсти в рукопашку – с закономерным исходом. Но главное – снова ощущение, что он стал сильнее и быстрее.

– Силён, – повторился офицер, – записываем в полк! Только вот что – есть у нас традиция «Вербунок» танцевать.

Видя непонимание будущего подчинённого, пояснил:

– Охотники¹⁰ пьянствуют и танцуют перед записью. Традиции!

Лица у солдат стали какие-то слишком задумчивые, так что парень просто неопределённо пожал плечами.

Глава пятая

Игоря поселили в избе, где жили пятеро холостых уланов, остальных кандидатов в рекруты также разбросали по контуберниям¹¹ к холостякам. Как он понял – для присмотра.

Вояки держались несколько отстранённо, не пытаясь сесть ему на шею, но и не допуская в свой круг. Впрочем, ужином его накормили, но общались только друг с другом. Однако постоянно кто-то из них наблюдал за руфером – даже поход в сортир получился с наблюдателем.

И да – своих лошадей уланы держали при себе, а не в какой-то централизованной конюшне, причём лошадей этих было почему-то по две¹².

С утра никаких заданий и занятий не было – кандидатов предоставили самим себе – и снова с наблюдением. Ну оно и без знания психологии понятно – смотрят на поведение. Отдыхать предлагалось больше недели – запись в рекруты велась почему-то только по определённым дням.

Ну раз делать нечего, то Игорь взялся тестировать самого себя. Вот уже пару дней, как он заметил, что стал сильнее и быстрее – или это только кажется? Сделав пятиминутную разминку

---

¹⁰ Охотники — воины добровольцы, пришедшие в армию самостоятельно, «в охотку».

¹¹ Контубернии (римск.) – буквально: сопалатники. То есть живущие в одной палатке и ведущие совместное хозяйство. Одновременно – низшая тактическая единица. Здесь: примерно так же.

¹² В описываемое, да и в более позднее время породистых лошадей было мало. Большая часть – «слабосилки», так что кавалеристы чаще всего ездили одвуконь. Ну не выдерживали лошадки нормального темпа!

(а какие глаза были у зрителей!), он принялся отжиматься на одной руке. Фанатом силовых тренировок попаданец не являлся, но раз по тридцать на каждой мог отжаться, даже не идя на рекорд.

После сотни отжиманий на каждой руке он с невозмутимым, «индейским» лицом поднялся и начал приседать на каждой ноге по очереди, затем прыжки... И да – физические возможности выросли скачкообразно. По сути, даже сотня отжиманий не была пределом – чувствовалось, что мог бы отжаться как минимум столько же; мышцы только гудели, как будто к организму подключили какой-то трансформатор. Усталости не было.

«Физуха» заняла чуть более получаса – и это очень много, учитывая её интенсивность. Ещё столько же бой с тенью и отработка каких-то ударов. Хотелось ещё, но зрителей собралось... Вежливых, кстати – никто не пытался включить чувство юмора и как-то прокомментировать выступление чужака.

– Трифон, – подошёл Игорь к старшему в их контубернии ветерану, – у вас сабли для тренировок не найдётся?

Остро взглянув на него, усатый (как и все уланы) вояка молчком отошёл к сундуку в углу и вытащил старую тупую саблю, вручив её парню.

С саблей руфер крутился часа два, пока не почувствовал, что ещё немного – и люди станут креститься от такой выносливости. Сабля была тяжёлой даже на вид – насколько, парень мог предполагать только приблизительно, ведь с новыми физическими данными «настройки» несколько сбились. Оружие такое... Чисто кавалерийское, в общем – для рубки. Длинный тяжёлый, заметно изогнутый клинок с утолщением на конце – идеальное оружие для стремительной рубки, но вот для фехтования – никакое.

Парень не раз держал в руках сабли, но во-первых, значительно более лёгкие, а во-вторых, скорее пехотные варианты. Рубка же... По полям, в общем.

Скинув одежду (кстати, её постирать не мешало бы), он кое-как помылся холодной водой и снова натянул грязную. Пройдя в избу, предложил свою помощь Андрею, дежурившему сегодня по кухне.

– Не надо, ты ступай себе, – прохладно отозвался тот.

Пожав плечами, попаданец решил исследовать слободу – и снова выделился.

– Ишь, точно барин, – услышал он негромкую речь одной из солдаток, обсуждавших его, – ходит-то как... Чисто по поместью своему!

Дальнейший разговор подслушать не удалось – бабы поняли, что их услышали, и ретировались.

Экскурсия оказалась интересной по целому ряду показателей. Например, ему удалось выяснить, что жили драгуны достаточно вольготно – могли жениться и иметь семьи, жить в отдельных избах. Да и вообще – не слишком-то бедствовали! Из учебников истории и немногих исторических фильмов и книг о данном историческом периоде Игорь помнил, что солдат нещадно муштровали, лупя за каждую мелочь. Ах да, были ещё гвардейские полки, так там наоборот – только бездельничали. Здесь же он видел как тренирующихся вояк, так и празднующихся, но никаких «покрасок травы» и прочего армейского идиотизма парень не заметил.

Сделав закономерный вывод, что либо он что-то не то читал-смотрел, либо историки слишком уж врут, либо... Он провалился не просто в прошлое, а в некий параллельный мир. Поразмыслив над этим, пришёл к выводу, что для сохранения рассудка проще считать себя попаданцем в мир параллельный, чтобы не задумываться о возможных инцестах с какими-нибудь прапрабабушками...

* * *

За прогулками попаданца наблюдали и офицеры – как из окон собственных домов, так и из окна штаба.

– Интересный кадр, – протянул майор, – так и кажется, что если его расспросить как следует, то *такое* всплывёт...

– Именно потому и не стоит, – со смешком отозвался тот самый офицер, который вчера так живо реагировал на Игоря, – целее будешь.

– Да-а, вот и мне так кажется, что этот самый «Игорь Владимирович» – человек совсем непростой. Что уж там приключилось, что ему пришлось нелегально перебираться через границу да наниматься в уланы, не знаю, но нутром чую – тут ой как всё серьёзно!

– Ладно, давай-ка пока не будем поднимать эту тему. Так значит, отдашь его в мой батальон? В первый эскадрон сунуть хочу.

– Да отдам, Алёха, отдам, – махнул рукой на подчинённого майор, – только не пойму, что ты к нему привязался-то?

– Да просто интересно, – как-то не слишком искренно ответил капитан.

* * *

Дни тянулись для Игоря так, что казалось, будто в сутках часов по восемьдесят. Он-то привык к бешеному ритму мегаполиса двадцать первого века, а здесь... Сонное царство. Мало того, появилось ещё и сенсорное голодание, когда мозг, привыкший обрабатывать (пусть и не слишком эффективно) колоссальные объёмы информации, буквально «прокисал». И наконец, физические изменения коснулись не только силы-выносливости-скорости-гибкости – он даже спать меньше стал!

В итоге парень буквально изнывал от безделья, а его желание как-то занять себя, помогая другим, пресекалось. Оставалась только физподготовка, и он по несколько часов пластал воздух тяжелой уланской саблей, вызывая уважение невероятной выносливостью. Остальное же время – только думать, строить какие-то планы... И всё!

– Завтра, – с ходу сообщил ему Трифон, – а пока – в баню.

Немногословный ветеран явно ему симпатизировал – это можно было понять по некоторым моментам. Сейчас же эта симпатия была достаточно явственной.

Кстати говоря, такой вот обезличенный подход к кандидатам не случаен – ротмистр Алексей Пушкарёв (тот самый разговорчивый офицер) пояснил:

– Всё по уму! Ты пока мундир не наденешь – личинка воинская. Станешь ты уланом или нет – вилами по воде писано. Сделано это, чтобы дружба раньше времени не возникала и на отбор не влияла. Надел мундир – всё, свой! Ну а совсем своим станешь, когда в бою тебя поведуют.

Баня оказалась одним из этапов воинской инициации – именно так показалось Игорю. Во всяком случае, уланы из «его» капральства мылись пусть и с видимым удовольствием, но без каких-либо... спецэффектов. Его же парили странно – отхаживали вениками с какими-то словами, явственно напоминающими заговоры. Во всяком случае, улучшившийся слух попаданца улавливал отдельные слова и там было: «Остров Буян, Бел-горючь камень, Алатырь-камень, птица Сири́н» и другое.

Сама же баня – не фонтан, далеко не фонтан. Он и раньше не был фанатом такого времяпрепровождения даже *там*, а уж здесь... Что такое баня по-чёрному, экстремал только читал – и в реальности она ему не понравилась. Много сажи, достаточно дымно, тесно, темно, сталкиваются голые мужские (фу!) тела... Но отмылся на славу – тут ничего не скажешь.

Пока он мылся, кто-то постирал его одежду, выложив вещи в карманах на лавку – всё на месте. Взамен выдали чистые портки, рубаху и опорки – обрезанные наподобие ботинок старые сапоги.

– Завтра свои наденешь, – буркнул Трифон, – мундир потом вручат. – И добавил несколько поспешно: – Если вообще примут.

Проведя ночь (как и все предыдущие) на лавке, к рассвету Игорь извертелся. Нет, лавка была достаточно удобной – сантиметров семьдесят в ширину, да с постеленным войлоком – нормально, в общем, он и дома спал едва ли не на голых досках. Дело было именно в нервном возбуждении – завтра его судьба делала крутой поворот.

По какой-то причине зачисление в полк было только после большой пьянки в трактире (сперва), причём трактир этот был расположен на окраине Петербурга. Идти туда рекрутам-охотникам предстояло пешком – традиции.

– Я из крепостных князя Куракина, – рассказывал окружающим словоохотливый парень, – управляющий в имении невзлюбил меня, вот я подался в солдатчину.

Лица у большинства бледные, а веселье откровенно натужное, но ничего. Охотников не сопровождали – они добровольцы, и если передумают, так вот им последний шанс отказаться.

К Игорю не лезли. Поглядывали с любопытством, но так – как бы невзначай. Долгим путешествие не было – что такое пара вёрст для молодых парней? Начали попадаться прохожие, с интересом поглядывающие на будущих уланов. С не меньшим интересом пялились на прохожих и будущие воины, в том числе и попаданец.

Исторические сериалы он не то чтобы смотрел... Скажем так, иногда приходилось (у кого есть женщина – поймут), и более-менее представлял костюмы этого столетия. Однако в фильмах они были идеально подогнанные, прекрасно сидевшие. Здесь же... То ли портные были классом пониже, то ли сами ткани, а скорее всего, и то и другое. Так что выглядели прохожие как актёры плохого любительского театра – если не всматриваться в лица. А лица и вправду отличались: многие были в оспинах, часто встречались шрамы, да и мимика была совсем другой.

Трактир был... Ну как трактир – как-то так его Игорь и представлял. Достаточно аккуратное, одноэтажное здание из кирпича и досок размером со школьную столовую. Внутри чисто – относительно, понятно; столы и скамьи очень массивные, есть и стулья – немногочисленные и тоже добротные. Скатертей нет, но доски чистые – даже от входа видно.

Посетителей много – десятка два офицеров, причём не только уланов, и полсотни ветеранов. Ну и гражданские любопытствующие (как потом узнал попаданец, присутствовать они могли только в том случае, если брали последующий расчёт с трактирщиком за вояк на себя – вкладчину). Взгляды сразу скрестились на экстремале – он сильно выделялся.

Ничего, публики он не боялся – постоянные соревнования, да и за забавами экстремалов люди часто наблюдают... Так что сделал самую невозмутимую физиономию и прошёл вместе с остальными новобранцами к отведённым для них столам.

Сперва символические хлеб-соль, затем алкоголь по стопке (к слову – откровенно слабенький и дрянной). Впрочем, рекруты оценили водку как «хорошую», на что руфер сделал себе мысленную отметку – поосторожней относиться к местному алкоголю. Пили немного, но вот пьянели быстро – видимо, привычки не было.

Потом началось представление – новобранцы выходили на расчищенное пространство перед трактиром, длинно или коротко представлялись:

– Я Мартын из Заволочья! – выскочил крепыш с шальными глазами и клочковатой бородаёнкой, после чего начал плясать. Музыка была незатейливой, но существование некоторых инструментов на Руси Игорь даже не подозревал – волынка, например...

Плясали дико, истово – попаданец уже знал, что сейчас оценивается их умение владеть телом, не стесняться окружающих... Да много чего. Для себя же он решил – так танцевать

он не будет. Мог бы поразить местных – мастер спорта по спортивным танцам всё-таки. По здешним меркам это... Круче вряд ли найдётся.

Вот только он уже знал, что к фиглярам (а танцоры и актёры сейчас не котируются) даже в Европе отношение пренебрежительное¹³, а уж на Руси... Одно дело – танцевать для друзей, но для публики... Фи!

Подойдя к скрипачу (паршивому, нужно сказать), Игорь за несколько минут «вбил» в него мелодию. Судя по заинтересованному виду музыканта – понравилась.

Когда взгляды офицеров полка стали всё чаще останавливаться на попаданце, он понял, что танцевать всё-таки придётся, и мысленно ухмыльнулся. Вышел, сделал знак музыкантам и под залихватскую мелодию джиги начал отплясывать знаменитейший ирландский танец, который в его реальности появился на свет в конце девятнадцатого века. Но судя по восхищённым взглядам военных – истории суждено немного измениться и очень может быть, что танец станет национальным, но в этот раз – русским.

Танцевал он самый строгий и воинственный вариант, который только помнил. Более того, левую руку он положил на бедро – так, как это делали офицеры, придерживая клинок у бедра, даже когда этого клинка и не было. Насмешливо поглядывая на майора и капитана, он танцевал... с прямой спиной – мелькали только ноги. Это выглядело настолько воинственно, красиво и непривычно, что секунд-майор улыбнулся и, сняв кивер, поклонился, признавая поражение.

* * *

– Я же говорил – выкрутится, – негромко сказал Осинский, наклонившись к Пушкарёву.

– Да я и не сомневался, – с какой-то странной интонацией ответил тот, – просто ожидал, что как-то по-другому.

– Да уж, – хмыкнул секунд-майор, – я тоже ожидал, что он просто объявит себя дворянином. А тут... Вроде как таится, но даже не понимает, что таким танцем буквально кричит о прекрасных учителях и родовитости, привлекая ещё больше внимания.

– Да, может, и не понимает, – протянул ротмистр, – если воспитывался не в Европе.

В ответ на вопросительно поднятую бровь он отмахнулся:

– Не сейчас – это пока только догадки.

Глава шестая

С этого дня в его контубернии началась совсем иная жизнь – Игоря приняли за своего.

– Сходи-ка за водой, – сунул ему вёдра конопатый Андрей, как только парень вернулся в избу после упражнений с клинками. Безропотно взяв деревянные тяжёлые вёдра, он натаскал воды и спросил Андрея:

– Ещё чем помочь?

– Да чем ты поможешь – ты ж из бар, явно руками работать не привык, – неожиданно словоохотливо ответил тот.

– Ну так надо же привыкать.

Так и повелось, что парень взял на себя немалую часть хозяйственных хлопот – приборку в избе, готовку, ещё какие-то мелочи. За это его освободили от уборки того же навоза – уланам почему-то неловко было видеть его с вилами. Чистить лошадей, которых выдали попаданцу – пожалуйста, но с навозом – ни-ни. Лица у солдат сразу делались деревянными и вилы отби-

---

¹³ Тут он не прав – танцоры как раз были в почёте. Хотя не мастера народных танцев, а мастера придворных, которых он всё равно не знает.

рались. То же самое было и с другими «грязными» работами. В чём тут причина, он пока не разобрался, а сослуживцы не спешили его просвещать.

К слову, условия содержания оказались очень недурными – уланам было положено пятнадцать рублей в год, плюс доплата продуктами. Часть денег удерживали за всё хорошее, да жалование задерживали, да какие-то поборы... Но вообще-то говоря – хватало. После всех задержек, пошива мундира (за свой счёт!) и прочих расходов на руках оставалось около пяти рублей – плюс продукты – *очень* много продуктов¹⁴.

Вроде как и не самая большая сумма, но если учесть, что крестьянская лошадь стоила от тридцати копеек... Паршивая, правда – уланская стоила от пяти рублей, но всё-таки. Ну и цены: килограмм муки – копейка, работающий крестьянин – тридцать рублей, это если какое мастерство за душой, а так – рублей десять, а может и того меньше. Девка – пять...

Выдавали и алкоголь – чекушку, и около трёх литров пива каждый день. На взгляд попаданца – дикость несусветная, он прекрасно знал, насколько алкоголь вреден. Вреден хотя бы тем, что сильно ухудшает реакцию. Так что от выдачи алкоголя он отказался, решив брать деньгами. Контуберния было попыталась надавить на него – дескать, им бы отдавал. Однако к алкоголизму парень относился резко отрицательно и отказался категорически. Как ни странно, но это только прибавило к нему уважения.

* * *

– Ишь, – одобрительно сказал Андрей, – сурьёзный парень. Что пиво да водка вредны – это он, конечно, погибает, но так... Сурьёзный.

Уланы немного поговорили, «обмывая косточки» новому сослуживцу, и пришли к выводу, что...

– Ён далёко пойдёт, да и правильно – достойный человек.

* * *

Были у военных и другие источники дохода. Во-первых, совершенно официально разрешалось забирать трофеи как на поле боя, так и разграбляемых городах, а во-вторых, всевозможные промыслы. Несмотря на достаточно высокий доход, денег не хватало многим – кто пил, кто помогал родным, кто играл в кости...

Разрешались – и снова официально, всевозможные промыслы – не в ущерб службе. Занимались кто чем – подражались охранять купеческие лавки (оказывается, разбойников в Петербурге и окрестностях было много), занимались мелкой торговлей, делали какие-то поделки... Да, в общем, кто во что горазд.

Интересно, что у «пяхоты» выбор промыслов был значительно шире – им не возбранялось и огороды копать за деньги. Уланам же – неуместно, засмеют.

Времени на это хватало – у ветеранов, разумеется. Сам Игорь и его свежеиспечённые коллеги крутились намного больше, что и понятно – набрать форму значительно сложнее, чем поддерживать её.

Муштра? Была, но совсем не такая, как он себе представлял. Никакого КМБ и прочей дедовщины, просто с ним начали заниматься: рубка, владение пикой, пистолеты, устав и прочее. Занимались индивидуально – и не только с ним. Задав прямой вопрос «сенсею» Никифору, он получил в ответ полный удивления взгляд.

---

¹⁴ В реальной истории продукты военным в это время выдавались более чем щедро – съесть всё было крайне проблематично.

– А-а, да ты ж немчин, у вас всё по-другому, – быстро отошёл сенсей и растолковал «политику партии»: – Эт пяхоту нужно учить сено-солома – там жа дурней набирают по рекрутскому набору, охотников мало. Ну и кого деревенский сход аль помещик в солдаты отдадут? Забияк да дурней, да лентяев, да неуживчивых. Вот и держат в узде, да сено-солома орут. А потом уж, когда замуштруют до потери сознания, становится проще учить – они свою придурь поглубже прячут. Ну тогда и без палок и кулаков дело идёт. У нас же – только охотники, публика-то другая. Знашь, какой отбор идёт? У-у!

Никифор важно уставился на попаданца и, подняв палец, произнёс:

– Мы единственный лигулярный уланский полк в Расее¹⁵. Понимать?

Игорь понял и проникся – ему и в самом деле повезло. Он прекрасно понимал, что вряд ли выдержал бы пехотную муштру и на попытку «сунуть в морду» покалечил бы «совальщика».

Пусть учёба была и индивидуальной, но лёгкой она от этого не становилась – рубка, джигитовка, владение пикой, кистенем...

– Ты это, – воровато оглянулся Никифор, когда вручил ему кистень, – понимай, что это не уставное оружие и нам не положено. Глаза закрывают, но при офицерах не доставай – тогда им придётся наказать тебя. Понимать?

К концу лета курс молодого улана был освоен – всё-таки основа имелась, да серьёзная. Чисто технически парень мог дать фору большинству ветеранов, но вот на практике они то и дело подлавливали его на каких-то мелочах, которые можно узнать только на собственном опыте.

Вообще, в жизнь полка Игорь вливался неплохо – пусть и по-своему. Его упорно считали «немцем» (и это несмотря на имя!) и барином, но своим – правильным. Он охотно рубился с каждым желающим, щедро делись приёмами и уловками из спортивного фехтования, учил простейшим навыкам рукопашного боя... Словом – делал всё, чтобы не скучать.

Привыкнув к адреналину, здесь он начал чувствовать себя как на пороховой бочке – появилась раздражительность, которую хотелось выплеснуть на окружающих. Если вначале положение спасала новизна обучения – та же джигитовка-вольтижировка была делом достаточно рискованным, а уж конный бой и подавно. Но мало, мало...

– Чё скушаешь, – přátельски толкнул его в бок Андрюха.

– Да скучно, – честно ответил попаданец, – я привык к... Риску, в общем.

– Эт тебе кулаки почесать надобно, – по-своему понял его сослуживец.

– С кем?! – аж взвыл парень. – Найди мне таких!

Это и в самом деле стало проблемой – новые физические возможности были такими, что в родном времени он смог бы стать чемпионом в БИ без каких-то проблем. Скорее даже – валить этих самых чемпионов оптом. Реакция-то такая, что Брюсу Ли не уступит, да силушка, да выносливость, да появившееся внезапно чувство «глаз на затылке»...

Вот в конном бою Игорь уступал большинству ветеранов, но последние брали опытом, умением «чувствовать» лошадь¹⁶. Ну а с лошадьми у него было пусть и очень неплохо, но до уровня «хорошо» пока далековато. Там же, где требовались личные качества, парень, без-условно, лидировал. Но...

Вот, например, упражнение, когда, стоя на раскачивающемся бревне, нужно было пикой попадать в такую же раскачивающуюся мишень или какие-нибудь мячи, скрученные из тряпок, он проделывал блестяще, но верхом на лошади – значительно хуже. Увы, но лошадь не спортивный тренажёр и имеет собственный характер – свой у каждой.

---

¹⁵ В реальной истории регулярные уланские полки появились в России только в начале XIX века. До этого уланы считались иррегулярной конницей и формировались в основном из татар, башкиров и других полукочевых народов.

¹⁶ «Чувствовать» лошадь и умение ей управлять – главные достоинства кавалериста. Владение клинком тоже важно, но откровенно вторично. Опытный наездник с полудюжиной заученных приёмов рубки свободно победит выдающегося фехтовальщика, но посредственного наездника. Скорее даже – несколько таких фехтовальщиков.

В город молодых пока не выпускали – что-то типа карантина. Карантин этот не для того, чтоб не сбежали, а чтоб полк не опозорили. Если экстремал выглядел вполне браво и мог дать отпор любому забияке хоть на саблях, хоть на кулаках, да и при общении с вышестоящими бы не растерялся, то вот остальные новобранцы... Тут всё печальней – не зря считалось, что для обучения нормального кавалериста нужно не менее двух лет. Чтобы те не выглядели ряжеными, да с самооценкой ещё не всё в порядке, да... Да много такого набиралось.

– В город хочешь? – неожиданно обратился Никифор. – Я с капралом поговорил, тот с поручиком. Со мной или с кем-то из стариков можно. Потом и сам будешь ходить – как освоишься.

Никифор и сам давно уже должен был получить звание капрала, как и многие другие старики. Однако по какой-то причине начальство считало важным иметь дефицит унтерских чинов. Так что старики командовали, но официальных званий не было. Почему – они вроде как не знали, какая-то «высокая политика» офицеров полка.

В город Игорь ехал при всём параде – как, собственно, и все остальные. Парад этот заключался в высоких сапогах с раструбами, суконных штанах синего цвета, красном мундире до колен и каске – полк был создан на основе драгунского, поэтому сильно отличался от уланов иррегулярных. Обшлага, полы мундира, отвороты воротника – всё было разных цветов и выглядело всё это довольно попугаисто, однако уланы жутко гордились своим обмундированием и огорчались равнодушием новичка. Чтобы не расстраивать их, он запомнил, что обозначает каждый цвет (при создании опирались на геральдику!) в мундире, но на этом всё. Ну и понятно – запомнил гвардейские мундиры и мундиры всех полков, квартировавших в окрестностях Петербурга.

Пристегнув к поясу карабелу, парень вывел из конюшни свою Звёздочку и дождался прихорашивавшихся коллег. При виде клинка Андрей неодобрительно покачал головой – он предпочитал сабли с утолщением на конце, предназначенные чисто для рубки.

– Опять ты со своим прутиком, – проворчал он, – то ли дело у меня – как рубану, так коня пополам.

– Ты ещё попади по этому коню, – охотно поддержал Игорь дискуссию, – и главное – меня с собой не сравнивай.

Это да – был он пока что самым мелким из уланов, да и самым лёгким – ранее полк-то был драгунским, а там набирают достаточно рослых и крепких парней. Сам же попаданец с его ростом в сто шестьдесят восемь и весом в шестьдесят прошёл «кастинг» благодаря возрасту (подрастёт ещё) и владению клинком.

– Так жрать надо, – включился Тимоня из соседней контубернии, – а то мы не видели – как кошка ешь, не больше.

– А зачем мне вес? – удивился парень. – Сила, выносливость – понимаю. Но вес? Зачем? Я так сильнее всех в полку.

– Сильнее-то сильнее, вот только вид у тебя не солидный, – наставительно произнёс Трифон, – взглянешь на тебя...

Тут он замялся, потому что экстремал сам на него глянул, «включив рысь».

– Тьфу, – сплюнул Трифон, – на тебя как раз и взглянешь!

Так, смеясь, и въехали в город, а точнее – в предместья. «Настоящий» Петербург оккупировала гвардия, а бодаться с ней... Как, если там добрая треть дворяне? Мало того, что оружию учат их с детства и силушкой они отличаются от вчерашних крестьян (харчи-то другие, да и голода не знают), так ещё и последствия. Так, за сломанный нос солдату из обычного полка можно было отделаться выговором, а то и поощрением – если драка была честной, а противник – из «конкурирующего» полка. А вот сломать нос дворянину... Последствия хуже.

Нет, большинство из них были нормальными людьми и за «вавку», полученную в честной драке, претензий не выкатывали, но встречались и поганцы. Вот только беда в том, что связи у этих поганцев были куда как лучше, чем у вчерашних крестьян и мещан.

Ехали, глаза по сторонам – практически «светский» выход по меркам улан. Ну и нужно сказать, что смотрят прохожие одобрительно.

– Ето потому, что мы воевать-то умеем, а озоровать не приучены, – пояснил Никифор. – В других полках так озоруют, что и не знашь – зачем такие защитнички нужны.

Подкрутив ус, он подмигнул дородной бабе лет тридцати пяти, шедшей навстречу с корзиной, и, выпятив губы трубочкой, послал воздушный поцелуй. Та зарделась и замахала на него рукой. Сенсей сделал странное движение глазами и усами, отчего баба совсем разомлела.

«С такими методами ухаживаний мне вряд ли что-то светит», – озадаченно подумал попаданец. Пока он думал о святом (о женщинах – что же ещё может быть святым у отмороженного экстремала в шестнадцать лет?!), они приехали на какую-то площадь, где стояло сразу несколько тракторов откровенно забегаловочного вида. Перед ними толпились подвыпившие и откровенно пьяные солдаты, то и дело затевавшие кулачные поединки.

– Вот тебе и место, чтоб кулаки почесать, – довольно произнёс Никифор, повернувшись к Игорю.

Глава седьмая

Спрыгнув с коня текучим движением, Игорь с интересом обзрел бойцов. К предстоящим боям он относился не то чтобы спокойно – с восторгом. Мало того, что адреналин, так ещё и деньги. Да – здесь дрались за деньги, ставя в заклад какую-то сумму. Способности попаданца уланы уже успели оценить – собственными шкурами – и оценивали их очень высоко.

То, что экстремала их навыки не впечатлили, ничего не значило – по здешним меркам, они были «козырными» ребятами среди местных кулачников. Да, откровенно говоря, и не только среди местных. Там, в будущем, они бы тоже смотрелись весьма недурно – среди обычных людей, понятное дело.

Попаданец откровенно «зажрался», привыкнув к уровню таких же спортсменов да кавказских молодёжных стоек – тоже спортсменов, по сути. Движения улан были далеко не медленными – это он сам стал быстрее.

Ну и последнее, но отнюдь не самое маловажное – кулачные бойцы пользовались почётом, даже дворяне гордились достижениями в этом виде «спорта» и не стеснялись сойтись с мещанином (что не отменяло проблему отдельных говнистых особей).

– Какой заклад и какие правила? – негромко поинтересовался боец.

– Так полтину хотим поставить на твою победу, – внезапно застеснялся Андрей.

– Рубль ставьте – и чтобы любой желающий мог со мной сразиться. Единственное – чтоб по правилам «свалки».

Не успел он договорить, как Андрей заорал:

– Ну что, воины, давно не виделись, давно наши кулаки не чесали ваши зубы. Подходите, будьте ласковы, всех встретим как дорогих гостей – сперва накормим юшкой кровавой и зубами крошеными, а потом и спать уложим на перинку из землицы!

Внимание привлёк, и к уланам начали подтягиваться военные.

– А не много на себя берёте, – с ехидцей отозвался гренадёр, – аль не мы вас в прошлом разе угощали. И сегодня угостим... Мы щедрые хозяева – оплеух не жалеем!

– Да ты сперва нашего младшенького одолей, – влез Трифон, – а потом и курлыкай.

С голливудской улыбкой Игорь вышел из-за спин товарищей, приветственно поднимая руки, раскланиваясь и слегка скоморошничая. Его уже просветили, что перед кулачным боем это нужно и важно – традиция такая. Нужно «завести» людей, выиграв предварительно пси-

хологически. Ну, это как дома – сам бой может длиться меньше минуты, но перед этим могут рассказывать о достижениях соперников, затем включится музыка... Шоу, в общем. С одной стороны, так народу интересней, а с другой – позволяет не озлобиться, переводя бой именно в «спортивную» плоскость.

– А не слишком ли мал ваш братец? – вылез один из егерей. – Ему, чай, сиську мамкину сосать надо, а не на кулачках драться.

– Ништо, дяденька, – голосом радостного дебила отозвался экстремал, – мне братики обещали, что как только я всех побью, они мне за это леденец купят. – Затем он на мгновение задумался и добавил с интонациями капризного ребёнка: – И пряник!

Тишина... И грохнуло! Смеялись все – даже гренадёр всхлипывал по-детски, хлопая здоровенными ладонями себя по бокам.

– Пряник... Ы-ы-ы... – с подвыванием тянул он.

Наконец всё успокоилось, и гренадёр подошёл к Игорю, протянув ему руку:

– Иван, сын Семёнов, из рода Харламовых.

– Игорь Владимирович, Русин, – представился попаданец и снова увидел тот самый взгляд, как у капрала при знакомстве, как у майора... И дал себе слово – выяснить, наконец, почему они так странно реагируют на его имя.

– Биться я сегодня не буду – от раны ещё не отошёл, но вот поглядеть – погляжу, – сказал попаданцу Харламов. – И это... Ты всерьёз так в себе уверен или просто скоморошничаете?

Парень только улыбнулся слегка:

– Можешь поставить на меня – вряд ли здесь найдётся боец моего уровня.

– Зря ты так самоуверен – стольный град всё-таки. Ты не смотри, что здесь кулачников серьёзных нет. Петербурх – он большой.

– Я про Петербург и говорю.

Хмыкнув, гренадёр отошёл. Начались заклады, ставки, шутовство... Парень уже не слушал это, привычно уйдя в транс. Первым противником оказался наглый пехотный капрал, с ходу принявшийся оскорблять его. Причём оскорбления были именно грязными, а не шуточными.

Поморщившись, Игорь шагнул навстречу, легко ушёл от широкого замаха, блокировал вторую руку бойца встречным ударом в бицепс – и двинул в зубы. А не надо так о маме... Бил он костяшками кулака – так, чтобы не порезать руку. Пехотинец «поплыл», но на ногах удержался – ну так на тебе в солнышко.

Есть рубль... И есть заведённая толпа, желающая крови и зрелищ. Спортсмен специально прошёл по самой грани, так что желающие наказать наглого молокососа, не поняли класса бойца. Точнее – мало кто понял. Гренадёр смотрел задумчиво и, как только поймал взгляд Игоря, слегка приподнял бровь, на что тот ответил лёгкой улыбкой.

Следующий – ещё один пехотинец, но уже в чине рядового и более вежливый или просто молчаливый. Он не стал атаковать, а приглашающим жестом поманил к себе руфера. Судя по стойке и повадке, боец из тех, кто предпочитает стиль «Чья морда крепче», любимый крестьянами и купцами. И кстати, «железную рубашку» они держали ой как неплохо. Ну то есть нож – фиг его знает, но «ударопрочность» была феноменальной.

Что ж, можно и пойти ему навстречу – и парень закружил вокруг него, время от времени взрываясь неопасными на вид, но чрезвычайно неприятными и болезненными сериями. Солдат пытался отмахиваться, но естественно – не получалось. Со стороны это выглядело достаточно забавно.

– Ишь, чисто кабан против лайки стоит! – раздался голос в толпе, после чего послышались смешки и выкрики того же плана.

Наконец, разозлённый насмешками «кабан» допустил пару грубых ошибок, видимых даже зрителям, и получил аккуратный удар по подбородку, отправивший его в нокаут.

Гренадёр и ещё парочка ценителей, стоящих рядом, оценили мастерство, остальные же посчитали, что молоденький улан берёт скорее за счёт увёртливости, а мастерства-то особого и нет. Ну не увидели они его...

– Пятёрку заработали, – тихонько шепнул ему подошедший Андрей, – как ты и советовал – на ставках.

С души попаданца как будто часть груза сползла – у них было обговорено, что заработав на нём пять рублей, его долги контубернии исчезают. Какие? А мундир из хорошего сукна, а сапоги, а карабела, наконец... Всё стоило денег. Ну да – начальство что-то выделило на рекрута-новобранца, но немного. А нужно было – много. Так что члены контубернии или всего капральства помогали новичкам, но – в долг.

«Эх-х! Так, может, раззудись рука, размахнись плечо?» – подумал Игорь, но быстро себя укоротил – деньги тоже нужны, да ещё как. Вот та же карабела стоит пять рублей – и это достаточно средний по качеству клинок. А хорошая сабля или шпага и пол сотни может стоить... Да много чего так... И вообще – запас кармана не дерёт.

Следующим вышел сапёр – ростом заметно больше самого экстремала, а насколько шире... Бородатый, практически квадратный, он здорово напоминал гнома. Да по сути они и были своеобразными боевыми гномами – только в масштабе один к двум...

Одетые в прочнейшие (и тяжеленные!) кирасы, шлемы и наручи (не всегда – по обстоятельствам), они топорами разбивали крепостные ворота, кирками и ломом долбили стены и затем пристраивали там бочонки с порохом. И всё это – под огнём неприятеля. Мало того, во многих случаях именно они первыми врывались в осаждённые города или останавливали вылазку этого самого неприятеля.

Они имели массу привилегий, но никто им не завидовал. Шли сюда только добровольцы, и пережить хотя бы десятилетний срок службы могли немногие.

Увидев, кто достался ему в противники, Игорь автоматически склонился в воинском поклоне. Невозмутимый великан также поклонился в ответ.

– Уважаю сапёров, но всё равно в пыль ляжешь, – улыбнулся ему попаданец. В ответ только гулкий смех. Ну да – ему трудно поверить, что мелкий противник в принципе сможет одолеть его.

Однако бой он начал осторожно и грамотно – не бросился в атаку и не сделал попытки задавить. Спортсмен «затанцевал» вокруг, стараясь не попасться под громадные кулаки и в то же время не выдать своего настоящего уровня. Примерно через минуту он понял, что этого противника так просто не подловишь.

Пусть арсенал боевых приёмов у противника был и невелик, но пользоваться ими сапёр умел, а главное – умел думать, выстраивать какую-то тактику поединка. Она была проста – подлавливать попаданца на контратаках. Просто, но действенно.

Что ж... Особо выхода не было, и парень начал серию лоу-киков по бедру великана. Пусть даже он владеет «железной рубахой» или чем-то подобным, но серии из нескольких десятков ударов ему просто не выдержать.

– Иш ты, – раздался азартный голос откуда-то из толпы, – а хитро. Улан ему сейчас все ноги отсушит – лупит-то грамотно.

– Эт да – место такое, что... Вроде и мясо, но болючее... – отозвался такой же неизвестный из толпы.

Видимо, сапёр тоже это понял, поэтому внезапно ускорился – да быстро! Настолько, что успел схватить парня за грудки. Зря – борьба в рукопашке тоже изучается, особенно для таких вот рывков. Противник взмыл в воздух и тяжело грохнулся на землю. Некоторое время он лежал, ошеломлённый падением, но за протянутую руку экстремала ухватился и поднялся – тяжело поднялся.

– Ну ты и силён, – неожиданно добродушно прогудел бородач. Голос он имел настолько басовитый, что часть звуков была на грани восприятия для человеческого слуха.

– Да и ты не слаб, – ответил Игорь, – пока что самый сильный из встреченных мной противников в Петербурге.

– Встретишь ещё, – хмыкнул тот, – Орловы да Шванич – вот уж кто... Да, меня Федотом зовут.

– Игорь, – представился попаданец – и снова странный взгляд.

На этом поединки для спортсмена закончились – сапёр оказался известным бойцом, и его поражение серьёзно охладило пыл собравшихся солдат. Так что уланы не стали задерживаться и поехали к другому трактиру.

– Коль здесь останемся, то гулеванить начнём – и опять до кровавой юшки, – деловито сообщил Никифор. – Так бы оно и ничего, но с деньгами-то не хочется расставаться. А мы такие – раз уж начали гулять, то не остановимся.

– Кстати, вот твоя денежка, – и Никифор вручил парню увесистый мешочек с медью, – три рубля. Только ты это – особо не трать, а то знаю я вас, молодых – сразу спустите на баб да на вино. Ах да... Ты ж вина не пьёшь.

– Да я с бабами как-то бесплатно обхожусь, – весело отозвался экстремал.

– Иди ты! – потом взглянул на парня и пробормотал: – И ведь не шутишь – действительно по бабам уже бегаешь.

– Никто не хочет проехаться со мной по городу вместо пьянки? – предложил попаданец уланам.

– Да я, пожалуй, – отозвался жизнерадостный Тимоня, похожий поведением на щенка. Жизнерадостный, довольно бестолковый в обыденной жизни, был он, тем не менее, надёжным товарищем и отменным бойцом.

– Тогда покажи мне, где тут у вас торговые ряды. Ну, такие, где можно на лошадях.

Тимоня озадачился:

– Да на лошадях почти нигде нельзя, но можно оставить их рядом – казённых лошадей в городе не крадут.

Подъехав к рядам, уланы спешили и оставили лошадей у коновязи. Неторопливо пошли по рядам – небогатым, на взыскательный вкус парня. Однако гораздо лучше, чем ожидалось.

Шли медленно, Тимоня просто важничал, а Игорь вертел головой, наслаждаясь хоть какой-то нагрузкой на мозг.

– Толкотня-то какая, – сказал недовольный сослуживец.

Попаданец только хмыкнул мысленно – на его взгляд, народ располагался чрезвычайно широко.

Глава восьмая

Первый выезд в город состоялся в конце лета, а к началу октября Игорь успел заработать себе репутацию отменного кулачника – и кругленькую сумму. С самыми именитыми бойцами он пока не сталкивался, но и так было неплохо – парень уже перешёл на массовые бои. Ну то есть – он один против многочисленных противников.

Настоящий свой уровень он до сих пор не показывал – не было необходимости, да и деньги... Денег требовалось много – пусть парень и считал себя неприхотливым, но был таким разве что на фоне своих современников. А так... Нужна запасная и гражданская одежда (и это вдобавок к тому, что он растёт!), обувь, одеяла и подушки, оружие.

Вот и с оружием была беда – среднего уровня шпага или сабля стоила от трёх рублей, а для банальных тренировок ему пришлось купить уже десяток клинков – шпаги (а их много разновидностей!) и рапиры, сабли и палаши, тесаки... Спортсмен прекрасно помнил, как обла-

жался в самом начале в тренировочном испытательном поединке – просто потому, что оружие незнакомое.

Ну а если уж он выбрал путь «живущего с меча», то нужно быть если и не лучшим, то по крайней мере – одним из лучших. Это в первую очередь выживание... Затем – уважение окружающих и, наконец, карьера. Командиры в эту эпоху шли впереди солдат и, само собой разумеется, что и уровень как бойцов у них был заметно выше.

И дело тут не в дворянстве: просто производство в следующий чин сильно облегчалось, если воин был известен как отменный фехтовальщик, стрелок, кулачный боец, в конце концов. Времена такие, что командир «впереди на лихом коне», вот и зарабатывал он себе репутацию.

Помимо репутации зарабатывал и деньги – не только на одежду и оружие, но и... Вот нужен, например, сундук для одежды, а приличный стоит от рубля и выше; нужно зеркало – начал пробиваться пушок, а зеркало стоит ой как немало... И вот таких вот «мелочей» набиралось много. В конце концов, деньги могли понадобиться на банальную взятку, на выкуп чего-то или кого-то, на бизнес-проект, на...

В общем, сейчас у попаданца было кое-какое имущество – минимальное, по его мнению, и целая гора – по мнению сослуживцев. Впрочем, здесь хватало таких же хозяйственных или стремящихся к комфорту: вот у одного из капралов даже арфа есть... Зачем? А чтоб завидовали! Играть на ней он всё равно не умел и не хотел...

Вроде бы и много зарабатывал Игорь на боях – в общей сложности получалось больше полусотни рублей, а отложить как-то не получалось, и в кармане у него было меньше червонца. Впрочем, червонец по нынешним временам в карманах рядового – целое состояние. Особенно если учесть, что поступил он на службу всего несколько месяцев назад и успел за это время расплатиться с долгами и обзавестись имуществом на уровне хозяйственного ветерана.

– Малой! Хватит мечтать, седлай кобылу, да поехали, – донёсся голос Никифора, – о бабах небось задумался, кобель?

– Ну скажешь тоже – кобель, – притворно обиделся Игорь, – так...

– Мне бы твоё «так»! – хохотнул Андрей. – Скольких уже окучил?

Попаданец неопределённо пожал плечами: «окучил» он всего одну – молодую (восемнадцать лет) вдовушку с *двумя* детьми. Свободы у таких вот вдовушек было существенно больше, и клеймо «гулящей» к ней не лепилось, если гуляла в меру. А вот «портить» девок... Тут можно было встрять.

– Чё молчишь-то? – не унимался рыжий. – Считаешь?

Компания грохнула – очень уж момент для шутки оказался удачным.

– Мы ж все видим, как они на тебя смотрят.

– Ну пусть смотрят – большая часть этих «смотрящих»... – Игорь поморщился.

– Ну а чем тебе трактирные девки не угодили? – искренне удивился Трифон. – Или вдовушки постарше.

Вопрос был риторическим – всё давно обговорено. Так что парень отмолчался, поправил подпругу и выехал со двора. Кстати, нешуточный повод для гордости, ведь уже с месяц, как он тренируется не только индивидуально, но и в группе. Нешуточный потому, что допускались до таких тренировок только бойцы хорошего уровня – те, кто не покалечит случайно себя, товарища или лошадей. Рекруты, с которыми он поступал на службу, были ещё далеки от этого момента.

Система была достаточно простой: в первых рядах атаковали ветераны с пиками, за ними более-менее прослужившие подстраховывали с пистолетами, ну а молодняк в задних рядах – для массовки и натаскивания. И он, Игорь, был уже уверенным середнячком...

Снова пропела труба, и усталый эскадрон начал построение.

– Фрол, головушка твоя баранья, – распекал виновного капрал, – ты чего это к Мишке прижался? Пусть строй и слитный, но не настолько же, чтоб он ногой в стремя пошевелить не мог!

Фрол виновато сопел и исправлялся, но капралу работы хватало.

Снова труба – и эскадрон, имитирующий атаку пехоты в каре, в очередной раз пронесся мимо чучел с дреколями – лошадей нужно приучать не бояться острых палок.

– Всё на сегодня! – гаркнул капрал и принялся подзывать к себе уланов, привлёкших его внимание. Подозвал и Игоря с Никифором:

– Молодец, – веско произнёс Репин, – перестал ошибки делать, – и переключившись на Никифора: – Начинай учить его работать с пикой в строю.

Вот, казалось бы, ну что тут такого... а губы попаданца расплзлись в улыбке. Прижав руку к сердцу, он молча поклонился. Затем, чуть отъехав, откинулся назад в седле и замурлыкал песенку. У него появилось ощущение, что сегодня было что-то вроде... Инициации.

Всего-то скупая похвала, но... Это ставило его на другую ступень – ступень тех, кто будет атаковать противника в первых рядах. Глупо радоваться такому? Возможно...

– Никифор, я в город за вином.

– А в нашем кабаке что?

– В нашем – мочу продают, а не вино, – веско отозвался попаданец. Пусть он и не был любителем алкоголя, но от отчима и его друзей кое-чего нахватался, да и пробовал хорошие напитки – небольшими дозами.

Заехав домой и оповестив контубернию, что решил устроить завтра праздник (всё равно учений не предполагалось – что-то там церковное), и главное – по какому случаю...

– Ну, брат, ты силён, – хлопнул его по плечу Акакий. Несмотря на «неаппетитное» имя, парнем он был хорошим.

После короткого совещания ехать за вином решили все вместе – вино, оно дело такое, что и ограбить могут... Да кроме шуток – отнять оружие или мундир у солдата «чужого» полка считалось грехом. Вывернуть карманы... Зависит от ситуации. А вот если он с вином едет – тут сам бог велел! Учитывая практически поголовный алкоголизм¹⁷ армейских... Нет, среди уланов ситуация обстояла значительно лучше – совсем уж алкоголиков не было, ну так добровольцы всё-таки, а не оторванные от семей крестьяне с клеймами на руках¹⁸.

От идеи закупиться в кабаке парень отказался категорически:

– К купцам поеду.

– Да они с нами дел иметь не станут! – начал было Акакий, но потом посмотрел на Игоря и сказал задумчиво: – А может, и станут...

Ехать пришлось ближе к центру города и сослуживцы держались несколько нервно – владения гвардии. Игорю же было плевать – скорее даже появился какой-то азарт. Адреса виноторговцев подсказали прохожие, несколько нервно реагиовавшие на достаточно простые слова. Ну да опять какой-то маразм с разницей менталитета...

Трое виноторговцев, узнав о сравнительно небольших объёмах закупок и высоких требованиях к качеству, с ходу отказались. Что интересно, русских среди торговцев алкоголем не встретилось¹⁹, зато немец, скверно говоривший по-русски, с ходу согласился. Когда Игорь

---

¹⁷ В те времена в русской армии выдавалось чекушка водки и три литра пива на человека каждый день. Пьянство поощрялось (если солдат не был боек во хмелю, да не напивался во время учений и караулов), это был ещё один якорь, державший человека в армии и отдалявший его от «мирской» жизни. На Руси же в то время пили *очень* мало.

¹⁸ Начиная с Петра I и заканчивая Екатериной II, подневольных рекрутов клеймили татуировкой в виде креста на руке. Воспринималась эта мера крайне тяжело – многие искренне считали её «клеюм антихриста». И да – это ещё одно средство оторвать человека от «мира» (общества).

¹⁹ Не то что бы они совсем не встречались, но в основном торговлей вином занимались «немцы» и евреи.

перешёл на немецкий, тот как-то обрадовался и впустил его в дом. Компанию же с извиняющимся видом не впустил:

– Жена боится, – несколько виновато сказал он попаданцу, – тут недавно гвардейцы заходили²⁰.

Игорь непроизвольно поморщился – он их уже заранее не любил, заочно.

– Какое вино предпочитаете? – продолжил немец.

– Да знаете... Произошло достаточно важное событие, и хочу накрыть стол уланам. Так чтобы прилично, но без особых изысков и цена умеренная.

Сошлись в итоге на сладких испанских винах и небольшом бочонке довольно приличного рома. За всё про всё пришлось отдать шесть рублей – очень солидная сумма.

Пьянка была... Ну, обычная пьянка – с поправкой на местные условия. Помимо выпивки закупил попаданец и мясо (на что ушли последние деньги), а мука на пироги была своя. Солдатки наготовили уйму вкусных, пусть и незамысловатых блюд – особенно удались (по мнению парня) пироги.

Гуляли в одном из помещений, которое теоретически считалось штабом эскадрона. На деле же здесь чаще проводились такие вот мероприятия, чем собирались офицеры для работы. Сидели без чинов – всё капральство, а также унтер-офицерский и офицерский состав эскадрона.

Гуляли – это не столько пили, сколько пели и плясали, причём выйти спеть и станцевать должен был каждый – деревенский этикет... Офицерам не обязательно, но даже брутальный поручик Рысьев – командир эскадрона, с удовольствием спел что-то очень народное – не слишком интересное на взгляд попаданца.

В свой черёд вышел Игорь. С минуту он перебирал тексты известных песен – местных он не знал, за исключением парочки откровенно «частушечного» вида, а... другие не подходили. Наконец, раскопал что-то более-менее подходящее.

Летят перелетные птицы
В осенней дали голубой,
Летят они в жаркие страны,
А я остаюсь с тобой.
А я остаюсь с тобою,
Родная навеки страна.
Не нужен мне берег турецкий,
И Африка мне не нужна.

Немало я стран перевидел,
Шагая *со шпагой* в руке,
Но не было большей печали,
Чем жить от тебя вдалеке.
Немало я дум передумал
С друзьями в далеком краю,
Но не было большего долга,
Чем выполнить волю твою.

---

²⁰ Русская гвардия описываемого периода уже начала становиться янычарами. В походы они ходили всё реже, а в дворцовых переворотах уже успели отметиться. Появилась и наглость, некая вседозволенность, так что многие гвардейские полки всё больше напоминали военизированные банды, а не армию.

Пускай утопал я в болотах,
Пускай замерзал я на льду,
Но если ты скажешь мне снова, —
Я снова все это пройду.
Надежды свои и желанья
Связал я навеки с тобой,
С твоею суровой и ясной.
С твоей непростою судьбой...

Песня произвела неоднозначное впечатление – вроде бы и понравилась, но так – слишком уж непривычная.

– А танцы у тебя тоже... такие, – неопределённо покрутил рукой поручик. Хмыкнув, Игорь вышел на середину и начал танцевать «Барыню». Уже через десяток секунд зрители повскакивали из-за столов и стали пританцовывать вместе с ним. Через несколько минут попаданец прекратил плясать, но начали остальные уланы, пытаясь повторить его коленца.

Поручик протиснулся к парню, обнял его и негромко сказал на ухо:

– Вот теперь я верю, что ты русин.

Глава девятая

С наступлением холодов совместные учения почти прекратились – пусть и нельзя петербургскую зиму назвать особенно снежной, но сочетание грязи с заморозками тоже неприятно и опасно – лошади ноги ломают на раз. Просто ездить верхом не слишком опасно, да и индивидуальные занятия проводить можно, пусть и с осторожностью, но вот что-то более-менее массовое – нельзя.

Уланы скучали и, соответственно – искали себе занятия. Какое? Да в основном пьянствовали... Провести конную тренировку, пусть даже индивидуальную, можно было не более пары-тройки раз в неделю – так, чтоб только лошади не застоялись.

Игорь нашёл себе занятие – начал учиться. Прежде всего, читать и писать. И нет – это действительно нужно. Здешний алфавит достаточно заметно отличался от современного ему. Во-первых, букв было просто-напросто больше, а во-вторых (и самое главное), написание этих самых букв отличалось весьма заметно.

Хуже того – они писались в разных случаях по-разному: устав, полуустав, скоропись, вязь²¹ – это только основные варианты местного алфавита, который должен знать по-настоящему образованный человек. И главное – деваться-то некуда. Вот та же официальная документация писалась в разных случаях по-разному. И да – буквы *сильно* отличались в разных вариантах азбуки – пусть и назывались одинаково.

Так что пришлось начать учиться у эскадронного писаря Тимофея – человека весьма значимого в местной иерархии. Сперва он воспринял желание попаданца в штыки – как покушение на свои привилегии, но затем быстро оттаял и начал учить – за денежку немалую, аж пятьдесят копеек в месяц. Но правда предоставлял казённую бумагу, чернила и перья, объяснял все тонкости – не только письма, но и составления документов и бюрократические тонкости. В общем – отработывал зарплату.

– Всё, Никифор, я к Тимофею, – сообщил парень сенсею, – по дороге никуда зайти не надо?

– Да, зайди к Матрёнину, я ему вчера пиво проспорил, так занеси, будь ласка.

---

²¹ Так оно и есть – такая ситуация была ещё в первой половине XIX века.

Занеся пиво и выслушав насмешки Матрёнина над Никифором, – вояки были этакими «заклятыми друзьями», которые постоянно собачились друг с другом ради забавы, попаданец пошёл в штаб.

В штабе, где расположился писарь, было жарко натоплено и пустынно – почти все офицеры на зиму разъехались по домам²². Тимофей встретил его радостно – они вообще начали приятельствовать в последнее время. Ангелом писарь не был и по меркам местных был... грязноват. По меркам же попаданца, привыкшего к куда более эгоистичным и подловатым современникам, – обычный молодой мужик. Писарь чувствовал нормальное к себе отношение и отвечал тем же.

Вообще, Игорь на удивление легко сходилась с местными – буквально весь полк он уже знал в лицо и по именам²³. Ничего особенного – привык в мегаполисе мгновенно заводить знакомства и приятельские отношения – это часто встречающаяся черта у горожан. Но вот с дружбой... Тут было сложнее – какое-то подобие дружбы вырисовывалось только с членами контубернии и ещё с полудюжиной улан, но именно подобие, к сожалению.

Местные не до конца воспринимали его своим, и к своему стыду, попаданец только к середине зимы понял – почему. К стыду – не потому что догадался, а банально подслушал чужой разговор...

– Да аж из самой Тайной канцелярии проверяли, – услышал Игорь голос секунд-майора, – чист. Ну то есть перед нашим законом чист – никого не грабил, не убивал, не самозванец. А так... Мутят что-то. Сказали только, что он действительно русин из неметчины, да что точно – роду знатного. А вот какого – говорят, что и сами не знают.

– Да как это, – раздался удивлённый голос ротмистра, – что знатный – определили, а какого рода – нет?

– Да ты сам подумай? – с ехидцей ответил майор. – Игорь Владимирович, да танцевать умеет так, что... Да на шпагах биться, да и... В общем, типичный отпрыск знатного рода, которого учили лет этак до двенадцати, а потом... Что уж там случилось, понятия не имею, но некоторые его замашки говорят, что попутешествовать парню пришлось, да не как наёмник... Я бы сказал – как член какой-то из ночных гильдий».

Раздался грохот, мат ротмистра, и попаданец понял, что в избе что-то разбилось. Разговор прервался, и он поспешил удалиться – очень осторожно.

Только тогда (!) парень начал всерьёз обращать внимание на какие-то знаки, которых было предостаточно. Стыдобища... В своё оправдание он бы мог сказать только, что тут срабатывали очередные психологические «закладки», и он, что называется, «смотрел, но не видел».

Когда начал смотреть всерьёз... Ну вот к примеру – Игорь Владимирович. Вроде имя как имя – ан нет, здесь пока что такое сочетание имени и отчества позволялось только людям знатным – с предками-князьями. Прямого запрета не было, но «самозванцев» сильно не любили. Далее, даже среди знати такие исконно русские имена были редкостью, что говорило о сильном фрондёрстве предков.

Окончание на «вич» (Владимирович) – снова показатель, потому как крестьянин бы представился что-то вроде «Ивашка, сын Мишки» (это если бы вообще отца упомянул); дворянин или купец «с именем» – «Иван, сын Михайлов» и только по-настоящему знатный или состоявшийся как государственный деятель сказал бы «Иван Михайлович».

---

²² Было такое – солдат и офицеров частенько отправляли в отпуск (часто неоплачиваемый или на половинном жалованье) в зимний период. Сейчас такое звучит странно, но нужно учитывать, что зимой в те времена почти не воевали, да и с тренировками личного состава не заморачивались. Ну и второе – служили тогда зачастую до глубокой старости, так что повидаться с родными офицеры (и вообще дворяне) могли только зимой или в отпуске по ранению. Учитывайте, что эти самые родные (включая жён) частенько присматривали за поместьями, так что просто не могли жить в военных слободах.

²³ Полки в те времена были от 400 до 800 (максимум!) человек, причём именно полнокровные. Встречались и «кадрированные», где служило по двести-триста вояк – даже меньше! Правда, такое встречалось обычно у иррегуляров – казаки, татары, калмыки и прочие.

Танцы – тоже «в строку», потому как они считались неотъемлемой частью образования благородного человека, а умение Игоря танцевать прямо-таки кричало о том, что его обучали с самого детства, да обучали самые крутые педагоги. Кстати, кулачному бою также обучали во многих дворянских и купеческих семьях на весьма приличном уровне, так что и здесь...

Наконец, фамилия «Русин» была воспринята не как фамилия, а как псевдоним. «Русинами» здесь часто называли русских, живущих за пределами России. Таких хватало в Польше, Германии, Скандинавии... К своему удивлению, парень узнал, что поселения славян, известные с древнейших времён, встречаются буквально повсеместно²⁴.

Ну и восприняли его как некоего «Игоря Владимировича из рода русского». А кто может скрывать своё настоящее имя? Аристократ с проблемами – кровная месть или что-то в том же духе...

Учитывая огромное количество славянских династий в Германии²⁵ и постоянные захваты сравнительно крупными немецкими государствами более мелких, то обиженных претендентов на престолы (скорее – престолы) всевозможных государств было предостаточно. Вот за одного из таких аристократов и приняли Игоря.

С кулачными боями в качестве заработка пришлось завязывать – начались нехорошие шевеления в его сторону у гвардии, и сослуживцы едва ли не слёзно упросили парня прекратить на время бои. С большой неохотой, но согласился – только после того, как капрал Егор Репин пообещал научить его крестовому бою.

Эта польская школа считается одной из самых лучших, и единственный недостаток – низкая экономичность. Даже тренированному человеку крайне тяжело вести бой в такой манере больше чем пару минут. Зато для кавалерийской рубки или боя в окружении – отменный вариант. И нет, для дуэлей не слишком хороший стиль – чисто боевой.

– Вот ведь... – удивился Егор после первой же тренировки, – слышал, что тебя умотать невозможно, но чтоб настолько... Вмышленный попаданец показанную серию смог повторять в течение двадцати минут в сумасшедшем темпе и был счастлив. Капрал же, почесав щетинистый подбородок, велел ему приходить ежедневно к штабу – через пару часов после обеда.

У штаба тренировался не только он, но и поручик Рысьев – непосредственный командир взвода, в котором служил Игорь. Прохор Михайлов(ич) после разъезда старших офицеров на зиму по домам остался замещать командира полка, потому и начал проводить свои тренировки именно у штаба, чтобы посетители не искали его.

Поручик – молодой ещё мужчина, которому только-только исполнилось двадцать пять лет, был закалённым ветераном, отслужившим уже почти десяток лет и успевшим побывать в «горячих точках». Немногословный, жутко brutальный, за несколько недель занятий он произнёс едва ли несколько фраз. Поэтому, когда он проронил:

– Чистая техника – не хуже, чем у меня, – то осчастливил парня.

Вообще-то говоря, Игорь не проиграл ему ни одного поединка, но сам себе честно признавался, что изначально выигрывал скорее за счёт скорости, силы и выносливости, чем за счёт тактики и техники. И нет, спортивно-дуэльные методы не слишком годились – крестовый бой предназначен для тяжёлой сабли, и движения здесь от движений спортивного фехтования отличаются сильно. Так что, по сути, спортсмену пришлось учить нечто новое, потому и так обрадовался.

С того дня поручик стал разговаривать с ним и вообще – выделять. В эскадроне только он да капрал Репин были дворянами, теперь же и попаданца признали за своего. Вскоре после

---

²⁴ К примеру, в Германии существовали такие поселения вплоть до начала Первой мировой – со своей автономией, языком, культурным багажом. Под угрозой репрессий они частично лишились своей автономии и культурного наследия, но славянские деревни есть в Германии и сейчас.

²⁵ Многие немецкие династии вели происхождение от славян: герцоги Мекленбургские, Померанская династия и прочие.

этого он стал своим и для остальных дворян полка, а затем и соседних, «дружественных» полков. Между прочим – достижение, потому как дворянской грамоты у него не было – по вполне понятным причинам.

Завязав с заработками кулачного бойца, он долго думал: как бы заработать? Откровенно говоря, думалось хреново. То есть идей для прогрессорства – уйма, но все эти идеи требовали денег на своё воплощение, не обещая отдачи – в принципе. Для примера – он помнил, как можно сделать настоящий грифельный карандаш современного ему образца.

И что? Всё равно требовался материал для опытов (а графит почему-то стоил сейчас очень дорого), какое-то оборудование и деньги на всё это. А самое главное – смысл в затее появлялся только в том случае, если наладить достаточно крупное и желательно секретное производство. Зачатки патентного права только-только начали появляться в Европе, и любой ловкач смог бы заняться производством карандашей, узнав секрет.

Во всём так! Нужны солидные деньги на воплощение идей – притом, что денег требовались тысячи, а отдача не гарантировалась. Слава изобретателя? На фиг, дайте деньгами!

Решение пришло в один из дней, когда он задумчиво рисовал пером на бумаге во время очередного урока писаря.

– Ты меня слушаешь-то? – спросил недовольно Тимофей.

– Да слушаю, – и пересказал его речь.

– Да всё равно, не дело бумагу впустую марать – чай, она денег стоит.

С этими словами писарь подошёл поближе и...

– С нами крестная сила! – внезапно воскликнул он, перекрестившись. – Это что – ты нарисовал?

– Ну да, – попаданцу стало немного неловко – вдруг какой религиозный запрет?

Тимофей взял листок с собственным портретом, нарисованным пусть в весьма небрежной манере – скупыми линиями, но достаточно умело. Взгляд его затуманился...

– Ишь... А настоящий натрет намалюешь?

Настоящий «патрет» нарисовать Игорь мог, но только графикой или вот так – чернилами. Ну не учился он всерьёз, так что с краской почти не работал. Так – на уроке от скуки или в транспорте. А что может быть под рукой в таком случае? Правильно – маркер, ручка, карандаш.

Рисовал, тем не менее, хорошо и как выяснилось – даже слишком. В Петербурге количество людей, хоть как-то знакомых с техниками живописи, исчислялось количеством пальцев... Ну ладно – с ногами.

Рисовал он на обычных листах бумаги карандашами, но покупателей это не смущало. Достаточно быстро его произведения завоевали определённую популярность. Наибольшим успехом пользовались фигуры неких абстрактных купальщиц и всевозможная обнажёнка, вторыми по популярности шли портреты.

Денег за своё мастерство попаданец не драл – от двадцати копеек до рубля. Но учитывая, что даже на «рублёвые» картины уходило у него не больше часа, то в кошельке парня снова завелось серебро, а затем и золото.

Торговался и занимался продажей Тимофей, имеющий на этом десятипроцентную комиссию. Парню в принципе не нравился сам процесс торга, так он ещё и отнимал порой больше времени, чем сами рисунки.

Глава десятая

Приноровиться к охотничьим лыжам было нетрудно – Игорь частенько катался как на беговых, так и на туристских, так что опыт был. Правда, лыжи восемнадцатого века отличались от привычных очень сильно – короче почти вдвое, шире, подбиты мехом лося, и вдобавок к ним

не полагалось палок. Но то ли опыт сыграл свою роль, то ли новые физические возможности, но уже через пять минут попаданец бойко скользил за Афоней – денщиком поручика Рысьева.

Улан несколько дней назад наткнулся на следы медведя и поспешил доложить начальству. Под Петербургом зверь встречался не часто, да и желающих поохотиться многовато – гвардия в полном составе. Так что выезжали тайком – вроде как на волков поохотиться.

Вот серых как раз было много по окрестностям, и попаданец уже успел поучаствовать в нескольких облавах на них. Вспомнил – и дрожь предвкушения пробежала по телу парня, он давно уже скучал по острым ощущениям.

– Тиха... – раздался голос проводника, и охотники замерли, всматриваясь и вслушиваясь в зимний лес.

– Двигаем, показалось, – облегчённо выдохнул Афоня.

Компания была небольшой: Рысьев, Репин, Никифор и Русин, ну и Афоня. Добывать зверя решено было с помощью рогатин, так что экстремал из-за отсутствия опыта был на подстраховке.

– Пришли, – тихонечко шепнул денщик, – вот парует.

Приглядевшись, спортсмен увидел легчайший парок над одним из сугробов. М-да, пройти мимо такого горожанину – как делать нечего. Рассредоточились по поляне – Никифор и Игорь с ружьями чуть поодаль, Репин с Рысьевым с рогатинами, ну и Афоня с длинной жердиной.

Слегка утоптали снег – осторожно, чтоб не слишком скрипел, постоянно замирая и прислушиваясь к берлоге. Наконец, приготовления закончены, и денщик, перекрестившись, начал жердиной расковыривать снег там, где предположительно находился вход. Делалось это для того, чтобы не ошибиться и встретить зверя в нужном положении. Если же он успеет проснуться, дела могут принять печальный оборот.

Сердце у попаданца колотилось так, как не колотилось во время парашютных прыжков – и ведь ещё ничего не началось!

– Давай... – негромко приказал поручик, и Афоня, крепко сжав челюсти, с силой ткнул жердиной в проход и начал ворочать ей.

– Попал, – от волнения голос денщика стал писклявым, – выжидает... Есть!

И тут медведь вылетел огромной мохнатой торпедой, оглушительно ревя. Рысьев взревел не намного тише, но – тщетно. Зверь был старый, битый – и вставать на дыбки не собирался, пошёл «кабаном». Шёл он на поручика, причем быстро! Тот сунул было рогатину в морду зверюге, но медведь отмахнулся от неё лапой, сломав как щепку.

Бах! – прогремело ружьё Игоря, и кусок свинца впился в мохнатое тело. Не насмерть – позиция была не самой удачной, но зверь хотя бы отвлёкся и развернулся к парню. Егор Репин мгновенно всадил жало рогатины в бок медведю – и снова не насмерть. Однако матёрый бер всё-таки встал на дыбки.

– Я! – крикнул поручик, выхватывая кинжал. – Отвлекай!

Игорь не нашёл ничего умнее, чем кинуть в медведя разряженное ружьё. Глупо, но сработало – тот перехватил оружие лапами, отвлёкшись на мгновение. Командир же тем временем моментально оказался рядом со зверем и ударил его кинжалом в грудь.

Миг – и тут же отступил на несколько шагов назад, настороженно пригнувшись. Мохнатый коротко взревел, по телу прошло судорожное движение, и он упал на истоптанный снег, замаранный кровью.

– Ну! – коротко сказал Рысьев. – Сделали!

От избытка чувств попаданец взвыл по-волчьи – успели уже научить. Через несколько секунд торжествующий вой подхватили и остальные.

Сдирать шкуру и разделывать тушу доверили Афоне, но Игорь попросился к нему в помощники – полезное умение, может пригодиться. Денщик на удивление быстро снял шкуру

– не более чем за полчаса. Правда, попаданец немного помог ему – то тянул за шкуру, чтобы легче отходила, то переворачивал тушу.

– Не, – словоохотливо делился Афоня секретами, – ты не руби, ты по суставчику раздѣлывай.

– Да моим кинжалом можно эти кости рубить! – засмеялся попаданец.

– Вот же голова – два уха, – неодобрительно покачал головой улан, – рубить... Рубить-то можно, но не нужно. Может, твой кинжал и выдержит, вот только потом его к кузнецу придётся относить – править. И что, не жалко оружия? Да и быстрее по суставчику-то и мясо дольше хранится.

– Спасибо за науку, Афоня, – серьёзно сказал парень.

– Да с нашим почтением, боярин, – осклабился тот, – всегда помогу.

Во время разделки охотники успели вытащить печень и откромсать себе по куску, сожрав её сырой.

– Да бери, бери, – настойчиво совал ему кусок Никифор, – эт как посвящение охотничье.

– Не, – решительно отмахнулся парень, – мне медвежьего мяса и даром не надо. А посвящение... – Тут он вспомнил свои прыжки через крыши; схватку с кавказской овчаркой, из которой вышел победителем – и это в тринадцать-то лет! – Посвящение я давно уже прошёл.

Видимо, что-то было в его глазах такое, что сенсей понимающе кивнул и больше не лез. Остальные же члены компании откромсали себе ещё и по куску сырого мяса и теперь делали из него строганину, макая в смесь соли и перца.

– Лошадь бы надо привести, – озабоченно сказал Афоня, – сейчас схожу.

– Сиди, – махнул на него рукой Игорь, – сам сбегаяю.

Запряжённая в сани лошадь фыркала и упиралась, когда подошла к поляне, но не слишком – не крестьянская лошадка, а уланская. Пусть и не верховая, но и обозных приучают к запаху крови да шуму – на войне иначе никак. Загрузили – и уселись с комфортом, затянув песни. А... Ну точно – тяпнуть успели, хмыкнул про себя спортсмен.

К середине апреля было объявлено, что Россия вступает в войну против Пруссии – и уланы отправляются в поход. Моментально начались интриги – кто-то хотел на войну, кто-то – напротив... И кстати, далеко не все «уклонисты» были трусами. Вот Фёдор из соседнего капральства уже бывал в походах и не раз отличился, но с полгода назад в горячке умерла жена, оставив его с целым выводком малолетних детей, старшему из которых не исполнилось и девяти. Если что – без помощи не оставят, закон регламентировал такие случаи. Но всё равно – не то.

Попаданец же, наоборот – всеми силами стремился попасть в зону боевых действий. Причины? Ну неужели мало того, что он просто адреналиновый наркоман?

Были и другие – карьера, к примеру, стремление совершать подвиги – парню ведь ещё не исполнилось семнадцати и ветер в голове гулял соответствующий. Ну и... Было у него твёрдое убеждение, что в бою *его не могут* убить. Почему-то именно в бою, но вот болячек он опасался, хотя тоже – не слишком.

Гвардия в поход шла выборочно – формировали сводные роты. Говорили, что там интриги куда серьёзней, чем в обычных полках – не рвались, проще говоря. А зачем им?

Это обычные вояки надеялись на трофеи, награды, карьеру и прочие блага. В гвардии же карьеру проще было сделать, примелькавшись во дворце и заводя выгодные знакомства. Уйдя же на войну, можно было остаться ни с чем, кроме чувства гордости за свою храбрость – ну а в ней мало кто из гвардейцев сомневался...

Вот и гуляла гвардия напоследок – так, чтоб небесам стало жарко. Придумывали дичайшие конкурсы и тратили огромные суммы на всяческую ерунду. Но были и исключения...

– Младший! – влетел в горницу Андрей с совершенно шалыми глазами. – Там преображенцы на завтра свалку-сцеплялку²⁶ объявили! Приз – жеребец породистый, шпага из Толедо, два пистоля дорожных и сто рублей!

По лицу Игоря проползла улыбка, и он решительно встал с кресла.

– Я участвую!

В этот раз сослуживцы не стали его отговаривать – призы и в самом деле были значимые. Правда, на деле оказалось, что обещали только сто рублей, а «набор кавалериста» – только в виде мутноватого слуха. Ну, попаданец был рад и «урезанному осетру».

Бой был назначен у Гостиного двора – место относительно «центровое» и нейтральное. Ехали не все – только капральство в урезанном варианте, свободные (то есть почти все) офицеры, добрая половина унтерского состава и часть ветеранов. Остальных просто не пустили – количество гостей от каждого полка было ограниченным. Как и бойцов – по полудюжине с каждого полка и столько же от каждой из гвардейских рот. Не совсем честно, ну да что тут поделаешь...

Игорь поехал в пехотных сапогах, сшитых полковым сапожником – в кавалерийских не слишком-то подрыгаешь ногами. Приехали, потолкались в толпе... Что-то вроде регистрации – офицеры в большинстве своём знали друг друга хотя бы в лицо.

– Все всё помнят? – негромко спросил попаданец ветеранов.

– Да помним, боярин, – отозвался один из них, – победить не обещаем, но рожи гвардионцам помнём.

Послышались смешки и шуточки похабного содержания.

– Ну-ну, – успокоил их тренер, – раньше времени не надо.

Да – тренер. Зимой он не только сам тренировался, но и тренировал других – чем ещё заниматься, если ты не пьёшь и спишь не больше четырёх часов в сутки? Точнее – много чем можно, но и на тренерскую работу хватило. Не сказать, что научил чему-то шедевральному, но основы бокса преподавал, как и несколько приёмов из самбо и рукопашки.

Толпа собралась большая – свыше двухсот человек.

«Ух и ни фиги себе, – мысленно присвистнул Игорь, – да тут затоптать могут».

Не затоптали – он сразу встал с краю и не прогадал – народ с радостным рёвом побежал к центру поля. Зачем? Да хрен его знает – какие-то выверты психологии.

Большая часть бойцов вышла из строя буквально минут за пять – самые азартные, самые неосторожные... И да – многих действительно смяли в давке – тех, кто помельче. Попытались «снести» и его, но он спокойно уклонялся, не спеша поддаваться эмоциям. Да, хотелось завывать волком и броситься в драку, но... Приз был слишком хорош, чтобы рисковать настолько глупо.

Из-за того, что он не лез на рожон, стараясь держаться в стороне, парня почти не трогали. Так – время от времени пытались мимоходом вцепиться по уху. В таких случаях он обычно просто уклонялся и «подводил» соперника к кому-то ещё – ну а там они быстро переключались. Пусть Игорь и подросток на несколько сантиметров, был он худощав и выглядел (да и был) моложе любого другого бойца, так что его просто не воспринимали всерьёз. Вроде бы и примелькался уже в боях, но вот поди ж ты...

В остальных же случаях... Спокойно уйдя от размашистого удара статного гренадера, парень влепил ему лоу-кик по голени. Запрыгал? Ну, теперь можно и по лбу ладонью добавить – отдыхай.

С такой тактикой осталось чуть больше тридцати бойцов, когда его, наконец, заметили и приняли всерьёз. К этому времени почти все бойцы были в крови – как своей, так и чужой. К его радости, экстремал заметил, что трое уланов пока стоят на ногах.

---

²⁶ Массовая драка, в которой каждый сам за себя.

– Мелкого бей, мелкого! – раздался слаженный рёв преображенцев, сумевших перекрыть толпу, только когда начали орать хором.

М-да... На фоне остальных кулачников Игорь и вправду выделялся – чистенький и бодрый. Он ехидно улыбнулся и стал отплясывать джигу, ставшую уже «фирменным» танцем уланов. В толпе заулюлюкали, оценив издёвку.

Так, пританцовывая, он двинулся навстречу первому из противников – гвардейцу, разумеется. Разумеется – потому, что за исключением троицы уланов, одного драгуна из «родственного» полка и одного егеря – все остальные были из гвардии. Оно и понятно – их изначально было больше, да ещё и народ туда набирали рослый.

Необходимость постоянно сдерживать себя в *таких-то* условиях прошла, и теперь парень был слегка неадекватен. Высокий прыжок навстречу гвардейцу – и колено спортсмена с хрустом ломает противнику нос, после чего тот опадает на землю сломанной куклой.

– Ах! – многоголосо раздалось в толпе – такого здесь ещё не видели!

Следующий – лоу-кик по колену и классическая «вертушка» по голове. И пусть спасибо скажет, что не каблуком и не носком «зарядил»... Перехват руки – и на тебе бросок через плечо! Но тут на него бросились остальные семёновцы, и ситуация стала... Отличной! Игорь стал кружиться среди рослых бойцов, привыкших в кулачных боях крепко стоять на ногах и потому не слишком увёртливых.

Удар в голень, коленом по животу – один готов... Мощный пинок в живот – уноси готовенького... Растопыренная пятерня в физиономию, хруст ломаемого носа, и рука становится мокрой. Фу... Чтобы вытереть её, он бьёт следующего противника всё так же – растопыренной пятернёй, но уже в корпус. Тут же – захват за рубашу и... Гвардеец взмывает над головой попаданца, после чего следует исполнение «вертолёта» – или как там называется тот приём в рестлинге?

Захват сзади, с попыткой удержания. Да – здешние бойцы, может, и пониже классом, чем его современники, но вот работа в команде получается у них куда лучше... Но в этот раз – бесполезно. Экстремал выбрасывает ноги навстречу подбегающим противникам – один отлетает, второй стгибается пополам и оседает на землю. Тут же парень резко приседает вниз-вперёд, придерживая любителя «обнимашек» – и тот перелетает через него.

– Трах-бах-бах, кто на новенького! – заорал попаданец. – Бах-трах-трах – уноси готовенького!

Орал несладко, но громко, сопровождая слова чем-то вроде боя с тенью, так что смысл кричалки поняли все. Его несло – выброс адреналина был мощный, слишком уж давно экстремал не давал нормального выхода энергии.

Несмотря на несколько неадекватные кричалки, соображалка работала, и на рожон парень не лез. Тем не менее несколько раз зацепило довольно крепко. К счастью (по его мнению), по голове не попали – отсушили ногу да хорошо прилетело в спину и сейчас там ошутимо болело.

– Рррааа! – заорал Игорь, выплёскивая эмоции – и не он один... Орала бойцы, орала зрители в толпе – сейчас на ногах осталось только пятеро и двое из них – уланы! На ногах остался и тот самый говорливый ветеран. Правда, сейчас он выглядел неважно – с фингалами под обоими глазами.

Решив напоследок покуражиться, парень поманил самого здорового из противников и встал в позу борца. Вызов был принят, и тот тяжёлой походкой пошёл на Игоря, на ходу отводя правую руку и выставя вперёд левую. Однако подойдя поближе, неожиданно (ну так он думал) выставил вперёд полусогнутые локти и согнул корпус, после чего бросился на мелкого, пытаясь схватить его, задавить массой.

Экстремал охотно принял вызов и слегка подался навстречу, обхватывая его руками. Затем над толпой снова пролетели возгласы восхищения – бросок с прогибом²⁷ здесь ещё не видели. Учитывая солидную разницу в весе, выглядело это особенно эффектно.

Второй улан тоже не терял времени и, пока Игорь развлекался борьбой, успел «ушатать» одного из соперников и сейчас вяло отмахивался от второго. Гм... То есть получается, что он ещё и придержал их, чтобы гвардейцы не успели на помощь к товарищу? Жест пусть и не нужный (но улан-то этого не знал!), но благородный.

Подойдя на помощь к однополчанину, попаданец быстро уложил семёновца отдыхать. Затем взглянул на ветерана, вздохнул (по правилам «свалки» остаться на ногах должен только один) и, аккуратно скрутив его, уложил на землю. Всё – победа обозначена. Восторженный рёв толпы подтвердил это, и Игорь протянул руку лежащему на земле товарищу.

– Мы победили.

Глава одиннадцатая

Сборы были долгими – хотелось поехать без лишнего хлама, но и поступаться комфортом желания не было. Опыт путешествий у Игоря был, но скажем так – немного в других условиях. Теперь же... Да даже одежда была другой! Она занимала больше места (и намного!) и больше весила. Аналогично и с обувью, оружием...

Помощь сослуживцев была кстати, но и с ней все приготовления заняли больше недели. Ну, к примеру, пришлось озаботиться запасными подковами для своих лошадей. Ага – для каждой лошади требовались свои подковы. То есть можно было обходиться и более-менее одинаковыми... Но это как с обувью – лучше подобрать по ноге. Вроде бы мелочь – а в времени сэкономит и, вполне возможно, спасёт когда-нибудь жизнь.

Таких вот мелочей набиралось предостаточно, так что вещи пришлось разделить на три части: те, что постоянно при себе; перевозимые на лошади; лежащие в обозе. Разделив, нужно было не забывать и постоянно контролировать это. Вот, например, одна сабля была постоянно на поясе попаданца – относительно лёгкая и предназначенная прежде всего для фехтования или конного поединка. Вторая была прикреплена к седлу – тяжёлый килич (он же клыч) с клинком сантиметровой толщины и утяжёлённой елманью²⁸, предназначенная исключительно для рубки. Уланы в России сейчас были своеобразными универсалами от кавалерии, так что, по словам ветеранов, их могли ожидать как атаки на строй пехоты или батарею пушек, так и схватки с кавалерией – причём как лёгкой, так и тяжёлой.

Выигрыш же Игорь, после недолгой (но тяжёлой) борьбы с «жабой», решил пустить на общие блага капральства и прежде всего – медицину. Хирургические инструменты (дорогущие, зараза!), кое-какие лекарственные травы, перевязочные материалы, несколько книг по анатомии.

С медициной сейчас вообще было тяжело – один доктор был на весь полк, и это считалось ого-го как круто! Между тем, доктор этот даже не учился в университете, а стал медикусом после личного ученичества – сейчас такое допускалось²⁹. Квалификация же у него была...

Пришлось как-то обратиться – и уйти оттуда в ужасе: знаний по меркам спортсмена попросту не было. Ртуть, мышьяк, копыта чёрного козла³⁰ и прочие ингредиенты того же уровня – вот что было основными методами лечения. Хирургия? Аналогичный уровень.

---

²⁷ *Бросок с прогибом* — бросок, когда борец перекидывает соперника через себя, становясь фактически на мостик.

²⁸ *Елмань* — утолщение на конце клинка.

²⁹ И не только сейчас – в США ещё в начале XX века стать зубным врачом мог *любой* желающий, у кого были средства на открытие кабинета. Да и у «настоящих» врачей ученичество (без университета) продержалось кое-где (в том же США) аж до второй половины XIX века.

³⁰ Ещё в конце XIX века европейская медицина широко использовала как ртуть, так и столь «передовые» ингредиенты,

В общем, попаданец плюнул и с тех пор сперва его контуберния, а затем и уланы со всего капральства стали приходить к нему со своими болячками. За проблемы с почками или чем-то ещё он не брался – в полку были достаточно грамотные травники, но вот вывихи, ушибы, растяжения и сотрясения мозга, как и порезы после неудачных схваток – вполне. Он даже научился зашивать раны. Пусть первые попытки были откровенно неуклюжими, но потом пошло на лад – тем более что особой альтернативы не было...

Вот и сейчас:

– Да это, может, и не надо зашивать, боярин? – просительно тянет здоровенный улан.

– Надо, Прохор, надо, – сурово сообщает экстремал, – рану твою если не зашить, то она два месяца может заживать. А там и зараза из-за этого пойдёт. А зашью – там недельки через три всё заживёт.

Прохор тяжело вздыхает и согласно кивает.

– Готовьте стол, – обращается парень к уланам из контубернии, которые охотно берутся ему ассистировать.

– Та зачем меня на стол, на ём люди едят, – вяло возражает пострадавший.

– Цыть! Человек всяко священной будет, чем хлеб, так что стол не пострадает. Да и что прикажешь – мне в три погибели над тобой горбиться?

Уложив раненого на стол и заранее подготовив всё необходимое, вынужденный медик обмывает рану и сам моет руки. Затем следует аккуратный удар по сонной артерии, и пациент теряет сознание. Метод давно известный у адептов БИ, но скажем так – рискованный. Так бы Игорь даже не попытался заниматься столь рискованным наркозом, но... С начала весны он стал чувствовать что-то... этакое. Экстрасенсорика или что, он сам толком не понимал, но раз работает – нужно пользоваться.

Прохор очухался уже когда обматывали ногу.

– Эт... Когда, боярин? Страшно ж...

– Да всё уже, болезный, – успокоил его попаданец и сурово приказал сопровождающим:

– Сейчас до хаты на руках тащите и проследите, чтоб сам никуда не вставал. Ведро поганое рядом поставьте, чтоб было куда нужду справлять. Ну дней через несколько можно будет и во двор ходить – но так, сторожко.

Те закивали истово и быстро утащили сослуживца.

Кстати, боярином его начали звать достаточно давно. Как понял парень, «Игорь Владимирович» по здешним понятиям было что-то вроде «ваше сиятельство». А обращаться так к рядовому как-то... Ну а «боярин» вроде как и ничего – чуть более фамильярно, но субординации не нарушает.

Вообще, сложилась достаточно странная картина – его упорно считали аристократом. Сам он не подтверждал (и не опровергал) этого, но порой доходило до смешного – все поступки, которые как-то выделяли его из толпы, немедленно приписывались именно аристократическому происхождению. С одной стороны, вроде как и неплохо, попаданца ещё ни разу не заставляли заниматься чем-то помимо воинской учёбы – ну разве что в карауле стоять. А с другой – пришлось следить за своими словами и поступками, что раздражало порой.

Выехали через несколько дней, и тот самый пострадавший ехал с ними на телеге – сам напросился, да и успеет выздороветь. Вообще же, полк поехал не в полном составе – около пятидесяти человек остались в слободе. В основном молодняк (из набора Игоря поехал он один) и немногочисленные ветераны, оставленные как для обучения этого самого молодняка, так и для решения каких-то хозяйственных вопросов. Всего ехало чуть больше пятисот человек – ну такие в это время полки...

Подсознательно парень ожидал, что выезд будет напоминать кинофильмы – то есть стройные колонны, brave усахи, трубачи... Действительность же оказалась намного более прозаичной – одних только телег набралось больше сотни, так что получилась не бравая колонна, а натуральный обоз.

А куда деваться – до создания грузовиков ещё ой как много времени, да и военное имущество было достаточно специфичным, чтобы его можно было легко достать. Сёдла, уздечки, запасные пики, подковы, походная кузня, имущество полковых сапожников и портных, запасы провизии, медицинская телега (заслуга Игоря) и много чего другого.

Доехав до определённой развилки, разделились – обоз поехал дальше, а сами уланы свернули. Здесь была традиция, что полк должен пройти через город – дескать, повышает патриотизм.

– Как дурики какие-то, – проворчал попаданец, но его мало кто понял – большая часть сослуживцев прямо-таки купалась во внимании горожан.

Как только выехали из города, он тут же перекинул одну ногу на седло и достал флейту. Уланы оживились – музыку здесь любили, так что подобные упражнения воспринимали исключительно положительно.

– Ты это, чё-нибудь жалостливое могёшь? – стесняясь, обратился к нему Никифор. На лицах остальных солдат было полное согласие, так что заиграл без лишних слов...

Немного минора не повредило, но когда проезжать пришлось через одну из деревень, где у многих уланов были подружки, попаданец не удержался...

Зелёною весной под старую сосной
С любимую Ванюша прощается,
Кольчугой он звенит и нежно говорит:
«Не плачь, не плачь, Маруся-красавица».

Маруся молчит и слёзы льёт,
От грусти болит душа её.
Кап-кап-кап, из ясных глаз Маруси
Капают слёзы на копье.
Кап-кап-кап, из ясных глаз Маруси
Капают горькие, капают, кап-кап,
Капают прямо на копье.

Студёною зимой опять же под сосной
С любимую Ванюша встречается,
Кольчугой вновь звенит и нежно говорит:
«Вернулся я к тебе, раскрасавица».

Маруся от счастья слёзы льёт,
Как гусли душа её поёт.
Кап-кап-кап, из ясных глаз Маруси
Капают слёзы на копье...

На лицах появились улыбки, слышались шутки, и кое-кто из уланов отстал, клятвенно обещая догнать – вот только попрощается как следует со своей Марусей!

– Молодец, сильно настрой поднял, – сказал ему подъехавший поручик.

Вообще, случай с удачным внедрением поэзии был редким – всего несколько стихов и песен удостоились признания сослуживцев – и это при том, что он старался отбирать их очень тщательно.

«Да... Здесь Высоцкого не перепоешь, как ни старайся», – в один из «поэтических» дней сам с собой разговаривал парень – была у него такая привычка. – Вот взять к примеру “Прощание славянки”... Песня гениальная, но... Не подходит в принципе – там же есть такие строки, как “где Илья твой и где твой Добрыня” и “встань за Веру, Русская земля”. Красиво? Да охренеть как! Но вот здесь и сейчас это однозначно не пойдёт. Почему? Так она очень хорошо ложится на чаяния староверов, против которых ведётся настоящий террор. Илья с Добрыней – обращение к “старине”, да и “встань за Веру” – именно так говорят староверы. Так что... М-да, вряд ли из меня получится местный вариант Пушкина...»

Ну да – Игорь был честолюбив и, зная массу песен и стихов, надеялся как-то выделиться. Мир он решил считать параллельным, так что «обкрадывать» поэтов не стеснялся. Но пока не слишком-то получалось – знал-то он в основном песни, причём современные, а со стихами того же Пушкина дела обстояли куда скромней.

Часть вторая Война

Глава первая

Два года – срок немалый, особенно если это военные годы. За время войны против Пруссии Игорь подрос – как буквально, так и в чинах.

– Сержант! Готов кулеш, иди пробу снимай, – позвал его Андрей.

Достав ложку из внутреннего кармана, Игорь подул и осторожно попробовал.

– С зайчатиной? – спросил он подобревшим голосом.

– А то! Выскочил шальной, ну мы его и того... Мяса в ём на один укус, ну так хоть кулеш духовитый получился.

Пообедав, разошлись по своим делам – часть недавно прогулялась по прусским тылам, и люди вымотались, так что с учениями он никого не заморачивал. Да – именно он. Рысьев пошёл на повышение, получив ротмистра и батальон (ротмистр Пушкарёв – увы...), ну а ротой... Ротой формально командовал молоденький поручик, присланный из России, – уже четвёртый на памяти попаданца.

Командование таких вот... офицеров заключалось в том, чтобы скакать с саблей или пикой впереди эскадрона, командуя зычным голосом. Да и то, уланы предварительно оглядывались на своего сержанта...

Ну да – как-то так сложилось, что в реальности уже более полугода ротой командовал именно он – как в бою, так и по хозяйственным делам. Формальные же командиры роты присылались за чинами – очень уж удачно действовал полк. Однако, чтобы нормально командовать, нужно хотя бы понимать, что же такое – Новгородский уланский полк. Поскольку был он уникальным воинским подразделением, то понимали это не все.

Так что... Двое таких непонимающих уже слегли, ну а один и в самом деле заработал желанное повышение и быстро перевёлся в кирасиры – служба там была полегче. Да, тоже непросто, да и отнюдь не безопасно, но дело в том, что кирасиры участвовали только в крупных сражениях – за редким исключением, а вот уланы занимались ещё и охраной штабов, рейдами по вражеским тылам... Хорошо ещё, что разведкой заниматься пока не заставляли – тут была вотчина казаков.

В общем, уматывались люто, но зато были и послабления. В частности, Игорь, как и остальные уланы, уже шесть раз отправлял трофеи в слободу. Обычные же солдаты если и могли передать что-то своим, то с оказией и без особой надежды, что доедет хоть часть.

Трофеи же...

– Малой, да зачем тебе ещё один клинок? – прыгал вокруг телеги Никифор – на правах «дядьки» ему позволялось такое обращение, тем более что и сам он стал капралом (в очередной раз – были уже разжалования за... многое).

– Для коллекции, – рассеянно отозвался Игорь, любясь великолепным шотландским палахом.

– Чиво?! Ты ж всё равно его не продашь! – не понял капрал.

– Да и не собираюсь продавать. Ты ж знаешь, я клинки собираю.

– А-а, – наконец-то понял суть «коллекции» ветеран, – ну давай. Только я б на твоём месте чего другого загрузил.

Невозмутимо пожав широкими плечами (а вырос и заматерел он за последние два года заметно – стати уже гвардейские³¹), сержант продолжил упаковывать вещи. На его месте... Уланы любили прибарахлиться, чего уж греха таить, но не всегда соображали, что можно брать.

Вот и сейчас – раскритиковал его «коллекцию», а сам часы напольные отправляет! Говорить, что до слободы они просто не доедут, бессмысленно... Да и вообще – мышление у большинства не стратегическое. Знают, что такой вот клинок в лагере можно купить от силу за пару рублей... Ну не в чести у русской кавалерии такие вот хреновины! А то, что в Петербурге он будет стоит как минимум рублей тридцать (не у перекупщика, понятное дело), соображалки не хватает.

Военная карьера у попаданца пошла в гору буквально с первых недель вступления в войну: сперва были небольшие стычки, где он показал себя отменным бойцом, затем – парочка уже настоящих, пусть и небольших сражений, в одном из которых пришлось взять командование на себя и получить за это капральский чин. Ну и наконец, сражение при Гросс-Егерсдорфе, где русская армия вдребезги расколошматила прусскую – и не воспользовалась плодами победы из-за странных действий Апраксина, приказавшего после победы отступить...

Экскурс в прошлое. Гросс-Егерсдорф

– Да нас ить больше почитай в два раза, – орал пьяный гвардеец, – растопчем немчуру!

– Топтальщик, – пробормотал Репин, – с нехорошим прищуром глядя на преображенца. С нехорошим, потому что именно этот гвардеец был... не лучшим представителем, мягко говоря. Орал много, делал мало...

– Да уж, – поддержал непосредственного (на тот момент) командира Игорь, – в два раза! А толку-то от этих двух раз? Шестнадцать тысяч иррегулярной кавалерии – толку-то от неё...

Утверждение было несколько странным, если не знать ситуацию в целом. Иррегулярная конница хороша только в разведке и рубке уже убегающего врага, а уж если эта конница в большинстве калмыцкая... Не внушали они доверия ни ему, ни остальным.

Грабить – да, а вот воевать – нет. Были уже случаи убедиться, что в битвы они не спешат, а вот по части сбора трофеев – первые. Доходило до того, что русские полки громили врага, а трофеи собирали калмыки. Мало того, они могли ограбить ещё и русских солдат – были прецеденты. Наказывали – вплоть до виселиц, но как-то бестолково, так что бардак продолжался.

Плюс казаки. Тоже мародёры ещё те, да и в битву совсем не спешат – хотя и умеют, тут не отнимешь. Но эти-то хоть разведкой занимались, да охраной обозов, да арьергард-авангард... В общем, при деле. Правда, Апраксин почему-то не спешил пользоваться их услугами... Даже разведку не высылал!³²

– Да мать! – Егор крепко сжал зубами погасшую трубку. – Неужели нельзя было выслать тех же калмыков погулять по прусским тылам?!

Вопрос был из серии риторических – Апраксина солдаты невзлюбили. Командующий оказался таким, что попаданец стал понимать Сталина с его репрессиями. Тут не то что расстреливать – на свечке поджаривать начнёшь! Хреновый командующий, снабжение армии отвратительное... Продолжать можно было долго, так что в солдатской среде уже шли разговоры об измене.

---

³¹ В гвардейские полки набирали тогда по многим критериям, но главными были отменное здоровье, рост, благообразная внешность и физическая сила. Обычно же, говоря о «гвардейских статях», подразумевали, что рост и физические данные у человека – сильно выше среднего.

³² Факт из реальной истории. Апраксина потом обвинили в измене, и умер он во время допроса. Вряд ли от пыток – скорее, с перепугу, возраст уже, да и не применяли тогда пытки к столь родовитым людям. Но даже если применяли (что очень маловероятно), то это могло означать только одно – в его измене были уверены на сто процентов и хотели выявить сообщников.

Войска уже не первый день стояли друг перед другом, испытывая нервы на прочность. Однако если пруссаки делали попытки провести рекогносцировки, то русским войскам Апраксин прямо запретил это делать. То есть небольшие отряды, посылаемые командирами полков и батальонов, что-то пытались делать, но результаты были скромные.

Уланы стояли вместе с казаками перед левым флангом, у посёлка Зитенфельде. Именно впереди – сзади их подпирала пехота, расположившаяся практически на берегу Ауксины. Место, по мнению Игоря, было не самым удачным – возможности для маневра были слабыми. Да и казаки...

Сейчас это было не воинское сословие, служащее России, а жители отдельных государств³³, которые ещё недавно посылали своих послов в Европу. Сравнительно недавно, с исторической точки зрения, они стали некоей автономией Российской империи. Ну а сейчас та самая империя давила на них, стараясь лишить самостоятельности.

В общем, воевать они умели, но не слишком-то хотели, да и к уланам относились с изрядной долей пренебрежения...

– Лапотники! – и всё тут. Они – потомственные вояки во многих поколениях, а большая часть сослуживцев Игоря – вчерашние крестьяне. Ну и отношение – соответствующее. И пусть эти лапотники воевали эффективней, но: – Быдло!

Никакого понимания идеи «Русского единства» у них не вызывали³⁴.

На утро было назначено выступление, и самое паршивое, что русские толком не знали расположение противника. Оставалось надеяться, что противник тоже не знает...

Авангард ушёл вперёд – сквозь лесные заросли пошла пехота, а по открытой местности – казаки. Примерно в версте за казаками следовали уланы. Шли без особого шума, но через какое-то время вдали затрещали выстрелы – авангарды столкнулись.

Пропела труба, и офицеры скомендовали:

– В колонну!

И унтера начали выстраивать людей.

– Назад, осади, – громко командовал попаданец, приказывая как своим, так и помогая соседям.

– Только бы не пушки, – нервно сообщил ему подъехавший Егор. Парень только хмыкнул – пушки они не любили...

Прискакали казаки, докладывая командованию ситуацию. К сожалению, информацией там делиться не любили...

– Выстраиваются, – бросил им проскакавший мимо казак. Ну хоть какая-то определённости...

К сожалению, информация оказалась неполной.

– Конница, – с нотками паники пронёсся молоденький казак.

– Уланы! Рысью!

Стиснув зубы от бессилия, Игорь принялся наводить порядок во вверенном подразделении. Зубы стискивал не столько от страха, сколько от злости – бесил идиотизм происходящего, бардак.

Им предстояло сбить атаку, дать возможность войскам перегруппироваться.

– Драгуны! – прошло по рядам, и лица уланов просветлели. Противник не самый страшный, вот кирасиры, те да – немного хуже... Выстраиваясь на ходу в боевой порядок, кавалерия мчалась навстречу врагам. И нет – место Игоря было не в первых рядах, а слева-сбоку.

Н-на! И пика, удерживаемая левой рукой, влетает остриём под драгунский шлем. Удержал древко чудовищным даже для него усилием, зато на острие повисла лицевая кость врага.

---

³³ Сильно упрощённая версия событий.

³⁴ Так оно и есть – казаки считали (а многие и сегодня считают) себя отдельным народом.

Неприятно? Нет, только какой-то злой азарт – и желание повторить столь удачный удар. Удаётся, и острие вонзается в шею – не слишком сильно. Однако и этого оказывается достаточно. Следующий удар отбит палахом, одновременно уклоняясь. Слегка поправив траекторию, удаётся вонзить пику в грудь его товарища – и вытаскивать уже не получится.

Лошади перешли на шаг, и началась сабельная рубка. Острие палаха устремляется к морде Звёздочки. Отбить, сильно вытянуться вперёд, отрубить кисть...

Развернуться в седле упражнением из спортивной гимнастики и подошвой сапога сбить с лошади противника, вцепившегося было в горло Тихону.

Вылетевшим из рукава кистенем спутать вражеский клинок, пригнув его к низу, и лезвием клинка перерезать горло. Брызги крови в лицо.

Игорь вертелся, умело работая клинком, руками и даже ногами. Довольно скоро пространство вокруг него расчистилось, и контуберния ломанулась в прорыв. Судя по всему, таких прорывов было достаточно много, так что голштинцы дрогнули и побежали.

– Руби их в песи! – волком завыл командир полка.

– Круши в хузары! – поддержали офицеры... И уланы кинулись за беглецами, рубя их в спины. Недолго – это оказался передовой полк, сдуру оторвавшийся от своих, и сейчас на выручку шла остальная кавалерия.

Отступали организованно – удавалось не только отбиваться, но и прихватить трофейных лошадей. Галопом залетая за полевые укрепления, уланы спешили.

– Раненые есть?!

Вопрос не праздный и не глупый – в горячке боя многие не ощущают ранений и продолжают сражаться даже тогда, когда можно отойти в тыл. Однако раны-то сабельные, так что кровопотери просто ой, и самое неприятное, что такой вот «берсерк» может погибнуть буквально «на ровном месте» в абсолютно рядовой ситуации. Так что прислушивались к организму и посматривали на товарищей.

– Боярин, да ты никак загрыз кого? – с весёлым смешком спросил у парня один из солдат. Проведя по лицу рукой, попаданец обнаружил кровь. Ах да... Тот самый драгун, которому перерезал горло.

Затем было много, много контратак, и схватки несколько раз докатывались до орудий. У Игоря сломались пика и клинок – рубился запасным, кончился порох для пистолетов, он заработал несколько лёгких ранений и один ушиб от пули на излёте³⁵. Положение спас Румянцев, ударив с четырьмя свежими полками – по собственной инициативе! Апраксин ничего не предпринимал...

В том бою Владимир получил признание не только коллег и офицеров полка, но и самого Румянцева, заметившего отчаянного улана. Благодаря его протекции он перескочил через ранг фурыера и стал сразу каптенармусом...

Тряхнув головой, попаданец отогнал воспоминания и принялся обходить хозяйство. Он многое поменял в... Да, можно сказать, что в своей роте.

Централизованное снабжение и по возможности – питание³⁶, организовал что-то вроде «кратких курсов» по основам медицины для желающих...

«Как это не хочешь? Сержант сказал – надо (!) – ты сразу же захотел учиться! Кто не учится – тот сортиры чистит. Всем всё ясно?»

В общем, много всего интересного. Не все нововведения радовали уланов, но... многие были удачными и постепенно перенимались в остальных эскадронах – да хоть те же «курсы медработников». Помогало и то, что Игорь получил колоссальную известность как боец. В

---

³⁵ Дальноточность огнестрельного оружия в те времена была совсем невелика, так что случай достаточно рядовой.

³⁶ Централизованное питание в армиях появилось только в XIX веке, причём почти везде – во второй половине.

конной рубке даже два-три убитых тобой противника – результат опытного ветерана. Пять-шесть – результат офицера или новика³⁷ из хорошей семьи, с которым с детства занимались лучшие воины. А вот когда убитых противников полтора-два десятка за один бой... Таких рубак на всю армию было несколько человек – и знали их поимённо.

Глава вторая

В боевых действиях наступил перерыв – вымотались все. Да и не только вымотались – шли очередные, достаточно бессмысленные переговоры. Бессмысленные потому, что война в Европе была только частью «Большого концерта». Главное же – это была не очередная войнушка, кои в Европе никогда не прекращались, а противостояние Франции (а также России и Австрии) и Англии (а также Пруссии и северогерманских государств).

Были и более мелкие союзники с обеих сторон, но всё это не важно. Важно то, что у серьёзных игроков были причины воевать. В частности, Россия ввязалась в войну не за какие-то абстрактные политические интересы, а за совершенно конкретные – Пруссия намеревалась поставить под свой контроль Прибалтику и Польшу.

Допустить такое нельзя категорически – это даже хуже, чем в будущем, с базами НАТО под боком, – считал Игорь. Возможно, он столь остро воспринимал ситуацию потому, что сам в этом участвовал – это частое явление. Всё может быть.

Как бы то ни было, в боевых действиях обозначился перерыв, и сейчас не только усиленно подвозили припасы, но и лечили раненых и больных. Кстати, потерь от болезней было больше, чем от ранений.

Вообще, попаданец с удивлением узнал, что начало кампании всех удивило – русские войска не воспринимались серьёзным противником. Вроде и били уже европейцев, а вот поди ж ты... Ну а сейчас в головах европейцев складывалась непривычная картина – русские били «просвещённых европейцев». Били не только при своём численном преимуществе, но и практически при любых раскладах.

По сути, несмотря на общую численность русских войск чуть более пятидесяти тысяч человек (включая больных и раненых) – не самая большая, ведь с обеих сторон воевало чуть ли не пятьсот тысяч, а вот – всё равно именно русские войска «играли первую скрипку» у союзников...

Потянувшись, сержант встал.

– Я в деревню, – сообщил он подчинённым. Послышались смешки ветеранов – в деревне у попаданца появилось аж две «любушки», и уланы откровенно посмеивались над любвеобильностью командира, ну и завидовали, чего уж...

– Тимоня, поедешь со мной, – скомандовал парень, и подчинённый с радостью побежал седлать коней. Где-то с год, как «общество» выделило ему неофициального денщика, несмотря на то что по штату не полагалось.

Да, не совсем законно, но разве законно то, что сержант, по сути, командует ротой, взвалив на себя чужие обязанности. Да кто хирург в эскадроне?³⁸ Боярин...

Положив одну ногу на седло (ну привычка такая, что ж делать?), попаданец пересчитывал деньги в кошельке, пытаясь сообразить, на что же их хватит. И не стоит обвинять его в идиотизме! Деньги-то чеканят разные страны – с разным весом и содержанием благородных металлов. Да

---

³⁷ Новик — молодой дворянин, поступивший на службу в армию, но не имеющий ещё званий.

³⁸ Хирург в те времена – не врач. Медики в те времена не оперировали, так что занимались ампутацией конечностей и вытаскивали пули люди, имеющие весьма опосредованное отношение к медицине – цирюльники, костоправы (это если очень сильно повезёт) или вот такие «совместители».

стираются они со временем – и это тоже влияет на стоимость. Ну а когда у тебя в кошельке трофеи из дюжины стран...

Вообще-то, средства у него были – на сохранении. Была здесь, оказывается, такая услуга – деньги в казначейство под опись сдавать. Ну и сдавал через румянцевских приближённых, чтоб с гарантией. Было там сейчас больше восьмиста рублей, ну а себе оставлял всевозможный неликвид.

– Боярин, в трактир заедем? – просительно протянул Тимоня. – Пивка бы...

– Заедем, заедем, только смотри, чтоб к колбасам не тянулся.

Денщик смущённо потупился – он уже не раз дрисстал из-за своей любви вкусно пожрать. Немецкие же колбасы... Брендом это станет потом, а сейчас немалая их часть делается из несвежего мяса, которое нельзя пустить на нормальные блюда.

Деревушка... Вообще-то, она считалась городом, но сотня домов... Несерьёзно, в общем. Так вот, деревушка была достаточно грязной и запущенной – никакого знаменитого немецкого орднунга и вымытых с мылом улиц не наблюдалось³⁹. Ну, этому Игорь давно уже не удивлялся – то ли мир совсем уж параллельный, то ли книги много ввали.

Грязненько, пованивает дерьмом... Прохожие вежливо раскланиваются – узнали форму. Уланы, верные своим принципам, не «охальничали» (хотя помародёрствовали, да), и многие дамы посимпатичней поспешили обзавестись защитниками. Как бы это... В общем, солдаты могли задира́ть юбки без согласия их обладательниц. Не русские – тут их командование поставило жёстко, да и сами солдаты могли себе позволить такое разве что после штурма. Ну не принято такое в патриархальнейшей стране, не принято.

Зато всевозможные союзники... Немецкие государства гребли в солдаты всех, до кого могли дотянуться⁴⁰ – включая иностранных подданных (без их согласия), бродяг, разбойников... Ну и контингент был соответствующим. Так что знаменитая «палочная дисциплина» немцев родилась не на пустом месте – вынужденно. С таким сбродом иначе никак. Другое дело, что их никто не заставлял тащить этот самый сброд в армейские ряды...

Оставив Тимоню у трактира и «зарядив» его небольшим количеством наличности, парень отправился дальше. У одного из небольших домишек спешился и постучал.

– Милый! – Грета вылетела и повисла у него на шее – демонстративно, чтобы соседи знали – у неё есть защитник. По нынешним временам это куда важнее девичьей чести, которую сложновато сберечь, если по стране не первый год проходят войска разных государств.

Слегка пообжимавшись с млеющей девицей, он завёл мерина в сарайчик и расседлал.

– Вот, по случаю досталось, – протянул сержант девушке солидный такой мешок с провизией. Та нырнула в него, даже не пытаясь отнекиваться.

– Ой, горох, сало, окорок, даже мука! Спасибо, милый, ты знаешь, как ухаживать за девушкой!

Довольно ухмыльнувшись, парень посмотрел на покрасневшую любовницу и с ходу задрал её юбки. Та не сопротивлялась, лишь хихикала возбуждённо да шептала «грязные» словечки.

Грета явно запала на него. Не так чтобы побежать за милым на край света, но явно больше, чем полагалось при таких отношениях. И это при том, что по местным меркам парень был заядлым извращенцем – мыться заставлял! Но зато потом... Ну не приучены были жен-

---

³⁹ Знаменитый немецкий порядок пошёл именно с Фридриха Великого. До этого как немецкие, так и русские путешественники отмечали грязь и бардак на немецких улицах и чистоту на русских... Возможно (это только теория), что как знаменитый прусский порядок начался с Фридриха, так и русская неурядица – с Екатерины. Поясню: именно она закрепостила миллионы крестьян и, соответственно, посадила им на шею хозяев, лишая самостоятельности. Ну а хозяевам плевать на неурядицу крестьян – они деньги выжимали...

⁴⁰ Правители некоторых государств помельче имели на этом свой основной доход – гребли всех в армию, после чего муштровали и... Дальше эти подразделения буквально продавались – либо как наёмники на какую-то кампанию, либо вообще буквально – фактически в рабство.

щины в этом времени к тому, что мужчина хочет доставить удовольствие не только себе, но и партнёрше! Получила удовольствие от близости? Да это тебе повезло, милочка, и вряд ли ещё раз так повезёт в ближайшее время... Так что даже самые незатейливые «приёмы» приводили их в восторг.

Выйдя от любовницы спустя три часа, попаданец с самодовольным (крики слышала вся улица) видом распрощался с ней и поехал в трактир за Тимоней. Как и ожидалось, был он изрядно подшофе и успел уже ввязаться в конфликт с компанией проезжих австрийцев.

– Какая-то проблема, господа? – прохладным тоном спросил Игорь пехотинцев на немецком. Те быстро сдулись:

– Никаких проблем, господин улан, просто ваш сослуживец ведёт себя излишне... резво. Критически оглядев Тимоню, сержант вынужденно признал:

– Да, это он может.

– Боярин, – обиделся денщик, достаточно неплохо выучивший язык, – а подраться? Нешто без драки уедем?

– Смир-рна! Давай-ка залезай на лошадь, да в расположение.

В лагере его уже ждали.

– Сержант, – церемонно кланяется барон фон Гуттен, а за ним и остальные офицеры, – вы не слишком... утомились?

– К сожалению, нет, – с чуточку наигранной печалью ответил тот. Чуточку, потому что свои сексуальные возможности его несколько нервировали. С одной стороны, неплохо иметь... «прибор» размером сильно выше среднего, да с железным «стояком». А с другой... Тут презервативов нет, а вот сифилис – есть... Так что проблема с любовницами стояла серьёзно.

Правда, в последние пару месяцев проклёвывается... что-то. Экстрасенсорика или ещё что – ну не интересовался Игорь подобной ересью! И как теперь выяснилось – зря. Не так давно он начал видеть ауры – не постоянно, а так – временами. Постепенно удаётся приводить это в норму – чтоб по желанию, а не само включалось. Так что оставалась надежда, что научиться различать ходячее «биологическое оружие» и вообще...

Пока думал, привычно переодевался, снимая мундир и переобуваясь – в кавалерийских сапогах не слишком-то удобно рубиться пешим. Кираса, шлем, поручи, поножи – всё своё, трофейное.

Остальные же члены фехтовального кружка уже были переодеты.

– Итак, господа, – тоном лектора начал спортсмен, – я не случайно попросил вас надеть доспехи. Представителей тяжёлой кавалерии среди нас нет, но сталкиваться, возможно, придётся. Так вот, чтобы понимать, как проще противостоять в таком бою, нужно поставить себя на его место. Тогда вы будете понимать как достоинства, так и недостатки доспехов и, соответственно, будете понимать возможности своего противника и его реакцию в каких-то случаях.

Зашелестели сабли, вытаскиваемые из ножен.

– Отставить! Господа, ну что вы как маленькие, – укоризненно сказал сержант, – вы сперва попробуйте походить в этом, поприсесть, понаклоняться...

– Гм. И в самом деле, совсем другие ощущения, – весело сообщает барон. – Вроде не слишком тяжело, а многих вещей сделать в принципе не смогу.

– В точку, барон! – довольно воскликнул парень. – Именно, что некоторые действия человеку в доспехах невозможны в принципе. Сейчас, даже не вытаскивая клинков, вы узнаете массу слабых мест таких воинов.

Ситуация была привычной – Игорь в русском лагере был одним из признанных мастеров клинка и лучшим бойцом. Точнее, по технике он был одним из лучших, а благодаря силе-скорости-выносливости... В общем, более-менее равных противников парень пока не встречал.

Ну и поскольку дворянство воспринимало его как «своего», по каким-то соображениям живущего инкогнито, то и относились соответственно. В частности, вынудили взять на себя роль фехтмейстера⁴¹.

Сперва уланы косились, а потом привыкли. Ну и отношение к Игорю стало... В общем, теперь в его знатном происхождении были уверены не только уланы, но и буквально все представители русского лагеря и многие союзники. «Выдавали» его многочисленные мелочи, и откровенно говоря, парень уже устал многозначительно отмалчиваться.

Придумать себя имя и биографию... Не смешно – местные дворяне знали свою родню до седьмого колена, плюс семейные предания, плюс... Да до хрена таких «плюсов», так что чтобы выдать себя за кого-то, нужно было неплохо разбираться в местной «кухне», а с этим дела обстояли не то чтобы совсем печально... Скажем так, лет через десять может что-то получиться.

Глава третья

Войско гуляло – каждый человек в меру сил и возможностей. Отдых закончился, и пополнение прибыло, так что было ясно – впереди походы и битвы. Однако конкретики всё не было – опять австрийцы, чтоб им... Вообще, репутация у них была не блестящей – этикие «кидалы», пытающиеся надуть ближнего даже в ущерб себе. Но что поделать – иногда приходится вступать и не в такие союзы...

Игорь скучал – пить он не любил (хотя и умел), в кости и карты не играл. Точнее говоря, играть-то он умел, но не считал нужным. С солдатами... Бессмысленно – прежде требовалось их научить. С офицерами или просто дворянами... Тут его останавливал собственный сомнительный статус.

Ну вот как прикажете действовать, если возникнет щекотливая ситуация? Дуэлировать или сразу бить морду? Можно, но вот несмотря на то, что окружающие считали попаданца дворянином, дворянской грамоты у него не было. Так что формально он мог получить плетью или палками по спине. Как-то не тянет проверять... А ведь карты – дело такое, что даже спокойные люди становятся нервными и могут взвиться на ровном месте. Военные же в большинстве своём выдержанным характером не отличались.

Так что... оставались тренировки, прогулки по лагерю и редкие вылазки в соседний городишко к любовницам. Редкие – потому что командование перед походом начало завинчивать гайки, и даже уланскому сержанту требовался достаточно весомый повод, чтобы выехать из лагеря. От скуки и перевозбуждения – возраст-то молодой – Игорь стал раздражительным и сдерживался с некоторым трудом. «Помогали» ему в этом и пьянствующие сослуживцы, старательно изобретавшие всё новые и новые способы досадить своему сержанту.

Вот и сейчас он стоит перед «залётчиками», слегка покачиваясь на пятках.

– Ну и что мне с вами делать? – задал попаданец риторический вопрос. Те, как и было положено по уставу, вид имели лихой и придурковатый, но выглядели виновато. От них ощущалось тянуло раскаянием, желанием продолжить веселье и опасением – Игорь успел заслужить славу человека с фантазией.

Физических наказаний он избегал, хотя применял, чего уж там... Всякое бывало, и иногда проще обломать палку, показательно (и очень болезненно), гоня виновника по расположению, чем оформлять всё официально, с бумагами – формально оставляя человека целым, но ломая судьбу.

---

⁴¹ *Фехтмейстер* — аналог тренера по фехтованию в те времена. Звание было крайне почётным и требовало подтверждения, так что нужно было не просто хорошо владеть клинком, но и разбираться в оружии, этикете, обычаях, немного в геральдике и, конечно, – в тренерской работе.

– Ну что ж, сами напросились, – несколько зловеще протянул экстремал, и уланы поёжились, – за мной.

Подойдя к расположению пехотного полка и пройдя опознавание «свой-чужой» у знакомого поручика, к этому поручику он и подошёл с предложением.

– Никита, – после нескольких серьёзных дел они были на «ты», – тут я своим залётчикам хочу устроить показательную порку.

Поручик поморщился слегка:

– Не узнаю тебя – показательную-то зачем?

– А-а! Нет, я не правильно выразился, – засмеялся сержант, – в смысле – морально их выпороть.

– Забавное выражение, – хмыкнул приятель, – говори, зачем я тебе нужен.

Игорь говорил негромко, и с каждой новой фразой выражение лица егеря становилось всё более и более странным. Наконец, он не выдержал и откровенно заржал. Через несколько минут можно было наблюдать необычную картину: уланов, опытных уже ветеранов, гонял егерский капрал, муштруя их как пехотинцев-новобранцев:

– Сено-солома, левой-правой! Шевелись, вахлаки деревенские!

Красные от стыда уланы «шевелились», подстёгиваемые комментариями.

– Ить они совсем из берлоги вылезли, раз с сеном-соломой гонять приходится, – раздавались нечастые, но весьма едкие комментарии. Капрал, взявший на себя функции их наставника, командовал с багровой рожей, стараясь не сорваться в смех. Попаданец же с поручиком сидели на чурбачках и наблюдали за импровизированным спектаклем.

– Поняли хоть, почему я вас *так* наказал, – спросил их сержант на обратном пути. Видя полное отсутствие понимания, вздохнул и пояснил:

– Сперва вы меня послушались, а потом ещё и попасться умудрились – как дети! Ну а раз так, то и наказание соответствующее вашему... возрасту, – ехидно закончил он. От такой проповеди лица подчинённых были красными от стыда.

– Боярин, – взмолился один из залётчиков, – ты в другой раз лучше палками.

– Э-э нет. Палками – больно, но пару дней отлежишься, да друзья сочувствовать будут. А такое... такое на всю жизнь запомнится!

Несмотря на нелюбовь попаданца к пьянкам, гулянки и «симпоси-умы»⁴² он всё-таки посещал – скучно всё-таки. Из-за «подвешенного» состояния и двойственного положения бывал как у Румянцева и Салтыкова, так и у своих сержантов. Везде он чувствовал себя спокойно и вольготно – как из-за воспитания, так и из-за свойственного большинству современников попаданца пренебрежения к чинопочитанию.

* * *

– Гляди-ка, Пётр Семёнович, – негромко говорил Румянцев командующему Салтыкову, – эвон как держится – видно, что не впервой.

– М-да, правы были те, кто... – начал было Салтыков и резко замолчал, наблюдая за уланским сержантом. Тот и вправду чувствовал себя свободно – подходил к разным группам офицеров и гвардейцев⁴³, свободно общался на нескольких языках, уверенно отвечал на вопросы, и вообще, было видно, что такой вот симпозиум для него – явление совершенно привычное. Подойдя к столу, сержант уверенно выбрал ананас – диговинку, которую большинство офицеров разве что пробовали один-два раза. Он же выбирал с видом знатока, и на лице было едва ли не написано, что ананаса ему захотелось, но вот от качества продукта он не в восторге.

---

⁴² Симпозиум, или симпозиум — так в те времена часто называли нечто среднее между пьянкой и официальным приёмом.

⁴³ Гвардейцы могли быть и в чине рядовых на таком приёме.

Военачальники переглянулись многозначительно – ну точно из знати.

* * *

Правда, на таких пирушках бывал он не часто – обычно ранг был заметно попроще. Вот и сегодня их пригласили казаки, прикомандированные к дивизии Чернышёва.

– Кто приглашал-то?

– Пугачёв Емельян, – отозвался Никифор, перебрасывая с натугой бочонок рома на другое плечо. Такой же бочонок тащил и сержант, но ему вес казался «детским».

– Трофеи притащил, вот и гуляет по случаю.

– Что-то слышал о нём, – наморщил лоб попаданец.

– Да мог и слышать, – согласился каптенармус, – казак добрый, не раз в боях отличался. Молодой ещё – твой ровесник, а вот тоже молодец.

Вообще, отношения с казаками поначалу не слишком складывались, но постепенно уланы начали воспринимать как равных, и это с учётом того, что уланский полк успел завоевать славу одного из лучших полков русской армии. Во многом этому поспособствовал Игорь, гонявший подчинённых в хвост и в гриву. Но и результат – теперь «его» уланы считались лучшими кулачными бойцами, лучшими фехтовальщиками и лучшими плясунами в русской армии.

– Проходите, гости дорогие, – поприветствовал их пожилой казак, – да вы никак со своей выпивкой?

– Ну дык, – важно ответил Трифон, – командир (тут он покосился на сержанта) разрешает пить только на отдыхе, вот и накопилось.

– По-казачьи⁴⁴, значит, – как-то неопределённо выразился встречающий, остро глянув на Игоря.

Казаки Игоря впечатлили – это были не те... ряженные с медалями «за возрождение снохачества» во всю грудь⁴⁵. Эти были такие волчары, что отчётливо повеяло воспоминанием из детства – похожее было, когда к отцу приходили друзья-«афганцы». Сейчас вроде и сам вояка не из последних, а вот поди ж ты...

Пели, пили, танцевали – и постоянно прошупывали друг друга. Любое действие или фраза могли иметь двойное и тройное дно.

– А какого ты роду-племени? – достаточно грамотно вплёл вопрос один из хорунжих, обратившись к Игорю.

– Русского, – лениво ответил тот. Затем вспомнил бабушку-немку и добавил: – И немного немецкого.

Снова надоевшие переглядывания старпшины⁴⁶ – они явно строили насчёт него какие-то домыслы и замыслы. Пусть парень и не был детективом-любителем, но таких вот взглядов было слишком много, чтобы их игнорировать.

Офицеры в полку и не только, сам Салтыков, теперь вот казаки. Судя по всему, они уже как-то «определили» статус попаданца и, вполне возможно, – семью.

Экстремала иногда аж прорывает – настолько хочется в такие моменты подойти, взять «многозначительных» за грудки и спросить: «Да за кого же вы меня принимаете?!»

---

⁴⁴ Казаки в походе не пили. Не то чтобы вообще – могли позволить себе «расслабиться», если поход выдавался очень уж длинным, а между боями намечался достаточно длительный перерыв.

⁴⁵ Так называемое «асфальтовое» казачество. И нет, это не оскорбление – к *настоящим* казакам автор относится с уважением, но настоящие занимаются настоящими делами. Разгуливать в военизированной одежде с нагайками и раздавать друг другу висюльки – это не то, что должен делать казак.

⁴⁶ Здесь: казачья верхушка. В разных случаях это может относиться как к командному составу, так и просто к потомственным казакам знатного рода.

К превеликому своему сожалению, парень не то чтобы совсем не разбирался в истории... Попади он во времена Великой Отечественной – тут да... В эпоху Петра Первого? Похуже, но основные даты помнил. А вот дальше... До начала Крымской войны – сплошное «белое пятно», да и потом – не сказать, что великий знаток. Увы, но как раз по истории он получил тройку в аттестат, да и то, следовало признать, что большая часть его исторических знаний появилась не благодаря чтению книг.

Увлечение музыкой и знание основных композиторов, их произведений и в какое время, в каких государствах и при каких правителях они работали. Аналогично и с художниками... Более поздняя, современная история и вовсе – обрывки «срачей» на соответствующих форумах.

Наконец, когда ему надоели многозначительные взгляды и недомолвки, попаданец сделал решительный жест рукой от себя:

– Хватит играть словами. Хотите что-то сказать, говорите прямо – и не сегодня, сегодня мы пришли пить, петь и плясать.

Старшина, не сговариваясь, склонила головы, и парень потихонечку запел:

Выйду ночью в поле с конем,
Ночкой темной тихо пойдем,
Мы пойдем с конем по полю вдвоем,
Мы пойдем с конем по полю вдвоем.

Ночью в поле звезд благодать,
В поле никого не видать,
Только мы с конем по полю идем,
Только мы с конем по полю идем.

Сяду я верхом на коня,
Ты неси по полю меня,
По бескрайнему полю моему,
По бескрайнему полю моему...

Дай-ка я пойду посмотрю,
Где рождает поле зарю,
Ай брусничный цвет, алый да рассвет,
Али есть то место, али его нет.
Ай брусничный цвет, алый да рассвет,
Али есть то место, али его нет...

Пели долго, и нельзя сказать, чтобы многие песни понравились Игорю. Пусть он и пробыл здесь достаточно долго, но некоторые вещи отказывался воспринимать в принципе.

Затем, когда обстановка стал слишком уж «минорной», Андрей вышел в круг и начал танцевать. Поскольку за его движениями была школа, то казаки оживились.

– Давай-давай, – орали они, хлопая в ладоши. Вскоре загудел барабан, послышались нежные звуки свирели – и между хозяевами и гостями развернулось соревнование – кто спляшет лучше.

– Емелка, давай-ка в круг, Пугачёв! – заорал немолодой есаул.

Выскочил молоденький, отчаянного вида казак и показал класс – уровень был бы хорош даже для двадцать первого века.

– Боярин, покажи им! – раздались крики улан, и Игорь не выдержал. Скинув мундир и перевязь с саблей, он вышел в круг и начал плясать русскую.

Глава четвёртая

– Простите, сержант, это вы написали песню «Выйду в поле с конём»? – обратился к Игорю подошедший молоденький семёновец, недавно прибывший в лагерь с компанией таких же новичков.

– Я, – невозмутимо ответил попаданец (он уже давно решил для себя проблему с авторскими правами – в свою пользу, разумеется), – с кем имею честь?

– Ох, простите, – засмутился парень, – Волков, Александр Иванович, капрал Семёновского полка.

– Тимохин, Семён Иванов, рядовой семёновского полка – представился второй.

– Алексей, Михаил Трофимов, рядовой семёновского полка.

Парни были как на подбор – рослые, белобрысые, румяные – типичнейшие русаки.

– Русин, Игорь Владимирович, – представился сержант.

– Мы знаем, – ляпнул Михаил и смутился, – извините.

– Бывает, – пожал плечами спортсмен.

– Может, без чинов? – предложил капрал-семёновец. Попаданец согласился, и потекла неторопливая беседа ни о чём. Нет, это не было тратой времени или чем-то подобным – этикет...

Положено вот проговорить определённый минимум «о погоде» – так говори. Обсудили новости военные и новости Петербурга, затем перешли на тему военных подвигов, пытаясь выпытать у уланов какие-то подробности.

– Извините, господа, о себе говорю, только когда начальству докладываю, по-другому не приучен, – чуточку резковато отозвался парень. Взгляды гвардейцев стали ещё более уважительными – такое здесь встречалось нечасто.

– Извините, сударь, – начал было капрал.

– Игорь. И не извиняйтесь – я прекрасно понимаю, что мы пока не знакомы толком и какие-то шероховатости – это норма.

– Хорошо. Понимаете, информация о войне очень уж противоречивая, вот и хочется выяснить что-то поподробней. А то сослуживцы нам столько баек понарасказывали... Поняли только, что главный местный герой – Григорий Орлов из Измайловского.

Добродушно хмыкнув, улан весело произнёс:

– Ну для измайловцев – возможно.

– А так? – жадно спросил Семён.

– А так... Понимаете, есть разные формы героизма. Есть полезные для дела. Вот, казачки недавно подорвали у пруссаков пороховой склад. Имущества повредили да народу побили... Страсть! И что? Ну, отметили приказом – и всё. Дескать – неблагородно воевали, как тати в ночи... А Григорий? Героически отличился при Цорндорфе – воевал лихо, да с ранами потом в строю стоял. Герой?

– Конечно! – вырвалось у капрала.

– Согласен, – кивнул Игорь, – вот только какой прок от такого героизма? Пролом в стене захватывал или шеренги пехотные у врага прорывал? Нет – просто сабелькой помахать захотелось⁴⁷. Да и с ранениями... Ну много ли навоюет человек, которого саблей резанули или штыком? Его ж если не перевязать побыстрее, то он кровью за несколько минут истечёт... Так

---

⁴⁷ Следует признать, что Григорий Орлов в том сражении не просто «сабелькой помахать» захотел, а сделал это вовремя. Другое дело, что вставать с ранами обратно в строй – это уже «героизм ради героизма».

что сильно подозреваю, его товарищам от такого геройства было одно расстройство – не самим воевать, а за Орловым присматривать. А так да – герой!

Разговаривали достаточно долго и откровенно – свою точку зрения он не скрывал и скрывать не собирался. Отношения между армией и гвардией всегда были натянутыми, вот и... Ну в самом деле – через кампанию прошла уже большая часть армии – кроме вовсе уж далёких гарнизонов где-нибудь в Сибири да престарелых ветеранов.

А гвардия? Выборочно, мать их – рота от каждого полка. Да и рота – только по названию... Зато обоз!⁴⁸ И нужно ещё учесть, что большая часть гвардейцев не собиралась нести повседневные тяготы войны, то есть мелкие стычки, караулы, работы по благоустройству лагеря и прочее. Они готовы были воевать, но только во время больших битв, где можно отличиться под взглядами начальства.

Исключения? А как же – были. Некоторые гвардейцы были в своеобразных «командировках» в каких-то армейских полках, и нужно сказать, что воевали они вполне грамотно – в большинстве. Но, откровенно говоря, было таких немного... А зачем? В Петербурге как-то уютней, да и возможностей сделать карьеру при дворе намного больше.

– В общем, господа, решать вам и только вам, – подытожил Игорь, – просто... Если вы пройдёте даже не всю, «от и до», как и вся армия, а только часть кампании, то поверьте – уважения вы добьётесь. Да и в дальнейшем... Не скажу, что это скажется на карьере – тут уж вилами на воде писано. Но вот если вы будете понимать возможности солдат, то и задачи будете ставить намного более грамотные. Да и сами солдаты будут знать, что вы приказываете выполнять только то, что некогда выполняли сами.

Пришёл приказ перебазироваться в Силезию, и как шепнули знакомцы из ставки – ожидаются не очередные маневры, с «покусыванием» друг друга, а «нормальная» битва. Звучит дико, но Игорь обрадовался такому известию. Не из-за кровожадности, просто русская армия имела больше мирных потерь, чем военных.

Снабжением частично занимались союзники, и нужно отметить – занимались отвратительно. Ну как обычно – австрийцы в своём репертуаре... Так что крупная схватка, после которой в любом случае будет длительный отдых (пусть даже не сразу), гораздо лучше, чем постоянные манёвры и рейды.

Проблема была ещё и в том, что уланы оказались слишком хорошим и универсальным видом кавалерии, и потому полк был востребован – даже чрезмерно. Как-то так вышло, что он выполнял как драгунские, так и казачьи виды «работы», плюс свои собственные – и уланы работали буквально на износ. Пока потери были приемлемыми, да и пополнение неплохим, но было ясно, что долго так продолжаться не сможет.

Остановились около Кунерсдорфа, и снова уланам нашлась работа. Пока пехота возводила укрепления, тяжёлая кавалерия и большая часть драгун отдыхала. Лёгкая же кавалерия, уланы и несколько драгунских полков конной службы⁴⁹ начали заниматься разведкой и тревожить тылы пруссаков.

Выглядело это следующим образом: лёгкая кавалерия вела разведку, а наткнувшись на что-то серьёзное, звала «старших товарищей». Так и ездили – эскадрон драгун-уланов в центре и разъезды лёгкой кавалерии по сторонам.

Бой начался с утра, и доминировали в нём пруссаки, умело расставив артиллерию. В русской же армии – увы – всё обстояло решительно наоборот... Наша артиллерия за каким-то чёртом расположилась в низине, да так «удачно», что большая часть пушек не успели выстреле-

---

⁴⁸ Обоз гвардейцы за собой таскали выдающийся.

⁴⁹ Драгуны делились на драгун конной службы, то есть кавалерия, которая могла действовать и как пехота. Были также драгуны пешей службы, то есть «ездящая пехота». Впрочем, ветераны у «пешей службы» нередко могли рубиться и конным строем на приличном уровне.

лить хотя бы по разу, как орудийная прислуга была уничтожена прусскими артиллеристами. Хуже того – после обстрела немцы налетели на батареи и утащили к себе больше ста пятидесяти пушек!⁵⁰

Левый фланг в результате просел, и нашим войскам пришлось тяжело. Досталось и уланам – они уже больше десяти раз ходили в «тревожащие» вылазки и здорово вымотались.

– Паршиво, – флегматично заметил Игорь, врачюя товарищей после боя. Ну как врачюя... Как умел. Курсы медбратьев дали свой результат, и все ветераны в его эскадроне разбирались теперь в медицине не хуже санитаров времён Великой Отечественной. Смешно? Да не очень – по здешним временам это очень продвинутый уровень...

– Ишшо как паршиво, – поддержал его Никифор, – эти паршивцы разместили пушки без мозгов, а из-за нескольких дурней нам теперь...

Тут каптенармус выругался – очень грязно, затрагивая родителей, скотину, пушки, домашнюю утварь и христианских святых. Кстати, мата в привычном понимании здесь не было. Мат здесь – обычные слова, обозначающие соответствующие части тела и действия – и ругательными они не были. А вот «голова куриная» – эт да, обидно...

Спешенные уланы сидели сейчас вперемешку с пехотой на еврейском кладбище – именно здесь неожиданно оказался центр схватки.

– Опять пошли, – прокомментировал Андрей, выглянув из-за надгробия. Выглянул и попаданец – да, шли пехотинцы... Стоп, а за ними-то гренадёры!

– Ребята, глядеть в оба, за пехотой гренадеры, – скомандовал Инорь, – зуб даю, в рукопашную придётся схватываться.

– Этическая сила, – сплюнул один из пехотинцев, выразительно вытянув перевязанную ногу. Так уж вышло, что немалая часть солдат, засевших на кладбище, были ограниченно боеспособные...

– Не бойсь, пехота, – покровительственно сказал экстремал, чувствуя прилив адреналина, – ваше дело – стрелять метко, а уж врукопашную мы и без вас прогуляемся. Послышались смешки уланов, подначки деревенского уровня, и как-то быстро напряжение пехотинцев пропало – начались ответные шуточки, кто-то запел крайне скабрёзные частушки.

Пруссаки тем временем подходили всё ближе, уже слышны были звуки флейты⁵¹, вот и барабаны теперь слышно.

– Товсь, – скомандовал сержант, – ребята, кто привык полагаться больше на саблю, чем на пистолеты, отдайте пехотинцам.

С этими словами он вытащил свои – огнестрел Игорь не слишком жаловал. По крайней мере – местный.

Стрелять начали, когда пруссаки подошли на полсотни метров, – раньше было бессмысленно.

Бббахх! – раздался недружный залп из-за ограждений, и первые ряды пруссаков повалились, остальные же ускорили шаг. Пространство заволокло дымом, и теперь стреляли только те, кто по каким-то причинам мог видеть противника.

– Атака! – прозвучала команда на немецком, и враги кинулись на русских солдат рассыпным строем. Идея не самая удачная – русские уже как-то ориентировались среди нагромождения камней, а вот немцы – нет. Плюс не до конца рассеявшийся дым и пистолеты уланов. Сами уланы в большинстве своём атаковали с пиками – дрын в три с половиной метра длиной, да

---

⁵⁰ 180 пушек досталось пруссакам в реальной истории. Правда, почти все вернули к концу боя.

⁵¹ Воевали тогда под музыку – частично ради того, чтобы задавать ритм марша, частично – передавать приказы с помощью всё той же музыки.

ещё если ты им владеешь, оружие страшное и, уж точно, лучше мушкета с багинетом⁵². Хотя бы тем, что длинней...

Командовать в такой обстановке – дело бессмысленное, разве что ближайшие несколько человек тебя услышат. Так что оставалось надеяться только на выучку своих солдат.

Короткий выпад и еле заметное шевеление кистью – и вот широкий наконечник пики чертит кровавую полосу поперёк горла гренадера... Движение продолжается, пика влетает в глазницу немецкому пехотинцу.

Целятся из мушкета – скользнуть в сторону, тупым концом пики заехать в пах очередному гренадёру, упасть...

Бах!

Мимо! Пуля – дура...

Бросок пики в стоящего за полтора десятка метров пруссака, прицелившегося в кого-то из уланов. Попал – и древко вошло в грудную клетку врага почти до середины. Тот упал вперёд, но остриё пики упёрлось, не давая ему повалиться в сторону. Ноги в агонии скребли по земле, но через несколько секунд он затих, застыв причудливой кровавой композицией.

Сабля из ножен, отмахнуться от багинета, кончиком клинка разрубить переносицу. Прыжок на высокое надгробие – и вниз, в скопление гренадёр, собирающихся атаковать русских пехотинцев. Подошвами сапог по головам врагов... Падают. Игорь же приземляется практически на четвереньки – и тут же резанные движения по ногам! Многоголосый вой – и противники непроизвольно отшатываются по сторонам.

Счастливый оскал маньяка, от которого вздрагивают прусские ветераны – и пошёл гулять стальной вихрь. Рраз! И голова катится мячиком по земле. Два! И на землю падает отрубленная рука. Три! И сразу двое гренадёр корчатся на земле, хватаясь за расплосованные животы. Четыре! Сабля перебрасывается в левую руку, после чего на землю летит ещё одна голова.

Только сейчас пруссаки опомнились и попытались противодействовать. Мушкет, направленный на попаданца, и палец уже нажал на спусковой крючок... Почти танцевальное движение – и в стрелка летит его товарищ, бестолково размахивая руками.

Выстрел! И в «летающем» пруссаке образуется широкая дырка, самого же стрелка улан походя бьёт носком сапога в висок.

– Рра! – рычит Игорь от избытка чувств, и враги отшатываются, затем пускаются в бег. Бегство это быстро охватывает и прочих пруссаков. Около двухсот метров русские бегут за ними, убивая отстающих. Затем постепенно отстают и начинают собирать трофеи, хватая в первую очередь порох и пули – остальное подождёт.

– Тебя никак за берсерка приняли, – посмеялся подошедший Свенсон, внук пленного шведского солдата, решившего не возвращаться на родину.

– Похоже на то, – засмеялся сержант, – эх они ломанулись! Я уж думал – все памятники посшибают.

Вскоре смеялись все – нервная разрядка. На самом же деле смешного было мало – потери были серьёзные. Прусские вояки – противник тот ещё...

Пришёл приказ передислоцироваться к холму Шпицберг, и уланы, ворча, принялись делить трофеи.

– Остынь, – спокойно говорит Никифор пехотинцу, – сам же знаешь, что по Правде – большая половина наша. Иди вон посмотри, сколько мы тут с клинками навалили. Тем более спешим, так что наше – золото-серебро, а ваше – сапоги да прочая амуниция. Эвон одних только пуговиц да пряжек у пруссаков на каждом мундире столько, что в трактире можно хорошим вином до изумления допить.

---

⁵² *Багинет* — прообраз штыка, вставлялся в дуло.

Подействовало – и уланы, быстро обобрав мёртвых врагов, поспешили к Шпицбергу.

– Атаку ожидаем, – коротко бросил командир полка собравшимся командирам. Почесав подбородок (уже бриться пора), Игорь задал вопрос:

– Иван Сергеевич, дозволю обратиться.

Кивок – и взгляды улан скрещиваются на попаданце.

– Я вот что подумал, – не смутился тот от всеобщего внимания, – раз уж нам атаку останавливать, так почему бы не с помощью калмыков. Вот глядите – те начинают карусель крутить⁵³. Смутится супостат? Да пусть хоть чуточку – проще будет врезаться в строй, ну а потом уже и кочевники в прорыв пойдут. Как?

– Дельно, – коротко сказал полковник Осинский, – детали обсудим, но в общем – хвалю.

Атаки прусской пехоты на высоту отражали без помощи уланов – и достаточно успешно. Но вот драгуны принца Вюртембергского прорвали оборону, причём быстро – уланы даже не успели среагировать вовремя, и, пожалуй – к счастью. Немецкие драгуны относились к тяжёлой кавалерии, и прямое столкновение с ними уланы просто не выдержали бы, несмотря на пики. Лошади немецких драгун были раза в полтора тяжелее уланских и просто опрокинули бы строй.

Подоспели уланы, когда драгуны уже прорвались к пушкам и завязали там бой.

– Пра! – И пика сержанта с хрустом влетает в лицо врага. Застряла – бросает без сожаления, выдерживает пистолеты, и два драгуна, рубящихся с товарищами, падают с седёл.

Тесно настолько, что кавалерии не слишком удобно действовать. Без лишних раздумий Игорь выхватывает оба клинка и прыгает с мерина. Пошли дикие танцы на остатках укреплений, пушечных лафетах и трупах лошадей.

Клинок в правой руке режет ногу, подпругу и лошадиный бок. В левой – кончик клинка на длину ладони впивается в бок противника. Увернуться от свирепого удара, резануть противника по ноге – недолго ему осталось, быстро кровью истечёт... Прыжок на пушечный лафет, оттуда на насыпное укрепление и... Как будто многорукий вихрь обрушился на противника, оттесняя его от пушек и пушкарей.

– Заряжай! – заорал сержант на орудийную прислугу и снова ринулся в бой. Позиция была идеальной – для него. Высоклассный боец с навыками паркурриста, мечущийся с клинками среди неповоротливых, увязших в бою пруссаков, оказался той соломинкой, что переломила бой на батарее. Артиллеристы ухитрились зарядить орудия и залпами картечи вымести драгун.

– Руби их в неси! – заорал Рысьев.

– Круши в хузары! – откликнулись уланы, и началось преследование. Насколько драгуны имели преимущество в прямом столкновении, настолько они были хуже в подобной ситуации. Более лёгкие и подвижные уланы просто не давали им сгруппироваться для какого-то отпора.

Вскоре подоспели и калмыки, окончательно окружая пруссаков. Серьёзными противниками они не были, но драгуны просто «завязли» в них и вскоре оказались вырубленными почти начисто. Уйти удалось только незначительной группе...

И как же потом Игорь жалел, что всё-таки удалось! Среди ушедших был и сам Фридрих, лично участвовавший в атаке.

Глава пятая

Сумасшедшую пляску с саблями на артиллерийской батарее видели сотни, если не тысячи людей. Учитывая, что в сражении на батарее именно Игорь оказался главным действу-

---

⁵³ Так в те времена называлась иногда атака кочевников, которые вертелись перед противником, скача по кругу и забрасывая его стрелами.

ющим лицом, а само сражение стало ключевым в битве при Кунерсдорфе, то «плюшек» посыпалось немало.

Попаданец наконец-то получил первый офицерский чин и стал корнетом, перепрыгнув через звание. Продвинулись в званиях и многие другие уланы. Вообще, полк отличился настолько, что ему были дарованы серебряные трубы для музыкантов – огромная честь по нынешним временам, были они только у гвардейских полков, да и то – не у всех...

Рота теперь был «его» в полном смысле этого слова – парень стал официальным командиром. Рысьев, командовавший эскадроном, стал командиром полка, ну а полковник Осинский – бригадиром и получил под командование сразу несколько драгунских полков. Помимо драгун, получил он и небольшой портрет императрицы Елизаветы Петровны, обрамлённый в золото и алмазы. По нынешним временам – аналог ордена из самых высших.

В общем, всё бы хорошо, но потери полк понёс серьёзнейшие. Командование доигралось, используя уланов как «палочку-выручалочку» и в битве погибло более ста пятидесяти человек – чудовищные потери для и без того уже истаявшего полка. Ну а раненых бесполезно было подсчитывать – буквально весь личный состав.

Кто больше, кто меньше, но... Ранен был и сам попаданец – задело осколком разорвавшегося неподалёку ядра. Рана, к слову, далеко не первая, но эстремал жутко гордился, что не получил ещё ни одной раны в сабельном бою – не могли достать. Все ранения и травмы были того рода – пули на излёте, осколки и прочее.

Командование думало недолго, и полк отправили на отдых. К великому сожалению улан – не домой, а к предместьям Вены. Какими путями гуляли мысли командования и союзников, свежеиспечённый корнет так и не понял. Да, собственно говоря – не знал этого даже такой же свежеиспечённый бригадир Осинский.

Восторг от близости блистательной Вены Игорь не испытывал – подозревал какие-то подянки и подставы от союзников. Были уже случаи убедиться в их нечистоплотности, так что...

Как ни странно, но встретили их неплохо – разместили в одном из небольших дворцов. По мнению скептически настроенного попаданца, дворец этот больше напоминал сельский клуб с несколькими флигелями и исторической или художественной ценности не представлял.

Уланы же поначалу пришли в восторг, но быстро опомнились – казарма из дворца получилась достаточно паршивая. Все эти высокие потолки, отсутствие нормального отопления и прочее.

– Хрень какая-то, – выразил своё мнение Никифор, которого Игорь повысил до сержанта, – красиво, но жить здесь...

Мнение сенсея выражало мнение всего полка. Впрочем, с припасами австрийцы не обидели и буквально на следующий день после заселения потянулись подводы с дровами и провизией.

Дворец-казарма больше всего напоминал санаторий – все раненые и двигаются неспешно, с ленцой. Ну а как иначе, если раны могут открыться? Да и просто болят... Отъедались – не только люди, но и лошади. Постепенно приходили в форму, и вот уже пошли разговоры о бабах...

– Ой, не советую, – сказал подчинённым на одной из посиделок корнет, – так вляпаться можно...

– Ето как, – заинтересовался один из ветеранов, – нам говорили, что бабы здесь такие... На передок слабые.

По рядам прошёл смешок, и послышались довольно похабные комментарии.

– Да слабые, кто ж спорит-то, – пожал плечами командир.

Уланы оживились, и глаза у них начали масляно поблёскивать.

– Только вот что... Сами понимаете – другая страна, другой народ, другая религия... – католики они, – пояснил корнет.

– Все? Иль другие тоже есть?

– Есть и другие – протестанты, евреев очень много. Да эт неважно – важно то, что обычаи здесь другие, понимаете? Вот подошёл ты к бабе с целью завалить её – и что дальше?

– Ну так – брать и валить, – уверенно отозвался один из именитых кобелей.

– Ага, а потом под плетью окажешься, потому как не к той подошёл. Ну как ты различишь – кто тут из баб сама юбки на голову набросит, а кто – честная?

Зачесались затылки и щетинистые (потому как большинство брилось от силы раз в неделю) подбородки.

– Бордель? – неловко предложил один из уланов.

– А больше ничего и не остаётся, – развёл руками Игорь, – только учтите – сифилис тут гуляет так...

Вояки поёжились – мало того, что поганая болезнь не лечилась, так ещё и отношение к заболевшим в русской армии было самое отрицательное – жёсткий карантин и впоследствии заключение в монастырь без права выхода. Жестоко? Зато и не было почти на Руси этой дряни...

– А эт как нам...

– Вспоминайте отрочество да вручную... – мрачно отозвался командир.

Изображать «закат солнца вручную» долго не пришлось – командование озаботилось борделем с проверенными девицами. Ну... учитывая, что проверка была откровенно примитивной, то Игорь и немалая часть уланов туда не лезли. Да и откровенно... Лучше уж «вспомнить отрочество», чем залезать на девицу, на которой только сегодня побывало с десятков человек.

Вскоре начало прибывать пополнение – новички, которые уже по году-два обучались в слободе.

– Смешные, – озвучил корнет Никифору свою мысль.

– Да, – ностальгически протянул тот, – чисто волчата – порода видна, но пока заматереют...

– Закрепи-ка их, чтобы у каждого ветерана был молодой, да пусть гоняют.

Офицеры же в обучении участия почти не принимали – незачем. Зачем лезть, если почти весь личный состав – вояки с многолетним стажем? Так, приглядеть на всякий случай...

Система была устоявшейся и проверенной временем: офицеры занимались только общим командованием, учениями от эскадрона и выше, ну и, конечно, занимались (если хотели) с наиболее продвинутыми учениками. Игорь откровенно скучал и маялся от безделья, так что преподавание стал его спасением.

С утра – фехтование, после обеда – рукопашный бой, вечером – танцы. И всё равно – скучно. Да, привык уже к этому времени, но... Телевизора нет (пусть и раньше не особо его смотрел), компьютер и интернет отсутствуют, книги – откровенно «нечитабельные», так ещё и дорогие... Блин, да даже с сексом облом!

Стерев «хозяйство» до мозолей, он всё-таки решился и начал искать себе любовницу. Сифилиса он боялся, а ведь была ещё и проказа! Наиболее разумным решением он посчитал развитие своих экстрасенсорных способностей. Как ни странно, но получилось достаточно быстро – и вскоре он уже уверенно «читал» болезни, травмы, возраст...

Тренировки были простыми – корнет прекрасно знал своих солдат и все их раны, так что какие-то «образцы» энергетики перед глазами были. Дальше было проще – и вскоре он уверенно распознавал наличие или отсутствие девственной плевы, месячных, каких-то женских болезней... Ну да – занятие не самое интересное, но, по мнению попаданца, безопасный секс стоил таких трудов.

В Вену, несмотря на относительную близость, выбраться удалось только через месяц. Вроде бы и скучно, но... То рана болела, то дежурство по лагерю: «Игорь, ты самый ответственный человек в полку, – проникновенно говорил секунд-майор Рысьев, положи ему руку на плечо, то какие-то неотложные дела с хозяйством эскадрона и полка.

Ехали при полном параде – новые мундиры (как же дорого он обошёлся, зараза!), сверкающие серебром сёдла, чисто выбритые... Единственное, от чего категорически отказался попаданец, так это от напудренного парика, бывшего в это время неотъемлемой частью человека высшего общества.

В лагере на такое «чужачество» смотрели сквозь пальцы, несмотря на требования устава, а городе...

– Да плевать мне на их мнение, – искренно ответил парень. – Вы вообще знаете, откуда парики появились? Сифилитики в моду ввели – от него же волосы выпадают, вот и маскируются.

От такой информации офицеры несколько опешили, но оспаривать не стали – несмотря на отдельные «взбрыки», военным он был образцовым. Да и привычная стрижка ёжиком пользовалась определённым успехом в военной среде – в первую очередь среди отможенных на голову вояк-кавалеристов. Ну а Игорь под это определение подходил идеально... Так что посудачили и успокоились.

– Не туда свернул, – одернул парень проводника, – нам налево.

Улан покосился на него, но свернул послушно – и действительно, искомая кондитерская оказалась на месте. Соскочив с коней и передав поводья прислуге, кавалеристы зашли внутрь.

– Ну всё как раньше! – вырвалось у умиленного попаданца.

– Бывал? – коротко спросил поручик Арсеньев.

– Да, с отцом, – не задумываясь, ответил корнет.

Подойдя к прилавку, полюбовался на выставленные пирожные и с видом знатока заказал каждому из офицеров.

– Я знаю, какие здесь самые хорошие, – пояснил он.

К пирожным принесли кофе, который любили не все.

– Боярин, ты ж вроде не пьёшь кофе? – спросил молоденький капрал Лисьин.

– Пью, Федот, просто не часто, – блаженно зажмурившись, ответил ему парень. – В походе под сухарь пить его как-то...

Уланы дружно заулыбались – странноватые привычки попаданца давно стали притчей во языцех.

Сидели хорошо, пока спокойствие не нарушила компания австрийцев.

– Господа, – щёлкнул каблуками один из подошедших кирасир, – просим прощения, но очень хочется отведать здешних пирожных, а мест, вы сами видите...

– Господин...

– Прапорщик Буртах из полка Модены.

– Господин Буртах, если вы подождёте ещё минут десять, мы закончим воевать со сладостями и пойдём дальше – знакомиться с Веной, – миролюбиво ответил командир полка.

– Благодарю вас, господа, – коротко склонил голову кирасир и отошёл.

Ссора и дуэль? А зачем? Сценка вполне бытовая, дуэли в военное время среди союзников запрещены накрепко – вплоть до виселиц. Ну а очередь в хорошую кофейню или кондитерскую – дело рядовое, особенно сейчас, когда столицу Австрии буквально наводнили войска.

Расплатились за съеденное-выпитое австрийцы – долго расшаркиваясь, так что пришлось уступить. Вышли в самом благодушном настроении и вскочили на коней.

– А всё-таки можно было шугануть тех австрияков, – сурово заметил Федот.

– Да полно тебе, – не обидно засмеялся корнет, – мы за сегодня ещё не в одну кофейню зайдём. Тут в каждой есть что-то своё – кофе исключительное или пирожные.

– Да, я таких сладостей не едал, – мечтательно заметил поручик.

– И вряд ли где найдёшь, – наставительно приподнял палец Игорь, – насчёт чего иного – по всякому бывает, а вот насчёт пожарть – тут сильнее австрийцев трудно найти!

Посмеиваясь, компания двинулась по улицам австрийской столицы, время от времени останавливаясь и выслушивая лекции корнета об истории, архитектуре. Что делать, если «немецкие каникулы» с отцом чаще всего он проводил именно на экскурсиях...

Глава шестая

История в кафе имела продолжение – кирасиры Модены прибыли к уланам в гости. Разумеется, не сразу – сперва завязалась переписка, затем начались редкие визиты друг к другу в гости, и наконец, кирасир пригласили в полном составе.

– Разорение, конечно, – вздохнул Рысьев, – но куда деваться – политес... мать его.

– Да ништо, – успокоил его один из офицеров, – вон, боярину поручить.

Взгляды дворян с надеждой скрестились на попаданце.

– Да можно, – не задумываясь, ответил тот, – если только помощников дельных, да чтоб все мои распоряжения выполнялись бегом, без вопросов.

– Гхм, – кашлянул Арсеньев, – по мне, так здорово. Среди нас никто светской жизни не знает, так что...

На том и порешили.

Игорь не боялся испортить дело – бывал на приёмах часто, да и участвовать в организации приходилось. Отчим с матерью для друзей-аристократов, отец – для компаньонов, чуть погодя – тусовки экстремалов-спортсменов (поскольку опыт-то уже имелся), так что нахвата-лся.

Копировать местные обычаи он даже не пытался – этикет Австрийского двора недаром считался одним из самых запутанных. Мало того, что тьма прописанных правил, так нужно учитывать ещё и всевозможные «полутона», изменявшиеся от массы условий. На фиг!

– Ну точно провалим, – уныло провозгласил командир полка, увидев накрытые столы.

– Да с чего бы? – удивился попаданец.

– Да так всё... по-простому! – широким жестом секунд-майор показал на заставленный продуктами стол. – По-русски!

– Успокойся, Прохор Михайлович, – засмеялся корнет, – всё нормально. Поверьте, русская кухня очень хороша. Да и чем мы их удивили бы? Венской выпечкой да колбасками? Они их и так каждый день есть могут! А вот кулебяки да блины... Тут и экзотика для них, да блюда лакомые.

– Ну если ты так считаешь... – Рысьев ожил буквально на глазах, – то всё, командуй сам, а то я тут панику наведу!

Кирасиры приехали не всем полком – были офицеры и унтер-офицерский состав, заслуженные ветераны... Молодняк же остался в казармах.

«Ну всё как у нас, – умилился попаданец, – такая же дедовщина».

Вообще-то, это было понятно и оправданно – у австрийцев тоже хватало вчерашних крестьян или выходцев из нищих кварталов, так пока не вдолбишь таким элементарнейшие основы этикета... Хреновато будет. Крестьяне – это ещё что, разве что высморкаются демонстративно, а вот вчерашняя австрийская беднота... Эти могли и ложки со стола спереть – бывали прецеденты. Именно поэтому молодняк держался «в чёрном теле» до тех пор, пока делом не докажут, что достойны большего.

Начались было взаимные расшаркивания, но корнет решительно их прервал:

– Без чинов, господ, по-простому. Никаких титулов, званий и должностей – мы собрались здесь как боевые товарищи. Все – люди бывалые и достойные, так что этикет отставим для других случаев.

– Разумно, – слегка поклонился кирасирский полковник, улыбаясь в усы, – тогда я – просто Отто.

– Просто Игорь, – улыбнулся в ответ попаданец.

Обстановка быстро стала непринуждённой – офицеры и в самом деле серьёзно восприняли пожелание «без чинов». Правда, если русские были совершенно естественны, то у австрийцев такое поведение отдавало налётом фестиваля.

– Это и есть знаменитые русские блины? – с интересом спросил один из кирасиров и, услышав подтверждение, осторожно куснул.

– А вкусно, – с лёгким удивлением констатировал он.

– Это ещё повара не слишком умелые, – сообщил ему Игорь, – солдаты, что вы хотите. У настоящего кулинара – шедевр.

Затем начался долгий и интересный разговор о кухнях народов мира – оба собеседника оказались знатоками. Но если австриец брал тонкостями, то попаданец – широтой познаний. Время от времени брови гостя слегка приподнимались – столько интересной информации он получил.

Ну для примера – когда собеседник сообщает тебе, что какое-то блюдо он ел в Испании, для Европы восемнадцатого века это ещё ничего, но когда он говорит об Индии или Африке, вставляя подробности, которые мог знать только тот, кто бывал в тех краях... Впечатляло.

Самолётов-то пока не придумали, так что по всему выходило, что уланский корнет успел совершить уникальное по сложности и опасности путешествие, причём ещё в детском возрасте.

Подобные... ляпы проскальзывали у Игоря не в первый раз. Первоначально, в самом начале попаданства, он просто не следил за языком – не понимал множества нюансов. А теперь и вовсе – бесполезно, уланы-то давно в курсе, что их сослуживец – настоящий странник. Так что онмахнул рукой на подобные казусы и просто подредактировал некоторые моменты.

Вечеринка удалась – понравилась еда, понравилась музыка (хотя видно было, что большинству – скорее как экзотика), танцы и песни (вот тут искренний восторг), развлекательная программа (метание топоров в цель, трюки с кнутом и тому подобное). Через неделю уже кирасиры пригласили уланов в свои казармы...

Ну и понеслось – Новгородский уланский полк уверенно «прописался» в Вене. Пока ещё в военной среде, но и это немало – австрийцы известные снобы. Кстати, из-за того, что принимали в уланы исключительно новгородцев, псковичей и выходцев из восточных немецких земель, за полком закрепилось прозвище «варяжский»⁵⁴.

Появились знакомцы среди полковников и генералов, представителей высшего света. Уланы тоже осмелели и начали общаться с иностранцами без прежней зажатости. Были приёмы (тут уже приглашали только офицеров и дворян) в особняках и дворцах знати, но...

– Опаньки, – растерянно сказал распечатавший письмо Рысьев, – нас приглашают в Шёнбруннский дворец.

Резиденция австрийских монархов – это уже серьёзно... К счастью, уланы не слишком нервничали – пообтесавшись в блистательной Вене, они с удивлением обнаружили, что вполне себе котируются как «светские львы». Чрезвычайно неторопливый и вальяжный русский этикет пусть и подвергся европейскому влиянию, но всё равно – офицеры выглядели

---

⁵⁴ Современные немецкие исследователи считают варяг славянами. Так же, как и исследователи английские, американские... Только наши «либеральные» историки всё отстаивают версию со скандинавами. Впрочем, она тоже имеет право на существование, но не в моём произведении.

очень достойно. Помогли и уроки танцев от корнета – искусство важнейшее для дворян. В общем – волновались, но в меру.

– Ух и громадина! – воскликнул непосредственный Лисьин, – и красив до чего!

– Красив, этого не отнять, – согласился попаданец, – а внутри ещё лучше.

– Бывал? – вырвалось у Рысьева.

– Конечно, много раз, – ляпнул парень и только потом понял – чего же он ляпнул. – Э-э, забудьте, что я сказал.

– Постараемся, – с явственным смехом в голосе произнёс командир.

Пусть Игорь бывал здесь и раньше, но антураж был несколько другой, так что пристав- ленный к ним лакей (или кто он там?) оказался кстати. Общество собралось не в одном зале, а заняло сразу несколько залов – так называемый «Большой приём». Уланов узнавали – и улы- бались. Встретилось неожиданно много знакомцев, были и представители русского командо- вания в Вене, посол.

Танцы были не слишком интересными – пресными, по мнению корнета. Ну что говорить, если женская мода сейчас такая, что не очень-то попляшешь. Так что он оттанцевал несколько обязательных танцев и отошёл к группе знакомых, веселящихся в углу.

– Господа, – слегка поклонился он. Ответные поклоны и представления нескольким доселе незнакомым людям. Травили байки и рассказывали анекдоты, затем к их компании незаметно присоединились девушки и женщины. Красивые, с нежными голосами... Как же от них пахло!

Мытьём здесь не баловались, зато увлекались всевозможными ароматическими веще- ствами – особенно женщины. Если сквозь плотные камзолы мужчин запах пота особо не про- бивался, то вот женская одежда была более открытой – ну и попахивало. Не то, чтобы очень уж резко, да и попаданец уже притерпелся... Но вот сближению это препятствовало – как и бегающие по дамам вши⁵⁵. Кстати, это одна из причин, почему молодой корнет не рвался тан- цевать и до сих пор не обзавёлся подходящей по статусу любовницей.

Дамы активно строили глазки и щебетали, щебетали...

– Господин улан, правда ли, что по Петербургу бродят медведи, – с патокой в голосе спросила одна.

– Истинная, – не моргнув глазом, ответил тот, – вот пару лет назад мы с секунд-майором Рысьевым завалили одного прямо под окнами дворца. Точнее, завалил он, кинжалом, я же просто отвлекал медведя.

Охи-ахи, восхищение храбростью, глаза с поволокой...

Игорь прекрасно осознавал, что на местном фоне смотрится непривычно. Крепких муж- чин с широкими плечами здесь хватало, особенно в армейской среде, а вот талия к ним прила- галась редко – поесть здесь любили и ничего страшного в лежащих на плечах щеках не нахо- дили. В общем, худощавый, но мускулистый и рослый, улан смотрелся как профессиональный культурист на сельском пляже.

Женщины вешались на него со страшной силой, но бедолагу от них буквально мутило. Попытки же объяснить, что надо мыться, заканчивались истериками – в моде были «естествен- ные соки организма» и... Проще говоря, слово «мыться» они воспринимали как обвинение в непривлекательности и болезненности – как-то так...

– Фанты!⁵⁶ Давайте играть в фанты! – запрыгала одна из дам, хлопая в ладоши. Будь ей лет двенадцать, такое смотрелось бы довольно мило, а так – упитанная невысокая дамочка, которой

---

⁵⁵ Суровая европейская реальность вплоть до конца XIX века. На Руси же вши были редкостью – любая баня уничтожает их начисто, никакого корсина не нужно.

⁵⁶ На бумажках пишутся какие-то пожелания, после чего кладутся в коробку/мешок и достаются уже оттуда. Пожелания могут быть самыми разными – спеть, станцевать, прокукарекать.

не помешало бы сбросить килограммов двадцать, Игоря не впечатлила. Впрочем, только его, остальные же мужчины смотрели на неё с... аппетитом.

Вот интересно – раньше такое парню вряд ли понравилось бы, а сейчас он с удовольствием участвовал в игре.

– Барон, вам выпала честь изобразить кошечку, – давясь от смеха, сказала молоденькая графиня Ирби немолодому, заметно уже облысевшему барону. Барон и сам хихикал не хуже, пытаясь мяукать, а после того, как не получилось (из-за хохота), стал на четвереньки и начал тереться о ноги графини⁵⁷.

– Корнет, вам выпала честь изобразить скomorоха, – объявили ему. Недолго думая, спортсмен снял мундир, после чего легко встал на мостик, а оттуда на руки. Походив так немного и поболтав ногами (под восхищённые визги дам), он встал и раскланялся, посылая всем воздушные поцелуи.

К этому времени уланы подтянулись к попаданцу – на светских мероприятиях они почему-то непроизвольно держали его за старшего. Подтянулись и другие зрители и участники – очень уж забавно получалось. Играли не строго по очереди – имя следующего выбиралось большинством голосов, причём у женщин здесь было преимущество. Ну и неудивительно, что красавец-улан чаще других выполнял пожелания.

– Корнет, вам выпала честь нарисовать портрет... – начала ведущая, затем зажмурила глаза, покружилась немного и ткнула пальцем, не открывая глаз. Открыла и...

– Ваше величество, – склонилась девица в реверансе. Поприветствовали Марию-Терезию и остальные – правительница подошла незаметно, сделав окружающим знак не прерывать веселье. Чванливой ханжой она не была, так что подобные сценки встречались достаточно часто.

– Рисуй уж, – улыбнулась великая правительница, – раз выпало.

Быстро нашлись карандаши, бумага и планшет, после чего Игорь забыл обо всём на свете – не рисовал он больше года, и сейчас его прорвало. Взгляд на эрцгерцогиню – и снова на бумаги. Карандаши летают, обрисовывая скупыми чертами портрет всё ещё красивой женщины. Та стояла терпеливо, негромко беседуя с неизвестным Игорю придворным и с каким-то жадным любопытством поглядывая на художника.

– Ваше величество, – протянул он ей портрет.

Взяла, взгляделась...

– Да вы талант, юный воитель, – улыбнулась она, – видно, что художник не профессиональный, но за такое время... Да и манера рисования – не встречала такую... Хорош, хорош!

С этими словами она протянула ему руку для поцелуя. Попаданец склонился – честь высокая.

– Я слышала, ты ещё и танцор именитый? Только вот что ж здесь не танцуешь? – с интересом спросила женщина.

– Да под настроение, ваше величество, – пожал тот плечами, – да и вообще, мне по душе более подвижные танцы.

– Да, мне докладывали мои кирасиры, – лукаво блеснула она глазами, – про ваш уланский танец. Пр продемонстрируете? Ноты моим музыкантам записали.

Оглянувшись на остальных уланов, Игорь почувствовал, как его отпускает – товарищи смотрели на него без страха и с абсолютной готовностью на что угодно.

– Только повелите, ваше величество!

– Повелеваю! – весело сказала Мария-Терезия и махнула рукой, подавая знак музыкантам.

---

⁵⁷ Венский двор вообще считался одним из самых весёлых и легкомысленных, так что встречались и более фривольные сценки. Да и вообще – ханжество пока не в моде.

Очистилось пространство, и простонародная музыка джиги впервые послышалась под сводами дворца. Попаданец вышел вперёд на середину и стал отбивать ритм с прямой спиной – только ноги мелькали. Затем в круг вышли Лисын, Рысьев, другие офицеры и дворяне. Начали танцевать, причудливо перемещаясь, но вскоре военные опознали имитацию конных перестроений. Наконец, они встали в одну линию и станцевали, сцепив локти.

– Браво, – тихонько сказала правительницы, когда всё закончилась, – это один из самых красивых воинских танцев, что я видела. – Затем добавила с улыбкой, после короткой паузы: – И уж точно – самый кавалерийский!

Уходя, она сказала негромко:

– Я всегда буду рада видеть вас при своём дворе... князь.

Глава седьмая

Обращение Марии-Терезии на балу будто прорвало что-то – Игорь наконец-то понял, представителем какой аристократической фамилии его считают. Грифичи-Трайфены-Грейфы – так называемая Померанская династия⁵⁸. Власть они потеряли больше века назад в результате «Большой политики». Были попытки вернуть, но... Стать вассалами сильного правителя Грифичи в своё время отказались, и в результате у бывших родовых владений оказались иные хозяева.

Поскольку добрая половина владений была приобретена не совсем законным путём, то новые хозяева по отношению к старым были настроены весьма негативно. Никакого «всеобщего заговора» вроде бы не было, но были покушения на наиболее активных представителей семьи, вызовы на дуэли и прочее в том же духе.

В результате последние представители династии вроде как утонули во время морской прогулки чуть меньше десяти лет назад. Ну а теперь внезапно «выяснилось», что наследник, то есть Игорь, спасся. Наследника звали Владимиром, а вот отца – Игорем, так что «детективы» дружно решили: «Замаскировался парнишка, но неумело – мал ещё был».

Далее в его пользу сыграла внешность – вроде бы типично славяно-немецкая, но была у попаданца некая... чуждость, которая бросалась в глаза. Вроде бы даже нельзя сказать, что конкретно, а вот поди ж ты... Что-то подобное приписывали и Грифичам – дескать, «старая кровь» даёт о себе знать.

Здесь верили, что дворянство, особенно высшее, обладает некими особыми качествами, и даже если такой ребёнок попадёт в неблагоприятную среду, кровь даст о себе знать, и он непременно вырастет благородным, умным и могучим. Вера в это «подтверждалась» многочисленными легендами, романами и песнями. Ну а то, что попаданец сильно выделялся, это факт.

Ещё одним «доказательством» послужили знания попаданца. Танцы, уровень фехтовального мастерства, рукопашный бой, музыка, живопись, латынь – всё это считалось неотъемлемой частью «правильного» образования. Ну а то, что уровень его учителей был крайне высок, было совершенно ясно.

Плюс – поведение, оговорки, знание некоторых уголков Вены и прочее, прочее... Собственно говоря, его даже «опознали» несколько слуг и очень дальних родичей.

Откровенно говоря, Игорь (или теперь Владимир?) сначала не знал, как себя вести, и потому просто отмалчивался. Однако ему приводили всё новые и новые «доказательства», тыча в нос фактами и деталями. В конце концов, он уже настолько выучил «свою» родословную и родословную своих «родственников», что мог бы поиграть в самозванца и без посторонней помощи.

---

⁵⁸ Автор в курсе, что династия пресеклась задолго до этих событий, просто вот понравилась по ряду причин.

Сдался он, когда в очередном армейском приказе от главнокомандующего Игорь-Владимир был чётко обозначен как князь Грифич...

Именно князь, несмотря на то что родовые владения давно (ещё когда династия была в порядке) поделили на части, которые обозвали герцогствами. Поскольку он остался единственным Грифичем (а парень уже смирился, что спорить бесполезно, да и опасно), то как глава рода автоматически становился князем. Собственно говоря, можно было бы оспорить и герцогские титулы, и не только их, но тут уже начиналась такая бюрократия...

Казалось бы, радуйся, тебя признали аристократом, но... Владений нет, банковских вкладов нет, враги есть, планы правителей на тебя – тоже есть... Такую ситуацию можно и не пережить. Единственный (пока что) плюс – дали звание подпоручика, а вскоре и поручика. Да и то – заслуг у него и без того хватало, а на войне инициативных командиров повышают быстро.

До конца зимы уланы оставались в Вене (и Игорь наконец-то нашёл себе чисто плотных красивых любовниц!), а с наступлением весны полк начал дёргать на сопровождение обозов, разведку местности и прочие мероприятия. Больших сражений пока не было, ну а в мелких стычках ветераны показывали превосходство выучки, а молодняк приобретал необходимый опыт.

Кстати, полк признали даже пруссаки⁵⁹. Ну ещё бы – столько поражений от него потерпели... Понятно, какие-то можно оправдывать везением и другими факторами, но помилуй бог – надобно и умение! Признали их ещё и потому, что сильному противнику не так обидно проигрывать...

С апреля уланы окончательно покинули Вену, и вот уже кончался сентябрь, и они мотались по зоне боевых действий. Время от времени попаданец пытался мучить свою память, вспоминая, чем же знаменит 1760 год и потихонечку приближающийся 1761-й, но увы... Впрочем, парень уже твёрдо уверился в параллельности миров, так что не слишком переживал.

– Княже, – окликнул его верный Тимоня, так и прижившийся на должности денщика, – тут к тебе пришли.

– Князь, – склонили головы торговцы.

– Господа, – поприветствовал их Игорь. Хотя... Пора, пора привыкать быть Владимиром...

Торговцы обеспечивали их кое-какими предметами, хотя в основном снабжение было централизованным. Но всё предусмотреть невозможно, и потому у командиров был некий денежный люфт. Попаданец и раньше успел показать себя рачительным хозяином – была у него такая черта, несмотря на тягу к адреналину и прочие закидоны экстремалов. Ну а после Вены командир полка спихнул на него почти все хозяйственные хлопоты.

По сути, парень стал выполнять ещё и обязанности квартирмейстера – после того, как последний пару месяцев назад проворовался до того, что его увезли в Россию в железе. Из-за каких-то бюрократических проволочек или других соображений официального назначения на должность не было, но Игорь не особо расстраивался – опыт ценный. Недавно стал выполнять ещё и обязанности командира эскадрона, оставаясь командиром роты.

Правда, поначалу были попытки научить его «схемам», но Игорю-Владимиру это претило – «невместно». Причём дело тут не в княжеском титуле – титулованные особы воровали вполне лихо, а просто... Невместно.

Одно дело – упереть какие-то суммы, предназначенные для развлечений или постройки очередного дворца или... ну вы поняли. И совсем другое – зарабатывать на жизнь боевых товарищей.

---

⁵⁹ В описываемый период лучшей считалась прусская кавалерия.

– Вот что, господа, – начал Игорь/Владимир, – пригласил я вас потому, что торговец Браймах продал мне плохой овёс. Поскольку рекомендовали его мне вы, то и отвечать – вам... Стоять! – резко осадил он дёрнувшихся было купцов. – С вас десятикратный штраф стоимости овса, ну и сам овёс, разумеется.

– Не имеете права!

– Мы сейчас на каких землях находимся? – оскалил зубы поручик.

– Померания, – помертвевшим голосом ответил бледнеющий скандалист и сглотнул слюну. Толстые щёки подрагивали, а ноги явственно подгибались.

– Признаёте моё право на суд?

– Признаём, ваше светлейшее высочество, – опустил на колени бледный предводитель торговцев.

– Ну и вот мои слова: вора наказать штрафом, заставить привезти хороший товар и после выпороть плетью с объявлением.

Началась суета – пока разыскивали профоса⁶⁰, пока оповестили уланов о предстоящем развлечении... На широком лугу собрались все желающие и не желающие, то есть торговцы. Зачитали суть дела, затем огласили приговор...

– Эт правильно, – раздались голоса в толпе, – напоганил, так отвечай. Из-за его овса поганого лошадки могли погибнуть, а через них и мы.

– Лупи так, чтобы не покалечить, но кожу рассекай, чтоб рубцы на всю жизнь остались, – негромко приказал князь. Да, можно сказать, что сейчас он начал ощущать себя именно князем Грифичем, Владимиром Игоревичем, а не... попаданцем.

Свист плети, звучный удар – и жуткий вой наказываемого торгаша. Лица уланов стали презрительными – они прекрасно видели, что профос скорее ставит своеобразное «клеймо», а это пусть и унижительно, но не настолько больно. После второго удара торговец обмочился. После пятого наказание закончилось, и жулика отвязали от столба. Его тут же подхватили... товарищи. Впрочем, после сегодняшнего позора – не факт, что он останется в купеческой среде.

Закончив, поручик вернулся к себе в палатку и переоделся. По какой-то причине после таких вот происшествий он чувствовал себя грязным.

– Тимоня, приготовь-ка мне одежду чистую да польёшь.

– Сей секунд, – отозвался верный Санчо.

Помылся целиком – щёлок-то не проблема, да и стояли у реки.

– Вот чего ты привычку в холодной воде мыться взял? – ворчал Тимоня. Отношения слуги-господина в русской культуре заметно отличались от европейских, и такое поведение было скорее нормой. Поручик не ответил – это уже привычный ритуал.

Он и раньше не слишком-то боялся холодной воды и простуд, а после провала в прошлое стал намного крепче ещё и в смысле здоровья. Ну а после занятий на развитие экстрасенсорики и вовсе забыл, что такое болячки. Даже знакомые всем кавалеристам чирьи⁶¹ перестали выскакивать. Мало того – ещё и кожа очистилась! Ну и как тут не верить в магию, если столько...

Надел подштанники и опорки на босу ногу, вышел из палатки на солнышко. Несмотря на осень, до холодов было ещё далеко – Европа. Вроде бы хорошо, но вот ощущение незавершённости осталось. Взял в палатке жвачку на основе смолы, пожевал несколько минут и выплюнул. Вот теперь всё – чистый.

Вздохнув, принялся одеваться – дел ещё было полно. Если во времена мира офицеры не слишком утруждали себя, то в походе, да когда на тебе висят две не самые простые долж-

---

⁶⁰ Должность военного полицейского, палача и ассенизатора одновременно.

⁶¹ Конский пот довольно едкий, а если по несколько дней не имеешь возможности смыть его и постирать одежду, то результат вполне закономерный.

ности... Проблема ещё и в том, что это не канцелярия – не получится высидеть положенные часы, график работы что у командира эскадрона, что заместителя комбата, что у квартирмейстера – рванный.

Штаны, портянки, сапоги... Вообще-то было положено носить чулки, «как в Европе», но почти сразу Игорь перешёл на портянки – удобней, да и дешевле намного. Надел рубаху – шёлковую из-за «вшивого» поверья⁶², натянул камзол...

– Да иди уж, княже, – бесцеремонно сказал Тимоня, – всё одно без тебя дела не переделаются.

В палатке, которую он приспособил под делопроизводство, командир пробыл недолго – почти тут же прибыл вестовой от полковника.

– Звал, Прохор Михайлович? – обратился поручик к подполковнику, едва зайдя в палатку.

– Да, князь, – серьёзно ответил мрачноватый Рысьев, покусывая обвисший ус, – мне намекнули на... одну операцию... Хотя, тебе-то точно можно. Не уверен, потому как в этом и сами командующие не уверены, но кажется, что нам предстоит рейд к Берлину.

Парень присвистнул и выругался матерно.

– Вот-вот, я так же отреагировал, – понимающе усмехнулся его командир, – ясно же, что нами начнут затыкать все дыры. Так что...

– Да ясно, – выдохнул попаданец, – подготовить материальную часть так, чтоб всё было, но ничего при этом лишнего – чтоб движение не замедлялось. Сделаю.

Начинать дела пришлось с тех самых торговцев – штраф за коллегу они заплатили, да и овёс поставили качественный. Полученные деньги Игорь-Владимир не стал класть в карман (хотя вообще-то, такое считалось вполне законным заработком), а пустил на нужды полка.

В самом же полку он устроил проверку и закономерно обнаружил кучу косяков. Ну и поскольку матчасть требовалось приводить в порядок и избавлять от гор хлама, не объявляя о походе, то...

– Это что такое? – шипел поручик на смотре. – Как маркитанты уже путешествуем. Гвардейский обоз, мать вашу!

Уланы засопели – сравнение с гвардейцами, известными сибаритами и барахольщиками, им не слишком льстило.

– Навести порядок, чтоб ничего лишнего не было, а нужное – было. Все всё поняли?

Несмотря на уверения в понятливости, офицер основательно прошёлся по пунктам и составил список основных требований, вручив каждому из ответственных людей. Ну а поскольку избавляться от барахла желательно было без особого ущерба для уланских кошельков, то исполняющий обязанности квартирмейстера вызвал тех самых купцов-поручителей.

– Уланы избавляются от трофеев, – рублеными фразами начал он речь, – и ваша задача – помочь нам в этом, дав справедливую цену за барахло.

Торговцы потели и молчали – после того происшествия с плетью они почему-то стали относиться к нему предельно серьёзно. Усмехнувшись уголком рта, поручик добавил:

– В убыток работать не прошу – прибыль у купцов должна быть. Но и скупать за бесценок не стоит.

– Сделаем, ваша светлость.

---

⁶² Считалось, что шёлк спасает от вшей. Это не совсем так, но частично всё-таки помогает.

Глава восьмая

Судя по всему, союзное командование никак не могло договориться – бестолковщина продолжалась. Вообще, на этой войне было много непоняток и откровенно вредительских распоряжений. Нужно признать, что виновата в этом была Австрия – в основном. Государство «лоскутного» типа во многом держалось на дипломатии, что, с одной стороны, хорошо, а с другой – из-за этой самой дипломатии частенько начиналось топтание на месте, когда нужно было сделать решительный рывок.

Ну и результат – австрийские полки по отдельности были вполне недурны, как и военачальники, но свести вместе чехов, немцев (у которых добрый десяток сильно отличающихся диалектов), венгров... И все со своими амбициями, взаимными претензиями.

По мнению Игоря-Владимира, австрийские полководцы были скорее психологами, дипломатами и историками, чем военачальниками – только так можно было хоть как-то командовать достаточно крупными и разнородными войсковыми соединениями. Ну и результат понятен – при прочих равных пруссаки их лупили всегда, да и снабжение...

К сожалению, русские войска были сильно привязаны к австрийским и французским союзникам и всякой... мелочи просто из-за того, что «гуляли» по их территориям, да и снабжать находящиеся в Пруссии войска из России достаточно проблематично – телегами-то... Хотя, многие вещи приходилось возить именно из России, несмотря на заметное удорожание из-за расстояния. Ну а что делать, если союзники то и дело подводят?

Вот и сейчас, вместо нормальной работы приходится заниматься охраной обозов. Опять немчура вовремя не обеспечила, и приходится теперь везти обоз через «слоёный пирог» или, проще говоря, через территории, на которых могли быть как русские или союзные, так и прусские войска.

Тотлебен со своим авангардом вроде как уже «резвился» под стенами Берлина...

– Да хрен его знает, чегой-то он полез туда? – сплюнул один из приданных отряду калмыков, занимавшихся разведкой.

– Связать войска противника, – как по учебнику оттарабанил корнет из недавнего пополнения.

Владимир переглянулся скептически с Аюкой, затем есаул произнёс вкрадчиво:

– А сколько войск у енерала? – и сам же ответил: – Да тыщи три. А гарнизон – хотя бы полторы⁶³. Да хоть бы и не было его – сколько в городе покалеченных солдат, да горожан, кто может взяться за ружжо? До хренинушки – и никому не хоцца, чтобы войска город разграбили.

– Да и за прошлый набег⁶⁴ гарнизону хвосты понакрутили, – вставил весомое слово поручик, – так что будут сопротивляться. Ну и увлёкся Тотлебен – увязнуть-то в битве легко, а дальше? Основные наши далече, сразу не придут на помощь, а вот пруссаки – могут.

Тотлебен, несмотря на все достоинства, был известен как невероятный авантюрист и не один раз крупно вляпывался из-за этого, так что особых сомнений, пойдёт он на штурм или нет, у попаданца не было. Не было их и у Аюки – на редкость умный и образованный человек. Ну а речь... Что тут поделаешь, если обучал его выходец из какой-то русской глубинки – *совсем* глубинки.

Обоз доверили уланам потому, что больше, как оказалось, некому. Калмыки и казаки – слишком лёгкая конница, не выдерживающая серьёзного противостояния. Да и отношение местных жителей к ним было не лучшим. Чего уж греха таить – что те, что другие мародёрами

---

⁶³ 1200 в реальной истории.

⁶⁴ В 1757 году австрийцы без боя взяли Берлин.

были знатными, да и прусская пропаганда работала. В общем, большая часть местных была искренне уверена, что «дикие азиаты» (а к казакам это тоже относилось) едят жареных младенцев и занимаются осквернением храмов.

Вот и получалось, что при приближении диких всадников немцы резко проникались духом патриотизма и готовы были обороняться до последнего, рассылая соседям панические послания. Ну а к русским солдатам отношение было достаточно лояльным – на фоне местных наёмников и отребья, вербуемого в войска, соотечественники выглядели невинными зайчиками.

Ограбить они при случае могли, да и юбки бабам задирали – нечасто, нужно сказать, но бывало. Однако не совали ноги фермеров в камин, чтобы выпытать захоронку, не трогали малолеток, да и баб если валили, то не всей ротой.

Поскольку казаки были уже заняты, а лёгкая конница нужна была уланам позарез, то сотню калмыков переодели в европейские мундиры и приказали всячески маскироваться.

Уланам приходилось буквально разрываться – обоз-то важный, порох и прочее военное снаряжение. Русские и австрийские войска взяли такой темп, что телеги просто не успели бы⁶⁵ за войсками. Вот и пришлось выступать заранее, да пробираться потом окольными путями.

Стычки? Были, а как же. В этом вся сложность – грохнуть супостата с гарантией, да при этом не нашуметь. Вроде бы получалось – во всяком случае, даже если их и обнаружили, то погони пока не было, а это самое главное.

На сон оставалось совсем мало времени – особенно офицерам. Хорошо ещё, что уланы не были «чистыми» кавалеристами и привыкли при долгих переходах спешиваться и идти или бежать рядом с лошадей⁶⁶. Пусть и выехали одвуконь, но за две недели путешествия вымотались жутко. Даже Игорь чувствовал себя усталым...

Впрочем, он-то как раз работал больше остальных – знал возможности своего организма и старался «за себя и за того парня». Поскольку обязанности квартирмейстера с него никто не снимал (хорошо ещё, что командование ротой принял на себя новый офицер), то поговорка получилась к месту.

Вообще, попаданец в последнее время начал уже всерьёз считать, что за ним наблюдают высокопоставленные особы – чувствовался некий... интерес. Для примера: ну неужели не было грамотного и честостлюбивого квартирмейстера для прославленного уланского полка? И ведь таких неувязочек – масса. Складывалось впечатление, что его проверяли на прочность и вообще – изучали.

Подъехав у Рысьеву, Владимир коротко обговорил кое-какие служебные детали.

– Эк тебя путешествие подкосило, – заметил командир.

– Да и ты не красавец, – хмыкнул подчинённый.

– Эт да...

– Ладно, Прохор Михайлович, проедусь-ка я по окрестностям, развеяться надо, а то совсем уже...

– Да езжай уж, – отмахнулся подполковник, – вижу, что надо проветриться.

Оставив Тимоню отсыпаться, поручик взял одного из молодых. В одной из недавних стычек тот повредил руку, но как боевая единица он был поручику и не нужен – так, послать куда в случае нужды, чтобы самому лишний раз не мотаться.

Вспомнив карту и разъезды улан и калмыков, Игорь понял, какой район не мешало бы проконтролировать. К сожалению, на полноценный контроль банально не хватало людей – они

---

⁶⁵ При многодневном переходе у кавалерии нет особых преимуществ в скорости перед тренированной пехотой. Для повозок это правило работает ещё более чётко.

⁶⁶ Достаточно распространённая практика в лёгкой кавалерии. При длительных переходах это помогает экономить силы лошадей. Ну и учтите, что лошади тогда были заметно хуже современных, а в России проблема с породистыми лошадьми стояла очень остро.

уже подъехали достаточно близко к Берлину, а здесь хватало строений и других мест для полноценных засад, так что некоторые группы приходилось отправлять достаточно большие, иначе могли напасть.

Спустя час неторопливой езды он остановился у подножия холма. Нет, не на холме – пусть сверху и открывается хороший вид, но не менее хороший вид открывается и на него... Вытащил трофейную подзорную трубу и поморщился непроизвольно – хоть она и считалась качественной, но с привычными биноклями точно не сравнить. Осмотрелся осторожно и поехал дальше.

– Стоп! – сказал он немного погодя. – Макар, ничего не чуешь?

Улан аж приподнялся в стремях и замер, поглаживая лошади шею.

– Нет, господин поручик.

– А вот мне что-то...

Не договорив, парень «включил» свою экстрасенсорику и... показалось, что с запада от него движется большая группа людей.

Пришпорив коней, поскакали в... подозрительную сторону – и снова та же процедура с подзорной трубой.

– Княже, – подал голос Макар, – если туточки кто и ходит, то скорее возле моста. Мы с месяц назад здесь проскочили, там вон – в версте отсюда. Ежели есть какие отряды на том берегу, то моста им не миновать – берега топкие, неудобные, а ближайший мост кроме этого – верстах в семи, да и вроде как сапёры его рушили. А остальные совсем уж далече.

Долго офицер не думал – идея вполне здравая.

К мосту подъезжали со всеми мерами предосторожности... и снова ничего. Однако всё же что-то не давало покоя, и Игорь сосредоточился, замерев. Запах табака он мог учуять за несколько сотен метров⁶⁷, а раз он чуял его, не видя людей, то это могло значить только одно – едет много курящих. Курить во время переходов позволяют себе почти исключительно кавалеристы – дыhalка-то не сбивается.

Оставив коней внизу с Макаром, он вскарабкался на холм и навёл подзорную трубу, всматриваясь в неё до рези в глазах. Удалось разглядеть какое-то марево, но это могли быть и дефекты стекла. Однако вскоре ситуация прояснилась – из-за деревьев выехали кирасиры. Довольно быстро поручик опознал прусских кирасир.

Мысли начали метаться, как бешеные – ситуация была исключительно поганой. Путь от холма пролегал таким образом, что тайком ускакать просто не получалось. Не тайком тоже, потому что кирасирские лошади на дистанциях в несколько вёрст легко обгоняли заметно менее крупных уланских. По крайней мере если местность была не слишком пересечённой, то есть как сейчас...

Выходило так, что их догонят – поскачут они верхом или попытаются скрыться пешими, местность-то открытая... Сдаваться в плен негоже – Фридрих достаточно злопамятный человек, и «рыцарским» его поведение к пленённым противникам никак не назовёшь, были уже прецеденты. Ну а не запомнить человека, которого считают одним из главных «виновников» поражения при Кунерсдорфе, особенно если самому королю пришлось пережить погоню сослуживцев этого человека... На хорошее отношение нельзя было надеяться: либо «помрёшь от ран», либо вернёшься инвалидом, кашляющим кровью. Ну и в конце концов, нужно было выручать товарищей, иначе обоз и охраняющих его улан просто вырежут при внезапной атаке.

В этот момент он вспомнил внезапно ту встречу со стариком перед попаданием сюда, свои слова и мысли...

– Что ж, – с горечью прошептал он сам себе, – не самая глупая смерть...

---

⁶⁷ В городе это не работает – много запахов, «забивается» нюх. А вот где-то в сельской местности, да ещё если сам не куришь... Встречал упоминания, что чуть ли не за километр некоторые чувят, но это уже, наверное, преувеличение.

Быстро спустившись, коротко обрисовал ситуацию Макару.

– Отдавай-ка мне свою пику да пистолеты... Заряжены?

– Да... Э-э, господин поручик, я с вами!

– Что со мной? – жёстко спросил попаданец. – Рука у тебе не рабочая, да и предупредить кто-то должен – иначе вырежут наш обоз и наших ребят вместе с обозом. Ясно?

Рядовой сглотнул.

– А как же...

– А вот так же. Повезёт – так жив останусь, а нет – так хоть помер не напрасно. Постараюсь задержать их хоть на пять минут, авось и оторвёшься – на длинных дистанциях наши лошадки лучше.

Вытащив заветный флакончик, он ножом отковырял пробку и налил в каску. Цыган обещал, что лошадь пьёт это охотно и совершенно дуреет, становясь безрассудно храброй. Ну а как иначе заставить её идти лоб в лоб на кирасирских битюгов? Разбавить водой из фляги и вылить получившуюся смесь в подставленную ладонь – из каски коню неудобно.

Снежок вдохнул воздух и с явной охотой слизнул угощение. Ну всё...

– Давай, Макар, может, и свидимся...

Обнялись на прощание, и уланы вскочили на коней.

Выехав из-за холма на пофыркивающем белом коне, поручик неторопливо отправился к мосту, Макар же с ходу принялся настёгивать свою кобылу. Со стороны кирасир раздались невнятные возгласы, и примерно десяток всадников прищипорили коней, направляясь к мосту.

Прищипорил Снежка и Владимир – тот охотно пошёл, и опытный наездник почувствовал, что конь буквально рвётся в битву. У него и самого сердце билось как сумасшедшее. Ноздри начали раздуваться, а губы растянулись в хищном оскале: бой!

– Слава! – заорал он во всю глотку, переходя в галоп. Сильные руки, держащие пики, наклонили их почти горизонтально. Пруссак завопили что-то неразборчивое и выставили палаши, сомкнув строй.

Н-на! И пики выбрасываются вперёд с невероятной скоростью. Одному из кирасир острое влетает в лицо – и куска головы как не бывало. Второму пика влетает в горло и пронзает назквозь, фактически отделив голову от туловища. Сила же и скорость удара таковы, что пика устремляется дальше и следующий пруссак получает ранение в плечо.

Столкновение! Князь был к нему готов, привстав в стременах перед ударом. Его выбросило вперёд, но и в падении поручик ухватил одного из врагов, увлекая вниз. Упавшего Владимира добил ударом пальцев в горло и вытащил из висевших на поясе пруссака ножен длинный кинжал. Почти такой же вылетел из его собственных ножен.

В дикой давке он вертелся под копытами лошадей, разрезая лошадям животы и подпруги – нужна баррикада, чтобы кавалеристы не смогли проскочить её с ходу. Раз! И острое клинка вонзается под кирасу в нижнюю часть живота. Два! И лезвие кинжала распаивает ляжку кирасиру – почти до кости. Три! Сильные руки хватают врага за пояс и сдергивают с седла вниз. Добить ударом каблука в горло.

Прыжок вверх – и бывший паркурщик оказывается в опустевшем седле одного из кирасирских коней. Два взмаха руками – и один из врагов беззвучно сползает с коня, а второй еще что-то вопит, держась за торчащий из глаза клинок.

Вжж!

Вылетел из ножен клинок тульской работы, и поперёк горла одного из врагов появляется кровавая полоса.

Враги достаточно далеко и тянутся к пистолетам⁶⁸ – опередить их и выхватить пистолеты первым, кобуры-то у попаданца куда более продуманные! Гремят выстрелы, и один из вра-

---

⁶⁸ Что они потянулись к огнестрелу только сейчас – нормально. По уставу, прусским кирасирам предписывалось атаковать

гов склоняется к гриве коня, второй же только оглушён. Добить! Экстремал одним прыжком вскакивает на седло ногами и прыгает к оглушённому. Короткий удар эфесом сабли в висок – падает. Тут же поручик перерезает горло коню пруссака – баррикада...

Передовой отряд уничтожен – и настолько быстро, что прославленные воины не успевают прийти на помощь товарищам. Пока они не опомнились, поручик добывает нескольких коней и подтаскивает трупы поближе друг к другу, создавая завал. Обойти? Каменный мост шириной около трёх с половиной метров, да и массивные каменные перила...

Успел – и к мосту подлетают пруссаки. Пространство перед ним небольшое, так что они толпятся, мешая друг другу. Вояки они прекрасные, но столь внезапная гибель товарищей заставила растеряться – ничем иным такую давку не объяснить. Стороны обмениваются выстрелами, но если попаданец целит исключительно в коней (завал!), то кирасиры – в поручика, который не собирается принимать грудью пули.

Владимир как будто распараллелил своё сознание и успевает следить за всеми противниками сразу. Нацеленное в него дуло пистолета от крайнего справа кирасира он игнорирует, потому что видит его ствол немного сбоку, а это верная примета промаха. Центральный метко целится, но... в последний момент улан просто приседает, и пуля пролетает мимо⁶⁹. Начинаются «пляски» под пулями, но длятся они не долго – не зря поручик целил именно по лошадям. Вот одна упала – наездник успел соскочить. Вторая жалобно ржёт и пытается лечь.

Пользуясь заминкой, князь перелетает баррикаду (спасибо паркуру!) и врывается в строй. Это настолько дико – пеший атакует конных, что противники теряются. Ненадолго, но и этого хватает – экстремал вертится внизу и просто калечит лошадей, перерубая им сухожилия.

Воцарился хаос, и... кирасиры отступают. Немного, просто чтобы перегруппироваться и спешиться. Пользуясь хаосом, Владимир нанизывает одного из противников на острие клинка, после чего забирает палаш из мёртвой руки. С двумя клинками можно многое натворить...

Быстро обшариваются мёртвые тела, кобуры и седельные сумки – пистолеты, порох, пули! Едва успел сложить их отдельно, как начинается атака спешившихся кирасир. Идут строем, в ряд по трое – больше не получается из-за ширина моста. Однако трупы под ногами мешают нормальному взаимодействию.

Поручик же... Рраз! И следует прыжок на высокие каменные перила. Затем, не останавливаясь ни на мгновение, он прыгает на крайнего пруссака. Тот хороший воин и успевает отбить чудовищный по силе и скорости удар. Но не успевает отбить удар второго клинка и падает с рассечённой головой.

Затем следует нападение на следующего противника, и тот не успевает отбить стремительный выпад палашом и валится под ноги коню, хрипя пронзённым горлом. Последний пятаится и падает. Экстремал рубит его по ногам, а когда тот непроизвольно скорчился от боли – добывает.

Заминка... Улан спешно собирает и перезаряжает оружие. Пусть он скептически относится к огнестрелу восемнадцатого века, но владеть он им умеет – и отменно! В том числе и перезаряжать: офицер мог бы дать фору любому из ветеранов Фридриха, способных сделать шесть выстрелов в минуту, перекрыв этот рекорд почти вдвое. А когда не нужно стрелять, а только перезарядить... Пруссак не успели и опомниться, как перед князем лежали полтора десятка заряженных пистолетов, а сам он спешно затаскивал тяжеленную тушу убитой лошади поверх другой, создавая достаточно надёжную защиту от пуль.

противника с клинками наголо – огнестрельное оружие было, и пользоваться им они умели очень недурственно, но считалось оно вторичным.

⁶⁹ Звучит несколько фантастично, но что-то похожее умеют многие современные профи. На этом основаны «маятник» и ряд других систем. Ну а с дымным порохом да с огнестрельным оружием той поры – ещё проще. От момента нажатия на курок до самого выстрела проходит достаточно много времени.

Вперёд вышел один из прусских офицеров, держа в руке зелёную ветвь. Князь встал во весь рост – для пуль, особенно пистолетных, расстояние было далековато.

– Мы есть... кирасиры великого Фридриха... – на ломаном русском начал он.

– Я знаю немецкий, – ответил ему Владимир на немецком же, – не стоит коверкать язык.

Благодарно поклонившись, немец продолжил:

– Мы уже сталкивались с русскими уланами и признаём, что они воины, ничем не уступающие нам.

Ответный поклон кирасиру, и тот продолжает:

– Может, пропустишь нас? Вестовой с пакетом уже ускакал, и тебе нет нужды умирать.

«Какой пакет?» – пронеслось в голове у попаданца, но почти тут же он понял: пруссаки решили, что наткнулись на гонцов, один из которых ускакал, а второй остался прикрывать отход. Хорошо... Похоже, конкретно эти вояки не подозревают о русском обозе. Но если пропустить – это ненадолго...

– Мне нравится это место, – скаля зубы, ответил поручик, – здесь хорошо умирать.

– Но ты ранен, а мы обещаем тебе приемлемое содержание в плену, – попытался вразумить его кирасир.

«Верить им? Они дадут слово и честно сдержат – может быть, а вот вышестоящее командование такого слова не давало...»

– Это не моя кровь, – оскалил зубы князь, – а вражеская.

Он прекрасно знал, что после того, как вспорол животы нескольким лошадям, покрылся кровью буквально с ног до головы.

Разговоры поручику надоели, пруссакам он не слишком верил, да и... Если уж погибать (а в этом попаданец уже не сомневался), то красиво.

– И скот падёт... – негромко продекламировал он. А затем начал повышать голос с каждой новой строчкой:

И близкие умрут.
Все люди смертны!
Лишь одно бессмертно!!
Слава великих дел!!

Отсалютовав клинком, кирасир ушёл, и начался планомерный бой, без всяких наскоков и попыток взять одиночку с голыми клинками. Два-три фехтовальщика шли вперёд, прикрываемые стрелками. Экстремал отстреливался, прыгал пардусом – и убивал, убивал... Непонятно было, почему они не хотят дожидаться пикинёров или артиллерию... Может, скорость важнее всего? Или профессиональная гордость – та, что превыше разума...

Убивал, но и сам получал раны. Раны неопасные по отдельности, но многочисленные – зацепила пуля на излёте или задел слегка вражеский клинок. Его изматывали, и атака шла за атакой. Парень понял, что вот он конец – даже его железная выносливость начала сдавать.

Он едва держался на ногах, но старательно изображал не знающего усталости берсерка. Во время редкого перерыва он увидел обломок собственной пики и упёр остриё между трупами, привалившись к древку спиной. Стало намного легче стоять и выстрелы снова стали меткими.

Постепенно в ушах стало звенеть, предметы терять чёткость, но фигуры врагов он видел хорошо – и стрелял...

Глава девятая

Открыв глаза, улан тут же услышал крик на немецком:

– Очнулся! Доктор, он очнулся!

Вскоре пришёл какой-то мужчина в сюртуке⁷⁰ и принялся бесцеремонно вертеть поручика, задавая вопросы:

– Болит? Голова кружится? Слабость?

Ответа обычно не дожидался – видел по реакции пациента. У самого пациента мыслей не было никаких – слабость и вялость. Так что вскоре он снова то ли заснул, то ли потерял сознание.

Примерно через неделю Игорь... Да нет, уже Владимир! Навсегда... Так вот, примерно через неделю он стал приходить в себя в достаточной степени, чтобы хоть как-то реагировать. Ну и потихонечку собиралась информация.

Выяснилось, то чнаходится он у австрийцев. Вроде как армии не стоят на месте, так что пришлось оставить поручика в одном из близлежащих городков, причём даже не в военном госпитале, а у совершенно гражданского врача. Впрочем, эту информацию он не успел толком осмыслить – как только офицер достаточно окреп, его погрузили в относительно комфорта- бельную повозку и отправили в Вену – по распоряжению Марии-Терезии...

В Вене его отбил русский посланник Кейзерлинг Герман Карл и поселил у себя.

– Нечего, – коротко бросил он сопровождающим, – сами же знаете, что сразу начнутся посетители ломиться, а князь ещё не настолько здоров, чтобы принимать гостей.

К посланнику Владимир отнёсся сначала достаточно настороженно, подозревая какие-то интриги. Однако через несколько дней убедился, что Кейзерлинг не собирается к нему лезть, а просто заботится о выздоровлении. Наверняка были и интриги – дипломат всё-таки, но раз эти самые интриги идут на пользу по медицинским показателям, то и хрен с ними.

Вставать улан начал достаточно быстро и первым же делом потребовал помывки.

– Воды мне нагреть, – коротко приказал он приставленной к нему сиделке.

– Но... – попыталась что-то сказать она. Не получилось – взгляд у попаданца и раньше был тяжёлым, а уж после военной кампании... Сослуживцы сравнивали его с василиском.

Вместо слуг с горячей водой прибежал доктор, размахивающий руками.

– Вредно мыться! – горячо убеждал он. – От этого поры открываются, и человек стано- вится беззащитен перед болезнями⁷¹.

Настроение князя было скверным, скандальным, так что вскоре собравшиеся зрители (слуги и домочадцы Германа Карловича) стали свидетелем позора доктора – медицину попада- нец знал намного лучше него и сумел доказать это так, что поняли даже люди некомпетентные.

Пристыженный доктор ушёл, ругаясь на венгерском (князь успел выучить его за время кампании вполне прилично), а приказ Владимира выполнили, как и приказ о смене одежды и постельного белья. С того дня он взял своё выздоровление в собственные же руки, и дело пошло на лад. Выяснилось, что на лад оно могло пойти и раньше, но один из коллег медика устроил залихорадившему пациенту кровопускание. Вообще-то, оно было достаточно попу- лярным методом лечения, но не для раненого же, который и без того потерял уйму крови...

Диета, прогулки по особняку, дневной сон, а чуть погода – и лёгкая физкультура. На поправку улан шёл быстро – по местным меркам. Но всё равно выйти из особняка самостоя- тельно он смог только через две недели после первого купания. Да и то – с тростью...

Точнее, выйти-то он мог и раньше – в коляске. Были, оказывается, уже прообразы инва- лидных кресел. Хотелось на воздух – безумно, но не хотелось становиться таким символом – «раненым героем».

---

⁷⁰ Белые халаты и прочее появилось (или появится?) очень нескоро.

⁷¹ В Европе и вправду считали тогда, что мыться вредно. Дошло в итоге до того, что уже в конце XIX и даже начале XX века выходили брошюры, где описывалась польза мытья хотя бы один раз в неделю.

«Битва на мосту» оказалась, кстати, известна буквально всем.

– Да что ты удивляешься, князь, – с удовольствием просвещал его Кейзерлинг, – в одном бою уничтожить двадцать девять прусских кирасиров одному человеку...

– Сильно, конечно, – пожал исхудавшими плечами улан, – но сам же знаешь, Герман (они перешли на имена по предложению самого посланника), за кампанию бывали подвиги ничуть не худшие. Но такого... ажиотажа я не помню.

– Бывали, – согласился немец, – но какие? Пробраться в расположение противника и уничтожить запасы пороха. Полезно? Да, безусловно, вот только обыватели, да и большинство военных любят, чтобы подвиги совершались при свете дня, а не так... По-разбойничьи.

Князь скептически скривился, но промолчал – посланник европейскую публику знал лучше.

– Более значимым считается восхождение на крепостную стену или в пролом – первым, разумеется. Ну или лихая кавалерийская атака, переломившая битву. Твой же случай – просто апофеоз героизма. Суди сам: в одиночку накрошил целую кучу врагов, в одиночку же остановил целый кирасирский полк, и помимо полка ещё и весь отряд Евгения Вюртембергского задержал, обоз спас. В общем, успех Берлинской операции сильно от тебя зависел. Герой?

– Герой, – охотно согласился экстремал – он вообще не страдал ложной скромностью.

– Ну и наконец, – подмигнул ему хозяин дома, – ты ж настоящий персонаж рыцарской легенды! В одиночку на отряд могучего врага, да на белом коне... Мало того, ты ещё и последний представитель знатнейшего рода, князь, принц⁷²... И если герцогские титулы можно и оспорить, то титулы князя и принца – нет.

– Ох-х! – выдохнул Владимир. – Это ж за мной сейчас охота начнётся – каждая романтическая дура замуж захочет... – тут он замолк, сморщившись, как от зубной боли. Ну да, у славы есть не только приятные стороны.

«Дуры» были и раньше, но немного – княжеский титул был таким... не до конца подтверждённым, что ли. Ну а после той самой битвы уже не только в камерной беседе или приказе по армии именовать его стали вполне официально. Сначала Мария-Терезия как пример героизма, затем французы, саксонцы, русская императрица.

Вообще, подвиг его оказался выгоден с политической точки зрения буквально всем союзникам. Русские в очередной раз доказали всему миру, что кавалерия у них как минимум не хуже прусской, считавшейся на тот момент самой-самой, да смотрите – какими героями можете стать на нашей службе! Австрия и Франция – чтобы ткнуть носом зарвавшихся пруссаков и показать, что их армия не так уж страшна.

Более того, выгодна эта история оказалась даже англичанам... Они уже достигли своих целей в войне – отвоевали колонии, ну и решили, что это будет замечательным поводом сказать «фи» и начать рассказывать вечные английские истории о том, что все победы союзников были благодаря им, англичанам. А стоило только отойти в сторонку – так сами видите...

В конце концов, даже Фридрих, поскрипев зубами и разжаловав командира тех злополучных кирасиров, предпочёл сделать хорошую мину при плохой игре. Ну и объявил, что Грейфы всегда были прекрасными воинами, начав упираться на княжескую кровь и прочее.

Далее подключились обыватели и из попаданца начали лепить Рыцаря без страха и упрека. Честно говоря... Владимир был не против, но скажем так – в меру. А то некоторые явно увлеклись и начали выпекать какие-то слезливые истории, где он был представлен крайне романтичным героем, дающим налево и направо возвышенные обеты, рыдающим над загубленными птичками и хранящим девственность (чего?) ради Той Самой.

Парень понимал, что идиотизм рано или поздно пройдёт, а репутация грозного бойца – останется. Главное – суметь ею воспользоваться...

---

⁷² Последний правитель Померании имел несколько титулов, один из которых – принц Рюгенский.

Справедливости ради отметим, были и сиюминутные «плюшки». В частности, после захвата Берлина город вычистили так... Вывозили всё – не только золото-серебро, но и картины, драгоценную мебель, оружие, ткани, как и положено при нормальной мародёрке. Нормальной в понимании русской армии, то есть имущество выгребается, жители остаются целыми.

Выгребли нормально, и сейчас ему полагались трофеи; в первую очередь – пятнадцать тысяч талеров. Сумма не то чтобы колоссальная, но весьма и весьма солидная – небольшое состояние по любым меркам, особенно если учесть, что талер «стоил» шесть рублей. Командование решило, что спасение обоза и задержка отряда Евгения Вюртембергского здорово помогли, ну и...

Отдельно шли ткани, картины – ценность последних определяли на глазок, что сильно насмешило человека, собиравшегося в своё время стать дизайнером, пусть и компьютерным. Барахла было много, а ещё больше – подарков. Люди как будто сговорились – дары были на редкость единообразны.

Прежде всего, всевозможные клинки, затем – доспехи...

– Эпическая сила, их-то зачем? – удивился попаданец.

– В Петербурге продашь, – философски отозвался Кейзерлинг, – кирасы отменные, в гвардии за хорошую цену возьмут.

Наконец, кони, и почему-то прежде всего белоснежные. Видимо, в память о павшем Снежке... Горевал ли улан о коне? Да, но не сказать, чтобы слишком – это было похоже скорее на досаду от потери велосипеда или мотоцикла, чем живого существа. Ну да, к лошадям попаданец относился достаточно спокойно, но вот они его очень любили. Коней к настоящему моменту подарили целый табун – аж семнадцать штук.

Посланник едва не писал кипятком от восторга – кони были кирасирские.

– Не интересовался? – с удивлением спросил он у парня. К стыду своему, тот и в самом деле плавал порой в элементарных вопросах. Вот не укладывалась у него в голове вся важность лошадей, не привык он, что здесь они – единственное транспортное средство. Пахать, перевозить грузы, атаковать врага – везде лошади нужны...

– Хреново в России с породистыми лошадьми, – просвещал его Герман, – татарских лошадок полно, а толковых мало. Ни в плуг, ни в повозку, ни под седло... Вроде как в Смутное время перевели, а потом соседи восстановить не давали⁷³, так что твой табун – хороший подарок. Самое же главное, что «Героя битвы на мосту» вряд ли потревожат таможни.

– А что, армия мало коней затрофеила? – заинтересовался князь.

– Да немало, но скажем так, довести их до России будет непросто. Были уже случаи... – нехотя сказал немец, – всякие...

Время от времени к герою приходили прежние знакомцы – представители австрийской знати и офицеры. По просьбе посланника (улан потом узнал), серьёзных разговоров они не вели – так, байки. Впрочем, попаданец достаточно прилично ориентировался в светских хитросплетениях, чтобы вылавливать из забавных историй полезную информацию. Неполную, разумеется, но он снова стал понимать, что и как происходит при дворе блистательной Вены.

Как только он окреп в достаточной мере, чтобы передвигаться без трости, начались светские визиты – исключительно в карете. Восторженные горожанки норовили поиграть в обнимашки или швырнуть букетик. Учитывая бегущих по прекрасным дамам «зверушек», несанк-

---

⁷³ То, что породистых лошадей перевели в Смутное время – одна из версий. Однако то, что соседи не давали привозить взамен нормальных лошадей – факт. Что Польша, что Швеция, что другие страны принимали в своё время всяческие меры, чтобы рослые породы не попадали в Россию. Восстановление поголовья нормальных лошадей началось с Бирона. Говорить о нём можно много и всякого (вообще-то, человека некоторые историки сильно оболгали), но именно он завёл нормальные конезаводы и ухитрился завезти едва ли не первых рослых лошадей в достаточном для разведения количестве.

ционируемых обнимашек попаданец избегал. Да и букетики некоторые дамы составляли такие, что они могли вышибить глаз...

В декабре князя предупредили, что в его часть собираются дать бал. Расплывшись в «правильной» улыбке, Владимир поблагодарил посланника и Марию-Терезию в его лице. Когда же тот ушёл, парень тяжело упал в кресло и простонал:

– Да когда ж всё это закончится?!

Скромником он не был, да и светской жизни не боялся, однако и находиться в центре внимания было крайне неудобно. Возможно, когда-нибудь потом он искренне будет считать балы и приёмы праздниками, но пока – нет.

Приём улану не слишком понравился – жарко, душно, всеобщее внимание, не до конца оправился от ран... Однако все неприятности искупались простым фактом – ему вручили ордена.

Мария-Терезия – рыцарский крест своего имени, лично. А Август III Саксонец – король Польши и Саксонский курфюрст – вручил (через посланника) военный орден Святого Генриха. Приятно? А если учесть, что ордена нынче давали крайне скупое и мало кто из заслуженных царедворцев высокого ранга имел хотя бы один... То награждённый сразу двумя орденами человек становился известен всей Европе.

Глава десятая

Рождественские праздники пролетели в балах и приёмах. Однако пришлось несколько раз навестить католические храмы – редкое событие в жизни попаданца. За все эти годы Владимир посещал мессы и приходил на исповедь от силы раз тридцать, да и то выяснив предварительно, какие священники не слишком лезут в душу. Вот и сейчас:

- Грешен, отче.
- Убивал?
- Да, отче.
- Во время боя или разбойным путём?
- Во время боя.
- Отпускаю тебе грехи твои.
- Прелюбодействовал?
- Да, отче.
- Силком кого принуждал или угрозами?
- Нет, отче – всё по согласию.
- Отпускаю тебе грехи твои...

Остальная исповедь прошла в том же духе – без лишних подробностей. Выйдя из исповедальни с явным облегчением, Игорь перекрестился. Забавно, но его облегчение после исповеди все считали поведением искренне верующего человека, пусть и небрежного к церковной службе. На деле же экстремал чувствовал себя как во время прыжков по крышам: «Штирлиц никогда не был так близок к провалу». Попросту говоря, священникам и монахам он не слишком доверял, скептически относясь к тайне исповеди⁷⁴. При этом в душу те могли залезть так, что куда там дипломированным психологам...

---

⁷⁴ Всё правильно: католические священники могли принадлежать к какому-то специфическому ордену вроде иезуитов, где слова «к вящей славе Господней» оправдывали любые поступки, идущие на пользу католической церкви. У православных не лучше: со времён Петра I священнослужители обязаны были доносить властям на прихожан, даже если те *думают* что-то нехорошее об этих самых властях. Кстати, одна из причин, почему староверы не признали (и многие не признают до сих пор) РПЦ – они считали (вполне закономерно) священников РПЦ чиновниками, а не священниками.

Не так давно супруг Марии-Терезии, а по совместительству император Священной Римской империи германской нации⁷⁵, преподнёс князю подарок – вернул часть владений. Часть эта была достаточно символической и, по словам людей знающих, настолько разорена войной, что в ближайшие годы дохода от владений ожидать бессмысленно, да и потом не зажируешь.

Однако – статус. Дело в том, что Грифичи являлись рейхсфюрстами, то есть имперскими князьями, имеющими право голоса в Рейхстаге. После отстранения от власти и потери владений (в основном не совсем законными и откровенно незаконными методами) их звание подвисло. То есть князьями Грифичи оставались, но имперскими – как бы не совсем. С одной стороны, они принадлежали к старейшим, исконным князьям, и лишить их этого права не мог никто, с другой – рейхсфюрсты обязаны были иметь хотя бы символические ленные владения в Германской империи.

Ну а после подарка «непоняток» больше не было. Кстати, подарок был одним из «выморочных» поместий, на которое не нашлось достаточно близких законных наследников, так что императору возврат поместья законному владельцу не стоил ни единого талера.

Почесав в затылке, имперский князь посоветовался с Кейзерлингом...

– Сколько таких выморочных владений?.. – переспросил посланник, задумавшись. – Да много, пожалуй. Они там как пауки в банке – добрая половина владельцев сидит в поместьях не совсем законно, да и войны... Документы и в самом деле могут быть утрачены.

Герман с уважением взглянул на Владимира:

– Сработает. Не сразу – на годы растянется, но сработает.

А решение улана было простым: из трофейных талеров он отсыпал три тысячи одной из самых уважаемых адвокатских контор и поручил заняться возвратом поместий. Обстановка сейчас достаточно благоприятная с политической точки зрения – Мария-Терезия и император германский непременно поддержат его, ведь владения эти в большинстве своём находятся в Пруссии – исконного врага Австрии. Ну а оторвать их сам бог велел...

Другая часть владений принадлежала союзной Швеции, но там помнили, что некогда представители Померанской династии правили страной – и достаточно успешно. Так что явного отторжения идея возвращения Грифичей в большую политику у шведской аристократии не вызывала. То есть противников хватало, но так – в меру.

Забавно, но после этого попаданец стал формальным главой государства, если верить юристам. Имперский князь? Да! Земля есть? Тоже да. Ну и всё – согласно неким замшелым (но действующим) законам, теперь он мог отправлять посольства, содержать двор или армию и награждать орденами и титулами. Но лучше не увлекаться, ибо глава-то он глава, но всё-таки формальный, а точнее даже – условный.

Императору пришлось делать ответный подарок – сроком на один год делегировать ему свой голос в Рейхстаге. Будет сотрудничество и дальнейшая помощь – будет голосование в нужном ключе...

Во время рождественских праздников уланский полк наконец-то прибыл на зимние квартиры – в тот самый дворец, где они останавливались в прошлом году.

– Да сам хозяин и предложил, – довольно сказал Лисын, выросший до сержанта. Бесцеремонно и даже несколько вызывающе развалившись в кресле, он поедая один апельсин за другим и рассказывал новости.

– Ну ты же помнишь, как мы стояли – ничего не порушили, разве что в нескольких залах сделали печки да деревянные перегородки. А так – чистенько и даже кое-что подремонтировали.

---

⁷⁵ Титул выборный и достаточно символический, да и сама империя откровенно аморфная. Однако политический вес в Европе всё-таки значительный.

Сержант вгрызся в сочный, но откровенно кисловатый (по мнению попаданца, здесь селекция только изрождалась) апельсин и несколько невнятно продолжил:

– Походил после нашего отъезда, посмотрел и сам предложил свой дворец нашему полку. А что? Деньги за постой приличные, ремонт после нас не нужен... Знаешь, даже поварих и прачек из своих деревень нанял – говорит, так будет честно, плату за аренду нужно отрабатывать.

После захвата Берлина и последующих сражений на улан просыпался очередной дождь повышений в званиях и наград. Самого попаданца наградами от русского правительства пока обошли, но Чернышёв уверенно говорил, что наградят в Петербурге – недаром уже вызвали. Ну а остальные...

Рысьев стал полковником и получил от Елизаветы табакерку⁷⁶ и небольшое, но крепкое имение неподалёку от столицы, так что выходец из родовитой, но нищей семьи был совершенно счастлив. Бригадир Пушкарёв, бывший командир полка, получил орден Александра Невского и повышение до генерал-майора за умелое руководство конницей. Поместья он не получил, но был пожалован деньгами, и это с учётом того, что за Берлинскую экспедицию он уже получил кругленькую сумму – трофейную.

Награды (нет, орденов больше не было – были всевозможные табакерки и перстни) и звания не обошли и остальных уланов, да и сам полк. В частности, в дополнение к уже имеющимся серебряным трубам были пожалованы серебряные накладки на эфесы сабель, где было выведено – «Крылатые». В сопроводительном документе было объяснено, что такой девиз им даруется за то, что «в жизни мирной они кротки как голуби, на войне же они бьют врага соколами». На самом деле, объяснение было намного длиннее и запутанней – так здесь принято. Просто мозг попаданца сократил его под привычные стандарты, оставив только суть.

В окрестностях Вены остановились не только уланы, так что офицер нанёс визиты всем «своим» полкам. Передвигаться пока приходилось в карете – верхом быстро уставал. Вообще, после ранения он сильно похудел и ослаб, потеряв килограммов пятнадцать живого веса, и это при том, что всегда был худощав.

Из-за постоянных светских визитов князь оставался в особняке Кейзерлинга, куда переехал и Тимоня.

– Ну всё, княже, хрен ты от меня отделаешься, – довольным тоном произнёс денщик, едва вошёл в комнату. Странно слушать такое от слуги? Ну так денщик, с которым ты рубился в одном строю, не совсем слуга, а если и слуга, то доверенный, которому позволено намного больше.

В середине января подморозило, и давно уже готовый обоз тронулся к Петербургу. Ехало порядка пятисот саней и карет – отпускники и выздоравливающие, покалеченные. Ну и, конечно, трофеи. У Владимира набралось больше тридцати повозок – в основном мебель, сукно и прочее в том же духе. Поскольку транспортные расходы решила оплатить казна, то улан долго не думал и потащил в Петербург буквально все трофеи и подарки. В качестве возничих нанял покалеченных и раненых солдат – повозки будут под надёжным присмотром, да и сами вояки поедут с комфортом, заработав по пути немного денег.

Ехать пришлось через Польшу, чтобы не нарезать круги. Ну а Польша... Одним словом – бардак. Несколько раз обоз останавливали какие-то паны, требовавшие непонятно чего. То ли платы за проезд по своим землям, то ли просто надеялись запутать русских вояк и получить хоть малую денежку или барахло на халяву. Хотя время от времени встречались и доброхоты, интересующиеся новостями из первых руки в обмен на гостеприимство.

---

⁷⁶ Подарок «с царского плеча» в те времена равнялся ордену. Могли подарить кольцо с вензелем, табакерку, царский портрет в золотой раме для ношения на груди и прочее.

– Жуть, – сообщил Тимоня, бесцеремонно залезая в карету к господину, – я уже не первую деревню проезжаю и скажу тебе, княже, такой нищеты на Руси не видели.

Вопросительного взгляда денщику хватило, и сведения полились рекой:

– Земля богатая и родит хорошо, а забирают почитай всё – только-только на прокорм оставляют⁷⁷. Ну а чтоб лучше деньгу выколачивать, отдают деревеньки евреям-арендаторам или нанимают их управляющими. Ну а это племя и радо стараться – так сетями опутает, что последнее выгребают.

Ближе к Курляндии очередной доброхот подскакал к карете.

– Пшепрашем пана, – вежливо поклонился красочно одетый поляк лет тридцати пяти, на роскошном коне и с богатой саблей на боку, – я узнал, что неподалёку от моих владений проезжает сам Рыцарь Моста (ага, именно так и сказал!), и не смог удержаться. Домашние не простят, если Яцек Ковальчик⁷⁸ не сможет привезти вас в своё имение на ужин.

Приветствие было произнесено на польском, но затем речь велась на неплохом французском. Владимир не был в восторге, но сидевшие в его карете попутчики-кавалеристы, развлекавшие князя беседой, пришли от идеи в восторг и уговорили улана.

– Ладно, – нехотя согласился тот, – только учтите, ем я мало, да и алкоголь почти не употребляю.

Предупредил не зря – польские пиры на всю Европу славились неумеренным пьянством и обжорством.

Имение располагалось недалеко и, нужно сказать, было достаточно ухоженным. Однако проехать пришлось через одну из принадлежащих Ковальчику деревень, и впечатление безысходности резануло попаданца по сердцу. Таких истощённых и боязливых лиц он давно не наблюдал...

– Пане Ковальчик, – кинулся от крыльца какой-то красочно одетый тип и принялся облизывать своего господина. Не буквально, но рядом – сперва поцеловал носок его сапога⁷⁹, затем полу развевающего одеяния. Практически тут же выскочила целая толпа таких же лакеев и принялась обхаживать своего господина и его гостей.

– Моя супруга, Ева Ковальчик, – представил поляк дородную женщину, – урождённая Косцелецкая.

– Имперский князь Грифич, принц Рюген, – вежливо склонился офицер, целуя полную руку. Почти тут же налетела целая орава шляхтичей и шляхтянок, причём к удивлению Владимира – часть встречавших их слуг тоже оказалась шляхтичами.

Стол уже был накрыт, ну да не сложно отследить медленно плетущийся обоз. Грянул оркестр – роговая музыка, восхитившая попаданца. Как только хозяин начал есть, остальные шляхтичи тоже накинулись на еду. Что интересно, столы для дворян побогаче и дворян-приживал отличались – блюда у приживал были заметно проще.

– Ах, расскажите мне, принц, про Битву у Моста! – Прижималась к нему одна из дочерей хозяина, особа довольно симпатичная, если вам нравятся пухлые блондинки со складочками. К тому же она так произносила слово «принц», что было понятно: в её мечтах они уже венчаются в церкви.

– Да ничего особенного, пани Агнешка, они хотели проехать через мост, я хотел им помешать.

---

⁷⁷ Абсолютная правда: многие исследователи считают, что именно в Польше крепостничество было самым жестоким. Вплоть до того, что пан мог повесить своего холопа, пытать его – да что угодно делать! Впрочем, во многих немецких землях ситуация была не лучше. В России же формы крепостничества были намного мягче. Другое дело, что в Европе все формы рабства потеряли силу к концу XVIII – началу XIX века, в нашем же Отечестве – аж до 1861 года. Да и то, ситуацию повернули таким образом, что по многим позициям крестьянина ещё больше ограничили в правах. Отсюда и корни революций.

⁷⁸ Все совпадения имён и фамилий случайны.

⁷⁹ Подобные сценки можно встретить в произведениях самих польских писателей.

– Князь, вы такой храбрый... и немногословный...

Дочка хлебосольного хозяина флиртовала так откровенно, что едва не вытаскивала его член из штанов. Во всяком случае, её руки со своего паха улан уже несколько раз снимал. Родители упорно не замечали откровенно шлюховатого поведения дочери. Ну да – она делает всё, чтобы скомпрометировать гостя, а потом – свадебные колокола и родство с Грифичами...

Офицеру стало противно, и градус вежливости в разговоре заметно понизился. Ну а когда объявили мазурку, он предпочёл выйти из-за стола. Пусть он ещё не поправился толком, но раны зажили и уже неделю как улан упражнялся с клинками. По его меркам – выходило позорище несусветное, но по меркам нормальных людей – уровень отменного рубаки.

Все три варианта он умел танцевать – научился за время кампании. Само собой разумеется, что в его исполнении этот танец был таким красивым и ярким, что остальные танцующие остановились и принялись наблюдать. Закончив, он раскланялся со своей партнёршей, но тут же был окружён следующими. Хозяева дома пытались было растолкать девушек, чтобы впихнуть свою дочку, но не вышло – *приз* в виде имперского князя затуманил женщинам сознание.

Танцевали, ели, пили, и хозяева упорно пытались напоить-накормить гостя. Наконец, видя, что русские офицеры просто не привыкли столько жрать и пить и уже заскучали, Ковальчик предложил поиграть в «Ку-ку». Заинтересовавшимся офицерам он ничего не стал объяснять, только ухмылялся с загадочным видом. Было видно, что сам он и домочадцы с большинством гостей считают эту игру крайне интересной. Однако чтобы узнать, по какой-то причине, пришлось ждать около полчаса.

Наконец, Ковальчик попросил всех одеться, и заинтригованные гости пошли за ним по утопанному снегу. Следом гомонящей, развесёлой толпой шли аборигены. Дошли до опушки елового леса, где слуги вручили всем ружья.

– Дробью заряжены, – зачем-то пояснил хозяин князю, затем прокричал на польском что-то вроде (Владимир неплохо выучил язык, но здесь в каждой области были свои диалекты) «Пусть кукушки кричат».

– Ку-ку! – раздалось почти тут же. Звук был какой-то ненатуральный, но Яцек с азартом развернулся и выстрелил. Место заволкло дымом, а когда развеялось, то помертвевший улан увидел лежащую на земле стонущую женщину с окровавленной спиной.

– С почином вас! Меткий выстрел! Как вы сняли эту кукушку!⁸⁰ – раздалось из толпы.

– Холопок посадил на деревья, – доверительно наклонился к офицеру поляк, – пусть кукуют.

Сказав это, он рассмеялся весёлым, заливистым смехом порядочного человека...

Молча развернувшись, князь пошёл назад, за ним двинулись и остальные офицеры.

– Пανε, куда же вы! – несло им вслед. Однако шли они так быстро, что поляки просто не догнали их.

– Готовьте кареты, – приказал поручик слугам, – уезжаем немедленно.

Запрягли очень быстро – Ковальчик со свитой только-только успел подойти.

– Ну что же вы, Панове, – растерянно сказал он. В синих, широко распахнутых глазах было непонимание происходящего.

– Тимоня, подай-ка мне один из *тех* кошель, – вместо ответа приказал улан.

– Княже... – заныл денщик, уже просчитавший происходящее. Однако под взглядом командира заткнулся и полез в недра кареты, что-то недовольно бурча. Пан растерянно переминался рядом, пытаясь спасти положение, но он даже не понимал, в каком направлении ему нужно действовать.

– Держи, княже, – шмыгнул носом Тимоня и протянул увесистый кошель с талерами.

---

⁸⁰ Абсолютно реальный случай в Польше того времени. Более того – достаточно рядовой.

– Пан Яцек Ковальчик, пани Ева Ковальчик, – коротко поклонился Владимир, – сегодня мы ели ваш хлеб-соль как гости. Однако после увиденного мы не можем считать вас людьми – люди так себя не ведут. Поэтому прошу принять деньги...

С этими словами он высыпал на снег талеры. Присутствующие ахнули: и от оскорбления, и от суммы, валяющейся на снегу.

– Не знаю, сможете ли вы поднять эти деньги, ведь нечистая сила не любит серебра. Однако даже бесам... – толпа снова ахнула, – нужно платить, когда ешь их пищу. Выстрелив в тех несчастных, мы заплатили бы душами, а так – только серебром.

Сказав это, Грифич без лишних слов сел в карету, разместились в каретах и остальные офицеры.

– Трогай, – приказал он кучеру.

Часть третья Санкт-Петербург

Глава первая

Хотелось бы написать, что прибытие имперского князя в Санкт-Петербург было триумфальным, но чего не было, того не было. Обоз с усталыми лошадьми постепенно рассосался в разных направлениях, и к уланской слободе прибыло где-то с полсотни повозок, из которых почти три десятка – собственность попаданца. Расплатившись по чести с возничими-солдатами и отправив их в распоряжение собственных полков, Владимир же вылез из мехов, скинул епанчу⁸¹ и вместе с Тимоней и несколькими солдатами принялся растаскивать добро по чуланам.

– Эк, – растерянно сказал верный денщик, – ну мы и обросли имуществом.

Он не отделял себя от командира. «Экать» было от чего – барахло банально не помещалось в доме... Ну да, попаданец просто забыл об этом факте, а точнее даже не забыл – он как-то не уложился в голове. Впрочем, на помощь пришли сослуживцы и взяли добро на сохранение. Отпарившись в полковой бане (были и свои, но полковая считалась «дежурной» и топилась каждый день) и отославшись, с самого утра улан принялся наносить визиты.

– Экий ты важный стал! – отечески сообщил ему престарелый однорукий ротмистр Корнев Илья Лукич, оставленный на хозяйстве. – Грифич, значит...

– Он самый, Илья Лукич.

Беззубо (пятьдесят шесть годиков, что вы хотите!) улыбнувшись и обдав поручика запахом табака, капитан сказал тихонечко:

– Я ишо полтора года назад понял, кто ты.

– Не удивлён, Илья Лукич, – вежливо согласился офицер, – с вашим-то опытом и умом...

Вдоволь наобщавшись с офицерами, унтерами и ветеранами (Да ты што, Ванька уже фельдфебель? Ну не зря я его гонял, не зря), принялся наносить визиты «дружественным» полкам. Не то чтобы очень хотелось, но так положено в эти времена – письма идут нечасто, да и грамотность у многих хромает, а информация из первых уст да рассказы о геройствах сослуживцев очень востребованы. Впрочем, не только о геройствах...

– С бабы снял? С баронессы?! – хохочут егеря. – А она?

– А что она? – хмыкает поручик. – Швырнула в меня туфлей и свиньёй обозвала – дескать «вдовствует уже пятый год и по мужику изголодалась, а в их провинции взглянуть на соседа нельзя, чтобы гулящей не ославили. А вот так вот никто не осудит: насилие над женщинами на войне дело привычное». Так что прогнала меня вон, а Трифону велела продолжать.

Дружный мужской хохот не прекращался долго.

Вообще, попаданец обнаружил, что знание множества забавных историй из будущего и колоссальное количество всевозможного «мусора» в голове сделало его великолепным рассказчиком. Не сразу, понятное дело – сперва нужно было понять, что здесь считается смешным. Так и с этой историей – чуть акценты сдвинул, и смешно стало. На самом-то деле та баронесса рыдала, рассказывая о завистливых соседях, имущественной тяжбе и женской неустроенности. Так что Трифону пришлось стараться не только в постели, но и поработать психотерапевтом (а немецкий за годы кампании он немного освоил) в промежутках между...

---

⁸¹ *Епанча* — широкий безрукавный круглый плащ с капюшоном из сукна или войлока, пропитанный олифой.

Хвала небесам, что хоть трофеи можно было продавать через Илью Лукича. Капитан давно уже наладил неплохие связи с местными купцами-портными-кузнецами и прочими ремесленниками и продавал барахло за достаточно приличную цену, не забывая и себя, понятное дело.

– Ну с сукном ты неплохо разживёшься, – оглядел залежи капитан, – где-то на тысячу талеров точно потянет. А вот что делать с остальным барахлом, понятия не имею. Тут уж как повезёт.

Поручик и сам не знал, что ему делать со всевозможными портретами, посудными сервизами и прочим. Досталось вот согласно жеребьёвке, но те же фарфоровые сервизы... Для уланского поручика они слишком хороши, а для имперского князя и кавалера двух орденов – мусор...

– А знаешь что, Лукич? Почему бы не выставить всё это барахло, и не только моё, как в лавках выставляют. Народ-то у нас разъехался, так что какой-никакой амбар найдётся. Да пустить слух промеж штатских, что здесь можно трофеями из Пруссии разжиться. И вот ещё что: я в живописи да в искусстве мала-мала разбираюсь, так что сам понимаешь, могу дать нормальную оценку.

– Да где ж ты раньше был?! – вырвалось у капитана.

Разбирался с барахлом, прерывая это увлекательное (без шуток – вещи попадались порой очень интересные) занятие визитами, ровно неделю. За это время не было никаких гонцов из дворца...

– Да болеет матушка, – с сочувствием сказал знакомый гренадер, – она сейчас вообще плоха. Дай бог, хоть этот год переживёт...

Выдав информацию, гвардейский сержант перекрестился на купола ближайшей церкви и пошёл дальше, откровенно пошатываясь. Ну что вы хотели – трезвая гвардия, это нонсенс...

Гонец прибыл на восьмой день – молодой чиновник невысокого ранга. Он с таким откровенным восторгом смотрел на князя, что Владимир не выдержал и подарил молодому (лет шестнадцать от силы) парню одну из трофейных сабель.

– При Кунерсдорфе взял, хороший боец ей владел.

Парень аж прослезился от чувств – клинок и в самом деле был хорош, да с историей, да подарок Рыцаря Моста... В общем, улан не успел опомниться, как Яков Сирий успел записаться «в команду» и начал вываливать новости, снабжая поручика ценной информацией.

«Матушка Елизавета» любила устраивать праздники и решила устроить праздник в его честь. Поскольку она болела и капризничала, то праздник откладывался, как и общение с императрицей. Такому поведению никто не удивлялся – привыкли...

Сейчас Елизавета Петровна пошла на поправку, настроение улучшилось, так что она затеяла маскарад – поэтому и гонец.

– К портному должен вас отвести, – откровенничал Яков. – Какой костюм? Вот уж не знаю... Вроде как будет вам два мундира и что-то машкарадное. А вот что... – Юноша растерянно развёл руками. Императрица славилась чудачествами, и угадать её желания было порой весьма проблематично.

Оседлав Звёздочку... Да, ту самую кобылу, выданную ещё рядовому улану. Пусть она была и не самых лучших кровей, но о ней единственной попаданец горевал бы, если б та погибла. Вот и берёт, выезжая только в тех случаях, когда предполагалась обычная прогулка. В компании с молодым чиновником улан отправился к портному, жившему сравнительно неподалёку от дворца в богатом собственном доме. Не придворный портной, но близко, так что не бедствовал.

Поскольку ордена цеплять офицер не стал, да и ехал в изрядно потрёпанном мундире, то особо не глазели. Правда, попадались и внимательные.

– Ваша светлость! – Вытянулся покалеченный солдат, выходящий из кабака.

– Светлость, светлость, – согласился князь, глядя на егерский мундир, – а ты случаем не Ефим Смолянин?

– Он самый, – приосанился егерь.

– Как же, помню... На вот, – Владимир покопался и вытащил полтину, – поправь здоровье.

Портной с домочадцами встретил улана суетливо, окружив заботой.

– Какой красивый молодой человек, – льстиво забубнил портной, обмеряя поручика. Однако через несколько минут несколько успокоился, увидев, что клиент не реагирует на комплименты. Ну да, здесь работали достаточно примитивно, так что на закалённого реалиями двадцать первого века такие кунштюки действовали слабо.

Александр Иванов, тот самый портной, был крещёным евреем, но крещённым явно для вида – вряд ли в доме православного человека уместна кипа. Впрочем, это попаданец благодаря интернету подметил такую деталь, а обычный русак из этого времени вряд ли понял бы, что это такое. Да плевать... Пусть он и не одобрял лицемерие, но не ему судить людей...

Обмеры заняли около часа – и не только возня с измерительной лентой. Ему пришлось надевать какие-то мундиры и штаны, смётанные откровенно «на живую нитку», и принимать в них причудливые позы.

– Ножку отставьте в сторону, как в танце. Так, замечательно... – бубнил портной, делая какие-то пометки прямо на материи.

– Руки вытянете вверх, ваша светлость, – и офицер послушно вытягивает, – ага... Ох, какая у вас грудная клетка! Вдохните как можно глубже... А теперь выдохните... Ничего себе...

Ремесленник с озадаченным видом уставился на аршин.

– Сложный вы клиент, князь.

Владимир вопросительно посмотрел на портного.

– Фигура у вас – хоть статуи лепи, хоть и худа чересчур... Ах да, вы же ещё от ран не оправились... Понимаете, пропорции непривычны – талия у вас, как не у всякой девушки, а плечи даже после ранения – не у всякого амбала⁸² такие. Непривычно, у господ придворных обычно животики...

Тут он задумался о чём-то своём, шевеля губами, и опомнился где-то через минуту.

– Ой, не беспокойтесь, старый Соломо... Александр сделает всё в лучшем виде! Это я так...

Кстати, Яков прояснил и не совсем понятную ситуацию с отсутствием приглашений от аристократии. В нормальной ситуации улана бы просто замучили визитами, даже если бы он не был аристократом. А так, только старые товарищи из окрестных полков.

Виновницей такого отношения была Елисавета Петровна. Императрица не слишком вникала в государственные дела, но вот праздники и развлечения были только её вотчиной. Если кто-то переходил дорогу, то гнев «матушки» мог сломать человеку судьбу. Формально смертной казни в России не было, но оставались такие «милые» обычаи, как дранье ноздрей, и нужно сказать, что истинная «дщерь Петрова» не слишком стеснялась в применении подобных средств.

---

⁸² Амбал — грузчик.

В чём-то серьёзном придворные могли бы пойти против её воли – те же государственные дела, к примеру. Но вот развлечения... И князь до самого приёма должен оставаться в своеобразном вакууме.

Через неделю был готов парадный мундир, а ещё через три дня сияющий Яков Сирин влетел в слободу на калмыцкой лошадке.

– Через два дня приём в вашу честь, – выпалил он с порога.

– Присаживайся, – флегматично отреагировал Владимир, – щи будешь?

Парень было удивился, видя такое спокойствие, но быстро отошёл.

– Буду! – И засмеялся. – В конце концов, не каждый может похвастаться, что ел за одним столом с имперским князем и тот сам наливал ему щи!

Причина такого спокойствия проста – перегорело. Ну что такого может быть на приёме? Дадут новое звание или орден, может, имение какое или денег подкинут. Интрига заключалась в том, что он не знал, какая именно «плюшка» ему обломится. Но откровенно говоря... устраивала любая.

А если вдруг не устроит... Нет, ну мало ли – пусть он и патриот России, но всё может быть... Так вот, если не устроят, то было приглашение на военную службу от Марии-Терезии, от её супруга Франца-Стефана, от французского Людовика XV, от испанского Карла III и целой кучи монархов поменьше. Все они обещали ему полк под командование, а Людовик XV – ещё и поместье, причём немедленно...

Глава вторая

Чтобы доставить улана в Зимний дворец, императрица прислала карету с парой лакеев на запятках. Кстати говоря, лакеям там было вполне удобно, да и нужны они были не только для «понтон». Открыть дверь кареты и помочь выбраться – это не самое главное, важнее были сильные руки, помогающие вытаскивать увязшую карету из грязи. Ну да, погода была такая, что не слишком-то и понятно – одевать обратно колёса или ехать на полозьях...

Впрочем, доехали благополучно. Доехали – потому что в качестве чичероне⁸³ к князю приставили Якова. Молодой чиновник шёл сзади-справа и негромко подсказывал, куда повернуть. Тимоню тоже пропустили во дворец, и денщик шёл чрезвычайно важный, свысока поглядывая на лакеев и слуг.

Нужно сказать, что какой-то повод для гордости у него был – денщик, особенно доверенный, занимал достаточно привилегированное положение в мире слуг. Ну и Тимоня гордился ещё и тем, что *пока* он – слуга единственный, да ещё и у имперского князя. Статус, между прочим, нешуточный. Владимир уже выяснил, что служить к нему с охотой пошли бы и многие дворяне...

Шли по коридорам, затем через анфиладу залов. Нужно сказать, что народу навстречу попадалось много – и не только слуг. Были и явные дворяне, но скажем так – несколько потёртого вида. Вопросительно посмотрев на Якова, Владимир дождался ответа – «форма допуска» у всех разная.

– Кто знатней да в фаворе могут и поближе пройти, ну а остальные едва ли не в передней толкуются, – несколько образно выразился Сирин.

Наконец, сопровождающий лакей замедлил шаги, сделав их ещё более торжественными. Жезлом он сделал отмашку, и стоящий у дверей красномордый глашатай объявил певческим басом:

– Его высочество, имперский князь Грифич, принц Рюген!

Сказав это, он отошёл в сторону, освобождая проход.

---

⁸³ Чичероне — проводник, гид.

Императрица поднялась из кресла и сделала несколько шагов навстречу – большая честь, если знать о неважном состоянии ее здоровья.

– Так вот ты какой, принц из сказки, – удивительно женственным голосом сказала она, лукаво улыбаясь, и протянула руку для поцелуя.

Улан склонился по всем правилам и еле заметно прикоснулся губами к нежной надушенной коже.

– Ваше величество, – нейтрально поприветствовал он Елизавету, едва заметно улыбаясь и откровенно ее разглядывая.

Была в нём такая черта, что если начинали сдавать нервы, вылезала какая-то наглость.

– Ну что, хороша? – кокетливым голосом спросила государыня.

– Сбросить бы вам лет десять, – «кобелиным» голосом ответил экстремал.

Императрица расхохоталась по-девичьи и хлопнула офицера веером по плечу:

– Вижу, вижу... Погибель бабья... Ладно, повеселимся потом, а сейчас – торжественная часть.

Тут она сделала рукой еле уловимый жест, после которого музыка и разговоры утихли.

– Князь Грифич, принц Рюгенский... Три с половиной года назад ты поступил на мою службу в качестве рядового улана. Не стал чваниться родом и требовать привилегий – ты делом доказал, что являешься настоящим князем из старинного рода, завоевав себе славу воинскую. Много славных дел числится за тобой: ведомо нам, что именно ты остановил атаку драгун при Кунерсдорфе и от тебя улепётывал Фридрих после той баталии. Ведомо и о Битве на Мосту...

Елизавета остановилась, делая драматическую паузу и одновременно переводя дух. Стоящий напротив неё попаданец хорошо видел, что речь далась ей совсем нелегко...

– Много хорошего сделал ты в эту кампанию, и не зря государи иностранные наградили тебя орденами. Я тоже не хочу быть неблагодарной и жалую тебе орден Святого Александра Невского и звание подполковника уланского!

Были овации, возгласы «Виват!» и прочие изъявления восторга от придворной публики. Сам же князь только поклонился слегка, но зато сумел выразить благодарность глазами и, судя по ответной улыбке государыни – удачно. Затем посыпались и другие плюшки – звание поручика «за штатом» (но с жалованьем!⁸⁴) Семёновского полка, два невнятных придворных звания... Как понял Владимир, они нужны просто для того, чтобы их обладатель получал какую-то денежку и имел право приходить во дворец без лишних церемоний.

Снова началось веселье и танцы, а поскольку сама Елизавета танцевать не могла, то просто сидела в кресле, наблюдая за придворными. Князя от себя она пока не отпускала, велел принести ему табуреточку. По понятиям русского двора – честь немалая.

Государыню интересовала масса вещей, но ход её мыслей был причудлив настолько, что новоиспеченный подполковник никак не мог понять логику. Сейчас она расспрашивает о военном походе, тут же перескакивает на фигуры танца, затем на обсуждение большой политики, дуэльные поединки...

– Так значит, не встречал равных? – странным тоном произносит императрица.

– Нет, государыня. Когда помоложе был, да – встречал я мастеров биться на клинках и на кулачках куда сильнее меня. Но вот за последние... Да года три, пожалуй – нет.

– А среди немцев – там, говорят, знатные кулачники... – чуточку ревнивым голосом спросила женщина.

– Не сказал бы, – пожал плечами офицер, – для меня они все как детишки малые. Какая разница, кого розгой отстегать – восьмилетнего сорванца или семилетнего.

– Детишки, значит, – засмеялась Елизавета, – ой уморил! А Орловы?

---

⁸⁴ Звания «за штатом» обычно не оплачивались и были почётной синекурой для состоятельных бездельников.

– А что Орловы? Я вон, ещё когда сержантом был, с французски-ми кирасирами схлестнулся... Каюсь, сильно нетрезв был... Ну и положил их почти два десятка. Правда – и самому прилично досталось, народ там крупный служит, да и французы большие мастера на кулачках.

– А я думала, это просто байка какая-то, – произнесла немолодая женщина, с новым интересом поглядывая на князя.

Тот не ответил, только слегка улыбнулся.

Пообщавшись таким образом с самой императрицей и её приближёнными – в основном с графом Шуваловым, он услышал неожиданную фразу:

– Я велела перенести ваши вещи в Зимний дворец, – с милой улыбкой сказала государыня, – вы же не откажетесь развлекать меня своими рассказами?

Несмотря на пофигизм попаданца, к такому самоуправству он не привык, и «держать лицо» у него не получилось.

– Я вам хорошие покои подобрала, ваш... Тимоня уже осваивается. Ну всё, молодой человек, можете не развлекать старуху – идите, да потанцуйте. Говорили мне, что и танцор ты (в процессе разговора женщина постоянно переходила с «ты» на «вы») прекрасный.

Спорить с императрицей... Ну да, он и сам числится имперским князем и принцем. Вот только разница в том, что за ним не стоят войска. Так что промолчал... Да и откровенно говоря, а с чем спорить-то? Бесцеремонно – это да, а в остальном... Ну понятно же, что придворные и сама Елизавета не скоро выпустят новое «развлечение», и пришлось бы ему мотаться в Зимний почти каждый день, да постоянно оставаться там с ночёвкой.

Через месяц пребывания во дворце улан совершенно здесь освоился и мог гулять буквально с закрытыми глазами. Освоился и Тимоня, встав достаточно высоко в местной иерархии слуг. Нет-нет, помогли в этом не заслуги хозяина и не собственные медали, висевшие на груди. Аристократов и храбрецов во дворце было полно, а вот кулачных бойцов...

Денщик использовался попаданцем как постоянный спарринг-партнёр, и нужно сказать, мастерство у слуги выросло более чем заметно – не только рукопашное, но и фехтовальное. Последнее, кстати, очень заметно, и Тимоня вошёл примерно у десятку лучших рубак и фехтовальщиков полка – при том, что и у остальных уланов средний уровень был куда как высок. Если бы не его «детскость» в обыденной жизни, давно бы уже стал унтером.

– Опять? – сурово спросил спортсмен шмыгающего носом парня. – И с кем на этот раз?

– С лакеями жены наследника.

– А с ними-то ты чего не поделил?!

– А чего они...

Тимоня в своём репертуаре... Пожрать и подраться – первейшие удовольствия, и хорошо ещё, что к спиртному более или менее устойчив.

Нужно сказать, что в такой ситуации во многом был виноват и сам князь, распустивший своего слугу. Ну в самом деле, вычистить сапоги да сбежать по поручениям – разве ж это работа... Ну клинками ещё помахать да от кулаков хозяина поуворачиваться... Сколько это займёт? Три-пять часов, не более. А что потом? Вот и озверел от безделья человек...

С Тимоней разобрался просто – теперь тот бегал к писарю обучаться грамоте. Буквы-то он разбирал, но с горем пополам, а уж нормально писать – об этом и речи не было. От писаря бежать приходилось к одному из слуг наследника, взявшегося подтянуть немецкий денщика до приемлемого уровня, а не «Сколько солдат? Где все бабы? Давай шнапс, быстро!»

Разговорный немецкий давался денщику на диво легко, а вот с грамотностью возникли проблемы... Впрочем, свежеиспечённому подполковнику было откровенно плевать на это – солдат должен быть при деле!

К апрелю распутица прошла, и улан вознамерился было вернуться в армию. Не тут-то было! Пик его популярности пока не прошёл, так что Елизавета использовала парня как экзотическую зверушку в зоопарке, чей удел привлекать посетителей. К тому же партии наследника и его супруги вознамерились перетянуть его на свои стороны.

Именно свои – они сильно враждовали. Кстати говоря, он в очередной раз удостоверился, что мир – точно параллельный. Вся информация (очень мало) по данному периоду, известному из прошлой жизни, давно была проверена и перепроверена. Память упорно говорила, что Пётр Федорович – редкий кретин⁸⁵, в реальности же он видел умного, прекрасно образованного и доброго человека⁸⁶, единственный недостаток которого – нежелание влезать в придворные интриги... Желание принести благо государству Российскому.

Что интересно, под государством он подразумевал самые широкие слои населения, то есть крестьян, мещан, мелкое дворянство и казачество. По мнению попаданца, вполне логично, ведь именно они приносили казне доход и защищали границы.

Екатерина также радела о благе государства, но исключительно о «лучшей» его части, то есть аристократии. Учитывая память попаданца и его воспоминания о будущем, хорошего от такого подхода он не ждал... Да и Екатерина здесь как-то не тянула на «Великую».

Женщиной она была, несомненно, умной и образованной, а главное – умеющей сходитьсь с людьми. Но жажда власти и... Будем говорить прямо – «слабость на передок» заставляла князя задуматься. Как только он представил переворот в её исполнении, ему поплохело – это ж гарантированная олигархическая система с дальнейшим закрепощением крестьян.

Елизавета вот – пусть и вполне законная императрица, но и она пришла к власти после переворота. А результат? Пришлось расплачиваться всё теми же крестьянами и... Образовалась своеобразная каста, которой было позволено почти всё. Что будет, если на престол в результате переворота взойдёт Екатерина, не имеющая *никаких* прав...

Да известно что – крестьян будет раздавать миллионами, предварительно их закрепощая⁸⁷. Тем, кто помог осуществить переворот, да любовникам, да... В общем, экономике хана.

Он не помнил, да и не понимал, как справилась Екатерина в *том* мире, но экспериментировать ему не хотелось. «Умирать нужно за что-то стоящее», и он счёл, что законный, умный и склонный к реформам на благо народа Пётр лучше своей супруги, брак с которой держался исключительно на воле Елизаветы. По словам придворных, вместе они не спали уже несколько лет, и не импотенция Петра тому виной, любовница у него была. По словам самого Петра Фёдоровича, которому надоела роль рогоносца, он просто брезговал...

Впрочем, поводов для беспокойства пока не было, и каких-то нехороших разговоров не велось. Так, велись своеобразные беседы в гвардейских казармах, но не серьёзные. Да и велись они постоянно – после участия в нескольких переворотах гвардия решила, что «право имеет». В войсках, да и в народе наследника любили.

Несмотря на твёрдое решение, Владимир стал держать формальный нейтралитет – не тот у него пока уровень для серьёзных интриг, «съедают». Заметит что-то нехорошее – постарается вмешаться и предотвратить, ну а на нет и суда нет.

Дождавшись возвращения денщика от учителей, улан пошёл в конюшни, решив проехать в расположение полка – недавно на излечение приехали старые приятели.

---

⁸⁵ Наследник, будущий император Пётр III.

⁸⁶ Современные историки давно опровергли мифы о его глупости и неадекватности. Он был, конечно, далеко не идеален, но... Причина мифов проста – нужно было оправдать переворот, вот и поливали грязью.

⁸⁷ Несмотря на несомненные достоинства Екатерины Великой, именно её я (и не только я) считаю её основным тормозом развития страны. Любой историк подтвердит, что именно при ней происходило самое массовое и жестокое закрепощение свободных крестьян. А именно крепостное право стало главным тормозом развития Государства Российского.

– Хорошая девочка, хорошая, – погладил он Звёздочку и скормил ей несколько яблок. Конюхи почтительно наблюдали, стоя неподалёку.

– Ну как она, не шалит? – поинтересовался офицер.

– Нет, ваше высочество⁸⁸, кобылка ласковая и добрая, разве что фыркнуть в ухо любит.

– А как мои кони?

Свой подаренный (и докупленный) табун попаданец пристроил на царскую конюшню – содержать более трёх десятков породистых коней без всяких преференций его «давила жаба». Ну а так – договорился с конюшим и конюхами, и теперь сюда приводили на случку кобыл, отстёгивая ему и «компаньонам» денежку.

Пройдясь по конюшне и покормив свой табун яблоками (чтоб не забывали!), он вскочил в седло Звёздочке, осёдланной за это время конюхами, и вместе с денщиком порысил к слободе, придерживая бочонок вина в седле.

Глава третья

Несмотря на звание уланского подполковника, офицером он, судя по всему, останется «за штатом». Все пожелания вернуться в полк мягко пресекались, а потом и сам воин смирился, решив использовать ситуацию во благо. Во благо в его понимании – прежде всего в пользу полка и армии.

Сослуживцев он ценил и доверял им, да и люди в уланском полку подобрались хорошие. А после его уроков танцев, фехтования и рукопашного боя и светских вечеров в Вене можно было уверенно говорить, что они если чем и уступают гвардии, так это только богатством и родовитостью. Ну и соответственно – это надёжная команда.

О важности своей команды твердил ему как отец, так и отчим, так что помогать своим попаданец считал «святым долгом». Начал он с малого – просто помогал инспектировать отправляемые в действующую армию обозы. Сперва только те, что предназначались непосредственно для полка, ну а потом его стали припрягать и для проверки любого армейского имущества.

Была у него специфическая черта, в которой Игорь винил почему-то капельку немецкой крови, текшую в его венах – педантичность. Несмотря на любовь к адреналину, любые свои трюки и вылазки экстремал продумывал «от и до», чтобы не было нелепых и трагических случайностей. Возможно, немецкая кровь тут была и ни при чём, а всё дело именно в привычке учитывать любую мелочь в тех случаях, от которой зависит твоя жизнь...

Сюда же добавилась и пресловутая экстрасенсорика, да улучшенные физические данные. Проще говоря, он буквально «чуял» любой намёк на гниль. Это относилось к провизии и всевозможным изделиям из кожи, сукна.

– Ваше высочество, помилосердствуйте! – хватался ползающий на коленях толстый купец за ноги. – Детишки малые!

А вот это он зря... Привычку воров оправдываться детишками попаданец ненавидел ещё в двадцать первом веке, когда цыганок-наркоторговок просто невозможно было посадить по закону из-за оравы разновозрастной ребятни.

– Детишки, говоришь... – прошипел князь, – а как же детишки тех солдат, что гибнут из-за тебя...

К началу лета из окрестностей Петербурга в действующую армию пошли заметно более качественные товары, а главнокомандующий Бутурлин даже прислал благодарственное письмо: «...И все обозные в один голос твердят, что если бы не князь Грифич, поставщики

---

⁸⁸ Попаданца в обоих случаях «обзывают» правильно. Как имперский князь – он светлость, а как принц Рюген и наследник (пусть скорее формальный) государства Померания – высочество.

продолжали бы слать в армию товар негодящий. Вас же они боятся пуще дыбы, потому как покровители их опасаются связываться с особой высокорожденной, известной храбростью и благородством. Главных воров это, к сожалению, не задело и не заденет, но заставило хотя бы утихнуть немного. Армия знает, как много вы делаете для неё, находясь в столице, и поверьте – солдаты, уставшие от болезней желудочных, поминают вас исключительно добрыми словами, ведь именно вы уменьшили число болящих...»

Однако из самого Петербурга объём товаров шёл не столь уж большой, да и было кому проверять кроме самого Владимира. Отпускать же его подальше... Нет – он развлекал скучающую и болеющую императрицу.

Откровенно говоря, она изрядно поднадоела ему – взбаломошная, не соблюдающая никаких графиков даже сейчас, будучи сильно нездоровой. Проснуться в пять вечера – это нормально... А завтра – в девять утра. Двор подстраивался под неё, как и сам улан. Если бы не тот факт, что на сон ему надо было не больше четырёх часов, озверел бы парень быстро.

И... Было скучно. Развлечения крайне богатые, с костюмами из дорогих тканей и настоящими драгоценностями вместо бижутерии. В остальном же – ну чем можно удивить человека из двадцать первого века? Скучно.

Нашёл несколько податливых вдовых бабёнок – к замужним он не лез, да и девиц (обычно весьма условных девиц) обходил стороной. Князь прекрасно отдавал себе отчёт, что найдётся масса желающих стать имперской княгиней и принцессой, даже учитывая не самое блестящее финансовое состояние потенциального мужа.

Ловушки ставились мастерские, но благодаря вдовушкам от спер-мотоксикоза он не страдал, да и вообще – думал головой, а не головкой, несмотря на повышенное либидо. Постепенно азарт прошёл – охотницы поняли, что добыча им досталась не из лёгких, и в большинстве своём утихомирились.

Занятий у Владимира было немного: нечастые проверки армейского имущества да развлечение скучающей Елизаветы. К счастью, таких «развлекателей» было предостаточно, и постепенно он стал пропускать некоторые светские мероприятия – ему они казались скучными.

Дело нашлось достаточно неожиданно...

– Принц, а как вы от этого удара защищаетесь, – приставал к нему Алексей Разумовский. Тайный муж императрицы⁸⁹ был человеком самых простых нравов, и кулачный бой весьма его интересовал. Раз, другой, сотый...

– Ты, – как и императрица, он легко перескакивал с «вы» на «ты», – так хорошо объясняешь, хоть книгу пиши. А точно! Напишешь?!

– Можно, – почесав бровь, ответил спортсмен, – только там гравюр надо много – на каждый приём по несколько.

– Денег и гравюров я дам, – нетерпеливо воскликнул Разумовский, – возьмёшься?

Владимир взялся и не пожалел – работалось легко. Тому, кто много лет занимался единоборствами и прочитал массу соответствующей литературы, сделать типичную брошюрку не составило труда: компиляция и плагиат – наше всё...

Короткое вступление на тему «Настоящего рукопашного боя»; польза разминки и атлетических упражнений, и приведены эти самые упражнения; сами приёмы, разбитые на несколько блоков – удары руками, ногами, головой, броски, захваты. Ну и в конце – ряд практических советов. Написал быстро, хотя стиль был аборигенам непривычен:

– Княже, ты как-то странно пишешь, – сказал ему озадаченный Яшка Сирин, – вроде по-русски, понятно всё... Но непривычно!

---

⁸⁹ Ходили в те времена такие слухи.

Непривычно было из-за отсутствия велеречивости – любую информацию попаданец привык передавать и получать сжато. После Якова тестировали на солдатах, и те как раз оценили простоту изложения. Ну а если оценили и солдаты...

– Неправильно как-то, – с сомнением отозвался о стиле Яков, ставший кем-то вроде личного секретаря, – нужно красоты прописать.

За дело Грифич взялся в конце мая, и к августу произведение было готово. Большую часть времени отнял не писанина, а рисунки, коих было свыше семисот – ну размахнулся спортсмен, размахнулся... Парень старался прорисовывать фигуры одновременно высокохудожественно и просто, чтобы не создавать граверам лишней работы.

Закончив с написанием труда по рукопашному бою, принялся за написание «Атлетики» – не смог удержаться. Здесь уже были не столько рисунки (меньше полусотни), сколько советы по правильному питанию, группам мышц и прочим хитростям, широко известным его современникам. Былым современникам...

Разумовский пришёл в восторг:

– Хорошо-то как! Понятно всё, не то что у этих... – погрозил он кулаком неведомым «этим». – Проси что хочешь!

– Да что просить-то? – удивился улан. – Напечатай (они перешли на «ты») да раздай по полкам – вот лучшая награда.

Фаворит императрицы остолбенел и уставился на новоявленного писателя вытаращенными глазами. Затем внезапно кинулся обниматься, со слезами на глазах.

Несколько минут спустя ситуация немного прояснилась: Разумовский настолько привык к просителям и откровенным вора (нередко титулованным), тянущим у него из покоев всё, что не приколочено, что реакция нормального человека поразила его до глубины души.

Принц не был бессребреником, но и денег требовать не собирался – гораздо выгоднее ему казалось иметь могущественного человека должником. Мало ли, чины приятелям попросить или ещё что...

В итоге получил кольцо со здоровенным бриллиантом в качестве подарка, полторы тысячи золотых из стоявшей на столике шкатулки (больше там просто не было) и клинок:

– Я слышал, ты клинки хорошие собираешь. Держи вот – индийский тальвар⁹⁰ из настоящего вуца⁹¹.

Сколько стоил клинок из настоящего вуца, попаданец только догадывался – всяко больше своего веса в золоте. Да и перстень – бриллианты пока что стоили *очень* дорого⁹². Помимо ценных подарков получил он и искреннего друга-покровителя.

Напечатали за счёт самого Разумовского⁹³ в количестве пятиста экземпляров каждую книгу, кои и раздали по гвардии – одна на роту, и армии – одна на полк. Около сотни экземпляров попали во всевозможные учебные заведения, вроде того же Шляхетского корпуса, а оставшиеся разобрали придворные – книги фаворит просто сложил у себя в покоях, прекрасно зная повадки титулованного ворья...

Развлекая болеющую императрицу, инспектируя армейское имущество и занимаясь написанием книг, Владимир почти не встречался с Петром Фёдоровичем. Наследник весьма скептически относился к безалаберному двору Елизаветы и жил отдельно, нечасто появляясь

---

⁹⁰ *Индийский тальвар* — вид сабли.

⁹¹ Вуц иногда называют «настоящим», или «истинным» булатом. Лишён недостатков кованого булата – чрезмерной хрупкости и быстрой коррозии.

⁹² Стоимость бриллиантов упала во второй половине XIX века, когда были открыты месторождения в Южной Африке. До этого они стоили едва ли не на порядок дороже.

⁹³ Такой поступок совершенно в духе фаворита.

на постоянных праздниках. Будущий император достаточно равнодушно отнёсся к улану, а позже при редких встречах окидывал его неприязненными взглядами.

Причина выяснилась случайно: Разумовский считался человеком Екатерины, хотя именно «считался», ведь бесхитростный фаворит привлекал всех. Объясняться пришлось через Воронцову, любовницу Петра. Рослая, габаритная, на диво спокойная и добродушная девица красотой не блистала, но и уродкой не была, как бы там ни злословила партия Екатерины.

– Я вообще не собираюсь встречать в ваши баталии, – не слишком откровенно сказал князь. – Это их брак и их отношения, так что сами пусть и разбираются. Разумовский тоже вряд ли на чьей-то стороне – характер не тот.

– Да я Петру постоянно об этом говорю, но жена его совершенно запутала, интриганка, – простодушно сказала Воронцова.

В следующий раз, столкнувшись в коридорах дворца, наследник был вполне любезен с попаданцем, но в меру – просто дал понять, что понял и оценил его слова.

Екатерина после слов о невмешательстве в супружескую жизнь тоже успокоилась – до этого она откровенно с ним заигрывала, впечатлённая как внешностью улана, так и боевыми подвигами. Да чего греха таить – происхождение тоже играло какую-то роль. Ну а раз потенциальный кавалер столь открыто выразил нейтралитет, то не стоит и лезть – баба она была всё-таки умная.

Вскоре после разговора о нейтралитете князю выделили новые покои во дворце. Что было тому виной – заявленная политическая позиция, вмешательство Разумовского или самой императрицы, было не ясно, выделили и всё тут.

– А неплохо, – сообщил Тимоня, деловито командуя лакеями, – просторно.

Простор и вправду был – спальня самого князя, зала, кабинет и несколько небольших комнатусек, которые можно было приспособить как для слуг, так и под кладовки.

– Княже, я сюда заселюсь, можно? – Денщик показал на небольшую, узкую комнатушку без окна.

– Да заселяйся, – отмахнулся командир, – а то я не понял, зачем тебе комната с двумя входами.

– Ну так, – осклабился слуга, – вестимо, баб водить, да так, чтобы тебя не тревожить.

Главное в новых покоях была не площадь, а расположение: были они неподалёку от покоев государыни, и тем самым она давала понять окружающим своё расположение к нему. А поскольку несмотря на свою легкомысленность, по мужикам она не бегала, то ситуация окружающими была воспринята однозначно: Грифича императрица воспринимает как родственника.

Глава четвёртая

Одну из соседних комнат Владимир оборудовал под спортзал – с разрешения государыни.

– Да нешто тебе фехтовального зала мало – железяками-то размахивать?

– Да там не только железяками, – засмеялся попаданец искренне считающий, что все должны разбираться в спорте.

– А что ещё? – удивилась императрица. – Ну, канатов да лестниц верёвочных повесить парочку...

– Давай⁹⁴ сделаю, да посмотришь, а то буду сейчас руками разводить.

На том и порешили.

Подготовка зала отняла больше двух недель – ну нет пока спортивных магазинов... Несколько типов канатов и верёвочные лестницы удалось достать у моряков. А вот перекла-

---

⁹⁴ Русский этикет «выканья» не признает. Подданный может в ножки кланяться, но обращаться на «ты».

дины, брусья, боксёрские груши, спортивное железо – с этим были проблемы. Точнее говоря – гири он просто-напросто купил. Оказалось, что их достаточно широко использовали в торговых рядах, да и формы встречались достаточно привычные. А вот со штангами пришлось повозиться и заказать у литейщиков почти полтора десятка цельнолитых. Увы и ах, но «классические» тренажёры были пока либо попросту невозможны, либо крайне дороги.

Взять хотя бы обычный гриф от штанги, привычный попаданцу – сделать-то его можно и сейчас, вот только сталь такого качества сама по себе стоит достаточно дорого, да соответствующая обработка... И так со многими привычными вещами.

– Эх у тебя богато, – подивилась Елизавета, войдя в спортзал с небольшой (человек на двадцать) свитой, – да и сам ты одет чудно.

Чудно – это банальнейшие широкие штаны из полотна да столь же банальнейшая рубаша с широким вырезом. Впрочем, для дворца наряд и в самом деле непривычен.

Следующие двадцать минут попаданец демонстрировал упражнения, комментируя после каждого, зачем оно вообще нужно и какие группы мышц развивает.

– Интересно-то как, Лизонька! – восторженно сказал Разумовский. – В армию такая метода не пойдёт, а вот недорослям дворянским да гвардии лишним не будет.

– Неужто все такое смогу? – с явным скепсисом спросила императрица.

– Да нет, конечно – кто лучше, кто хуже, – ответил спортсмен.

– Лучше? – уцепился за слово фаворит.

И... Владимиру пришлось показывать класс боевого паркура⁹⁵ – не так красиво, как в будущем, но более... целесообразно. Все прыжки он совершал с клинками, пиками и ружьями, так что смотрелось представление сильно.

– Вот как-то так, – сказал он тяжело дыша, – для всех такая подготовка не нужна, но абордажникам (здесь придворные стали многозначительно переглядываться – судя по всему, они «раскрыли» тайну, где все эти годы был князь) да пластунам.

– Экий ты шустрый! – восторженно сказала чрезвычайно довольная императрица. – А то я когда увидела эти стенки из брёвен и кирпичей посреди зала, подумала было, что спятил князюшко. А тут вон как – абордажников да пластунов готовить предлагаешь!

Она стала частенько захаживать в зал, наблюдая за тренировками Грифича.

– Как тебя с сабелькой в руке да в рубаше мокрой увижу, так сразу молодость вспоминаю, – с ностальгией в голосе обмолвилась она. Остальных зрителей по большей части удалось отвадить, просто закрывая двери.

– А что это ты делаешь? – раздался детский голос у двери. Та-ак... В голове у улана моментально щёлкнули соответствующие ролики – открыть двери без его приказа могли только в том случае, если на тренировку решила поглядеть сама императрица или кто-то из особо высокопоставленных вельмож вроде Разумовских, Воронцовых или Шуваловых. Соответственно...

– Тренируюсь, ваше высочество.

– А-а, бабушка говорила про тебя. Ты князь Грифич, да? И зови меня Павлом – ты тоже высочество.

Сказав такое, ребёнок весело засмеялся, улыбнулся и попаданец. Нет – не ради лести, просто был он такой милый⁹⁶ и непосредственный, что само как-то... Няньки вскоре забрали ребёнка, но через несколько дней он появился снова.

– Не докучает он тебе? – спросила как-то невзначай государыня.

---

⁹⁵ Паркур изначально был придуман для подготовки солдат.

⁹⁶ Автор в курсе, что взрослый Павел обладал скверным характером, а внешность была достаточно отталкивающая. Однако в детстве он и в самом деле был довольно миловидным, да и характер имел вполне обычный.

- Нет, матушка, ребёнок славный, воспитанный очень.
- Ну и добро, – довольно закивала та головой.

После этого разговора Павел стал частенько приходить к Грифичу и, как выяснилось чуть позже, только в качестве поощрения за хорошую учёбу и поведение. Панин, его воспитатель, тоже частенько приходил к князю. Оказался он человеком бывалым и умным, но слишком увлечённым «европейскими ценностями» – это попаданец подметил сразу. Тем не менее они быстро стали приятелями, уважая друг друга за знания и убеждения и умение эти самые убеждения отстаивать.

К началу сентября всплыла та история с «Кукушкой» и серебром для «Бесов» – сами же поляки и проговорились. Именно поляки – на Владимира эта история произвела крайне гнетущее впечатление, и он попросил бывших с ним офицеров и возчиков не распространяться. Слова не нарушил ни один...

Да и поляки, собственно говоря, не слишком-то горели желанием рассказывать о подобном, ведь так или иначе в истории были замешаны все присутствующие. Стрельбу по «кукушкам» они не считали чем-то предосудительным, но вот брошенное в снег серебро...

Историю поведал один из шляхтичей-слуг того помещика, обиженный им и ушедший на вольные хлеба, – ну и проговорился. Сперва ему не поверили, но затем один из прихлебателей владельца «кукушатника» рассказал ту же самую историю по пьяной лавочке. Проверили...

Помещику пришлось несладко – многие объявили ему дружно «фи». Причём, что характерно – поляки в большинстве своём только потому, что тот не изрубил после оскорбления гостей саблями на месте.

Снова в Петербурге пошли разговоры, и князь увидел, что слуги во дворце и встреченные случайно крестьяне на улицах стали кланяться ему особенно глубоко.

- Сильно болтают? – спросил улан Тимоню.

– Да не так что бы очень... – неопределённо повертел пальцами денщик, сидя рядышком на лавке в спортивном зале, – но есть разговоры. Почему-то начали баять, что ты к староверам хорошо относишься.

- Да я и не скрывал, – опешил попаданец.

– Вот! – поднял палец с грязной каймой под ногтём Тимоня. – А ты много таких в Расее встречал, чтоб вельможа – и к народу хорошо относился, да к староверам?

Вопрос был из серии риторических, так что они опять надели шлемы и перчатки, отсалютовали друг другу саблями и продолжили упражнения.

История с «Кукушкой» закончилась весьма оригинально – известные люди стали слать ему письма с осуждениями (помещик имеет право распоряжаться собственным имуществом без оглядки на кого-либо) или с одобрением. Среди последних оказались личности, достаточно оригинальные: Вольтер и Фридрих Великий...

Если Вольтер был известным вольнодумцем по нынешним временам, то вот солдафон Фридрих... Хотя, если учесть, что он уничтожил само понятие крепостничества в Пруссии (правда, заменив его военщиной буквально до абсурда) и выступал убеждённым его противником... Но всё равно странно. И кстати, переписка с Фридрихом велась исключительно на социальные, научные и культурные темы – политики и имущественных вопросов они по понятным причинам не касались.

После того, как «Атлетика» и «Рукопашный бой» разошлись достаточно широкими по тому времени тиражами, интерес они вызвали вполне однозначный – и не всегда желаемый. В частности, часть гвардейцев почему-то невзлюбили писателя, и по странному совпадению (?) это была та часть, которая поддерживала Екатерину.

После истории с «кукушкой» стало совершенно очевидно, что несмотря на декларируемый нейтралитет, Грифич явно не принадлежит к сторонникам олигархической верхушки,

требующей дальнейшего закрепощения народа «целью отеческой заботы»⁹⁷. Вряд ли она сама санкционировала это – скорее можно сказать, что кто-то из сторонников-вельмож подбросил денег гвардейцам.

Наиболее горластые крикуны договорились уже до того, что заслуги Рыцаря Моста сильно преувеличены – дескать, так сложились обстоятельства. Они бы справились не хуже... И что прискорбно, «родной» Семёновский полк тоже задело это поветрие.

Что интересно, скандалисты в большинстве своём либо вообще не участвовали в войне, либо участвовали, сидя в Ставке. Мелькали там «хвосты» Орловых и других достаточно серьёзных людей, но... Они-то как раз и не голосили. Подзуживали – да, но так, осторожно.

Думал князь недолго – конфликт всё равно неизбежен. Гвардейцы привыкли к безнаказанности и устраивали свары даже с достаточно высокопоставленными вельможами. То есть на «самых-самых» они не слишком задирались, но до этого уровня улану было ещё далеко.

Выходило так, что решать проблему нужно было здесь и сейчас – или терпеть серию мелких пакостей. Слышал уже про такое – оскорбления, толчки в спину, размахивание кулаками⁹⁸... Да вариантов много! В общем, проще пойти на обострение и обозначить границы раз и навсегда.

Могла ли утихомирить наглецов государыня? Не факт... Во-первых, она воспринимала такое поведение как норму, а во-вторых, в гвардии служило достаточно много родовитых отпрысков, да и вельможи постоянно использовали их в своих разборках. Так что начини она разбираться – всё просто увязнет, а ситуация вряд ли изменится. В некоторых случаях не императрица командовала подданными, а подданные – императрицей. Точнее, «лучшая» часть подданных...

Любимые кабаки гвардии были известны всем – хотя бы затем, чтобы мимо не ходить... Скрип двери, пара десятков гвардейцев из разных полков с откровенно похмельными рожами. Ну да, девять утра по их меркам это «ещё петухи не пропели», с загулами-то до утра... Вот и сидят в грязноватом трактире с маленькими окошками и неподъёмными лавками и столами, надеясь на чудо.

– Господа, – вежливо приподнял треуголку вошедший, показав отсутствие парика и коротко стриженные светлые волосы. Невнятное бормотание в ответ его вполне удовлетворило.

– Пива всем за мой счёт, – властно скомандовал он трактирщику, кинув червонец. Гвардейцы, с возгласами благодарности припали к сосудам с живительной влагой, на глазах обретая человеческий облик.

– Спаси тя Христос, благодетель, – искренне пожелал один из похмельных.

– Благодарствую, – вежливо отозвался тот, – похмелились? Так вот, если кто не узнал меня – я князь Грифич.

Раздались невнятные возгласы – к скандалу ранним утречком они не были готовы, да и большая часть гвардейцев была изначально настроена достаточно мирно, не участвуя в скандале.

– Из уст гвардейцев не первую неделю можно услышать много нового обо мне и очень мало лестного. Мне это несколько надоело и предлагаю самым говорливым пари: двенадцать бойцов против меня, одновременно. Меня не интересует, будут ли это воины из одной роты или этикие «олимпийцы», собранные со всей гвардии. С моей стороны, тысяча двести рублей на кон, со стороны злопыхателей – место в гвардии. Коль проиграют – пусть уходят.

---

⁹⁷ Кроме шуток, сторонники крепостного права аж рубахи на себе рвали, доказывая, что под их «отеческим надзором» крестьяне будут процветать или уже процветают. Дескать, они такие убогие, что на свободе быстро вымрут.

⁹⁸ Преувеличения ни капли – гвардейцы были известными дебоширами, а поскольку в русских традициях была привычкой не столько дуэль, сколько мордобой, то разборки в трактирах и массовые побоища были горожанам привычны. Да что говорить, если гвардейцы позволяли себе являться в караул к царским покоям пьяными.

Сказав это, князь ещё раз приподнял треуголку, вежливо попрощался с присутствующими и вышел, а ошарашенные гвардейцы сидели и обсуждали неслыханное пари. Благо, обсуждать можно было с пивом – всё-таки князь поступил как несомненно благородный человек, оставил кабатчику червонец...

Дальше... Дальше была делегация «благородных идалго», назначающих время и место поединка. Время было – через две недели, ну а место – на Адмиралтейском лугу.

Ранее спортсмен сталкивался пусть и с серьёзными бойцами, но скажем так – второго дивизиона. Пусть он бил их буквально пачками, но... Не то, не то... Переживал ли он? Разумеется, случайности на то и случайности, да и у бойцов «первого дивизиона» класс всё-таки повыше.

Видел уже, как дерётся тот же Шванич и другие именитые кулачники – чувствуется школа, пусть и не самая развитая. Больше всего похоже на примитивный вариант боевого самбо. Однако есть у местных одна «милая» привычка – они бравируют умением держать удар. Да и сам удар не то чтобы сильно наработан – нет у них пока боксёрских груш и прочих снарядов. Так что всё будет нормально.

С такими мыслями Игорь-Владимир и выехал на Адмиралтейский луг. Народу собралось...

– Господа, не дадите ли вы мне проехать? – вежливо обратился он к застывшей дороге толпе.

– Иш чего! – огрызнулись оттуда, – А нам как глядеть? Там вот-вот начнут.

– Собственно говоря, без меня и не начнут, – засмеялся улан.

Пропустили – да так, что он почувствовал себя Тайсоном. На лугу спрыгнул с кобылы, и один из гвардейцев сразу же взял поводья, но подъехавший Тимоня ревниво их отобрал. Скинул перемётную суму с деньгами и, вытащив из неё двенадцать кошельков, улан кинул их на землю, насмешливо глядя на соперников.

Подобрались там громилы. Сам не мелкий – чуть больше ста семидесяти пяти сантиметров, да вес набрал под девяносто, но эти... Что ж, большие шкафы. Скинул камзол и рубаху... Пусть такое здесь было не принято, но увидел в толпе стоящих особняком бойкого вида женщин – и не смог удержаться, сделал рекламу себе, любимому.

– Готовься, князь, – пробасил один из противников, – в землю вобьём.

Послышались и другие столь же «мирные» выражения. Ну и кто им доктор? Такое нормально смотрится, когда биться выходишь один на один, а когда такой толпой на одного – убого. Вместо ответа попаданец построил ханжескую физиономию и перекрестил противников. В толпе захихикали – жест оценили по достоинству. Гвардейцы двинулись стенкой, на ходу выкрикивая привычные речёвки-дразнилки. Что ж...

Пританцовывающей походкой улан двинулся навстречу и остановился в полутора метрах, мастерски соблюдая дистанцию – луг большой, можно много маневрировать. Ближайший противник не выдержал и с рёвом кинулся на противника. Тактика не самая глупая – сбить, задержать, связать боем. Ну а там и остальные бойцы подтянутся. Вот только у спортсмена был опыт уличных драк, да и физические данные сильно отличались от обычных.

Прямой удар ногой в грудь по правилам классического карате – и нападающий отлетает назад, мешая соседям. Стена разрушилась – ненадолго, но спортсмену и этого хватило. Прыжок влево – и колено впечатывается в челюсть преображенца. Этого... он запомнил как одного из самых громких скандалистов.

Его сосед оказался чудовищно быстр и почти успел ударить. Экстремал сдвинул голову на сантиметр вправо, и кулак просвистел мимо. Далее он скрутил корпус и подошва сапога влетела шустрому в бок. Бойца аж снесло в сторону – и снова под ноги товарищей. Что ж, плотное построение в кулачном бою имеет и недостатки.

Тем временем двое, которых опрокинул первый упавший, «отоваренный» ударом в грудь, уже вставали. Носком сапога под челюсть – не столько ударил, сколько толкнул – и этого за глаза будет. Второй успел выставить вперёд руки и летел вперёд, надеясь, очевидно, схватить Владимира. Классическая «мельница» через плечи бросила его на подбегавших слева товарищей.

Справа же – парировать мощный удар скользящим блоком и пробить прямой рукой в солнечное сплетение. Для порядка добавить ребром сапога в голень. Упс... Перестарался – голень отчётливо хрустнула.

Отбежав на несколько шагов сторону и непрерывно маневрируя, улан оценил ситуацию – четверо выведены из строя надёжно, двое ещё могут встать. Ан нет – тот, кому он «подцепил» челюсть, никак не может встать – поднимается и снова падает назад. Сотрясение, похоже...

– Ну всё, Грифич, тебе конец, – уверенным тоном сказал чернявый бугай из Измайловского. Зря, попаданец с детских лет уяснил, что таких нужно «гасить» особенно жёстко – показательно. Всё тот же прыжок из муай-тай с коленом в челюсть – ну не привыкли здесь к такому, нет способов нормального противодействия! Сработало – челюсть хрустнула, и измайловец стал заваливаться. Вдогонку князь «угостил» его добивающим ударом – носком сапога по рёбрам.

И снова – отскок и «танцы». Что-что, а действовать группой здесь умеют хорошо. Другое дело, что просто не успевают за скоростью спортсмена, да и тактика-приёмы просто непривычны. Видели уже, но...

– Мы только начали, а половина уже готовы, – со скукой в голосе сказал улан, – Тимоня! Что там, Алексей Григорьевич на обед заманивал?!

– Белорыбицу граф обещал, его Пронька сказал – знатную приволокли! – откликнулся денщик.

– Извините, – развёл руками князь, – мне тут с вами возиться недосуг. Сейчас уложу быстренько, да на обед... – говорил Владимир так, чтобы окружающие слышали, и смешки донеслись... Гвардия, несмотря на все недостатки, молодчество ценила и такие вот словесные победы тоже.

Противники активизировались – очень уж унижительной показалась им ситуация. Плечом к плечу кинулись они на Грифича, и князь просто ушёл в сторону низким кувырком, подсекая ноги крайнему. Тот удержался, но вывалился из строя, замахав руками и пытаясь удержаться на ногах. Подскочив, спортсмен выдал ему «двоечку» – прямой в печень, апперкот в челюсть.

Тут же он прыгнул вперёд и обеими ногами влепил развернувшемуся товарищу побитого.левой – подошвой в лицо, правую впечатал в грудную клетку. Противник отлетел, и товарищи подхватили его. Впрочем, без толку, боец из него был уже никакой, зато один из них «удачно» подставился бедром под мощный лоу-кик уже вскочившего на ноги экстремала.

– Командир! – раздался голос Тимони из толпы. – Ты поспедай!

Послышались смешки, и оставшиеся противники совсем потеряли головы, бросившись на Владимира. В этот раз и он не стал отступать, решив ввязаться в ближний бой.

Первого он успокоил прямым ударом пальцев в горло, а пока тот оседал на грязную землю, перехватил удар на редкость «кабанистого» семёновца (типа сослуживец, однако), сблизился и... Бросок через бедро с «усилением» – ливер перетряхивает только так.

Последний был «осчастливлен» лоу-киками по каждому бедру и через полминуты просто сел на землю. Ну да – хромота ему теперь надолго обеспечена.

– Всё, княже, поехали, – громко, «на публику», говорил денщик, помогая стряхнуть грязь и одеться, – кошело я уже собрал, пора к графу на обед.

– Да, белорыбицу его Аркашка знатно готовит...

Так и поехали, обсуждая достоинства графских поваров.

Глава пятая

Поединок сломил ледок – гвардия окончательно приняла его за своего. Дело даже не в показанных бойцовских качествах – хватало здесь кулачников, способных выстоять против дюжины. Не самых лучших, конечно, да и сами победители на ногах не всегда твёрдо стояли после боя... Но были. Своим его сделало именно «молодчество», то есть подначки и прочие жесты. Логика? Да хрен её знает – заблудилась где-то...

Окончательно своим стал князь после грандиозной попойки, причём гвардейцы сами пригласили его и взяли все расходы на себя – хватало в этой среде людей богатых. Владимир и так был стоек к алкоголю, так ещё и подготовился заранее – знакомые всем хитрости вроде угля и масла. Во время же попойки он не сколько пил, сколько показывал, что пьёт. Ну и в итоге все были убеждены, что выпил он на уровне самых-самых выпивох – и ушёл при этом на своих ногах. Ещё одно доказательство «молодчества», и, кстати, попаданец так и не понял до конца алгоритм этого понятия.

Итогом же стала твёрдая убеждённость гвардейцев, что «Грифич – свой человек», и... гордость семёновцев за формального сослуживца. Настолько, что они убедили себя (а заодно и командование полка), что надо бы князя припахать для общего блага...

– Ты пойми, княже, – убеждал его один из членов делегации, – мы для тебя всё!

Что он имел в виду под этим «всё», можно было только догадываться – сакральное, мать ети... Остальные же, судя по всему, прекрасно понимали, о чём идёт речь, и дружно кивали головами.

– Вы хотите научиться так же драться, «и вообще»? – попаданец задумчиво посмотрел на гвардейцев. – Могу сразу успокоить – так же у вас просто не получится.

Видя вскинувшихся было дворян, пояснил свою мысль:

– Это как с фехтованием – с раннего детства надо.

Мысль была понятна, так что парни остыли и закивали болванчиками.

– Затем сразу предупреждаю, что выпившему или с похмелья на мои занятия можно даже не приходить. Курящему тоже.

– Это как? – озадаченно спросил Ефрем Смолин. – Совсем?

– Совсем. Сами знаете, что после выпивки на грудь порой давит нехорошо так.

Кое-кто из присутствующих явно понял, о чём идёт речь.

– После табака, – продолжил бывший спортсмен, – тоже одышка. А нагрузку я такую давать буду, что вы и трезвыми меня проклянёте. И ещё...

Владимир задумчиво посмотрел на формальных сослуживцев, как бы размышляя – можно ли им довериться. Затем, приняв решение, он слегка наклонился и, понизив голос, спросил:

– Вы хоть задумывались, почему казаки в походах не пьют?

– Чтоб не буянили, да чтоб враг пьяных не вырезал, – дружно ответили гвардейцы.

– Это для молодых, – с иронией хмыкнул попаданец, – на самом же деле – скорость теряется сильно!

Откинувшись назад, он осмотрел компанию и продолжил:

– Если едину чарку выпить – всё! Клинком махать хуже получается, на кулаках то же самое, устаёшь быстрее.

– Байки! – недоверчиво пробасил Андрей Улин.

– Проверяли... Не могу сказать – где и кто, – развёл руками князь, – но намекну лишь, что проверяли на сильных бойцах. То есть солдатам, стоящим в строю под пушечными ядрами, чарка и в самом деле не лишняя – страх притупляет. Ну а скорость ему особо и не нужна. А вот бойцам серьёзным...

Тут экстремал слегка развёл руками, как бы охватывая присутствующих...

– Нам-то зачем? Храбрости чарка не добавит...

Все согласно закивали – дворяне не без оснований считали себя весьма храбрыми и высоко оценивали свои бойцовские навыки.

– Вот после боя – тут да, не возбраняется.

Лица присутствующих разгладились – пить-то оказывается всё-таки можно, просто реже.

Понятие «полосы препятствий» уже было, пусть и называлась по-другому. Однако понять, что учиться преодолевать крепостные стены или обычные заграждения лучше заранее, известно было хорошо. Собственно говоря, в Шляхетском корпусе и прочих учебных заведений для дворян этому специально учили, ну а большинство постигали основы паркура, таская яблоки у соседей... Позже это искусство несколько забывалось, но всё равно – средний гвардеец, дяденька весьма габаритный, скакал по полосе препятствий как бы не лучше молодых современников попаданца.

– Неплохо, неплохо, – почти искренне сказал Владимир, проверив сноровку семёновцев в сортзале, а затем показал класс... Гвардейцы восхитились и прониклись – видно было хорошо.

– Ну а теперь представьте, что перед вами – не гимнастический зал, а обычное пехотное укрепление. Вы ж после этакой подготовки его белками перелетите – враги и моргнуть не успеют!

Ну и всё – через неделю в Семёновской слободе начали строить полосу препятствий, и вскоре улан дважды в неделю начал гонять формальных... Да нет, уже полноценных сослуживцев. Сперва дела шли туго, но поскольку на тренировки по рукопашному бою, фехтованию и фланкированию экстремал допускал только после «разминки»...

Не сразу, но постепенно появились и результаты: семёновцы стали заметно подвижней и улучшили свои показатели в мордобойном искусстве. Хотелось бы сказать, что пить стали меньше, но увы... Реже – это да, князь сдержал своё обещание и не пускал с перегаром на занятия. Однако после занятий многие компенсировали вынужденное воздержание. Улан надеялся, что со временем дозы алкоголя уменьшатся, но ясно было, что произойдёт такое событие не скоро.

Впрочем, были и приятные моменты – больше половины курильщиков выбросили свои «соски».

Продолжалось и общение с Павлом Петровичем – тот оказался совершенно обычным мальчишкой, который с упоением слушал рассказы попаданца о разных странах. В октябре тяжело болеющая Елизавета завела разговор об этом:

– Мальчик привязался к тебе, – сказала императрица с одышкой, полулёжа в кресле. От неё ощутимо и весьма неприятно пахло – многие лекарства были... специфическими, да и больное тело пахнет отнюдь не розами.

– Знаю, – флегматично отозвался парень, – я к нему тоже. Не буду врать, что «умру за него» и прочий бред, но так – если смогу чем помочь без вреда для себя, помогу.

Государыня слабо улыбнулась:

– Вот за это тебя и люблю – стараешься не врать.

Помолчали, затем женщина продолжила:

– Хочу назначить тебя воспитателем Павла наравне с Паниным.

– А сам Панин как настроен? Если против, то сразу отказываюсь – он мне приятель, да и учит вполне хорошо.

– Никита Иванович не против – сказал, что «кого бы другого предложили, он бы с себя полномочия воспитателя снял, а князь Грифич на Павла хорошо влияет».

Панин и в самом деле был не против, так что попаданец скоро принялся за свои обязанности, и первое, что он сделал, так это потребовал план занятий. Его не было...

Было нечто, очень приблизительное – одни учителя приходило до обеда, другие – после. И нет – сам Панин и Владимир уроков почти не вели. Скорее, время от времени они должны были вести «познавательные и нравственные» беседы, контролируя обычных учителей.

– Какой план занятий? – искренне удивился придворный. Не менее искренне удивился попаданец – его отсутствию. С классноурочной системой (а точнее – её зачатками) уже были знакомы, но понятие «план занятий» полностью отсутствовало.

В итоге Грифичу пришлось вспоминать то немногое, что он знал об учебном процессе, и писать, затем править и снова писать... Править приходилось много: некоторые понятия были просто незнакомы в восемнадцатом веке. К примеру, у Павла пока отсутствовали уроки физкультуры.

В дальнейшем планировалось начать обучать его верховой езде пару-тройку раз в неделю, да столько же – фехтованию. И надо сказать, что отводилось на это прискорбно мало времени. Пока же мальчишке приходилось довольствоваться уроками танцев – причём танцев придворных, когда учили не сколько движениям, сколько расшифровке поз и ужимок.

Выглядело это примерно так:

– Ваше высочество, извольте поставить ножку вот так, – и чопорный педагог показывает, как надо ставить ножку. Затем следует разъяснение, что таким образом повёрнутый носок показывает, что кавалер заинтересован в даме. Мальчик выслушивает это со скучающим видом и стоит в «изысканной» позе. Затем повторяет несколько движений под руководством танцмейстера – и история повторяется.

Бегать, прыгать, играть в лапту и другие подвижные игры Павлу было «невместно»... Бороться с этим? Так сама государыня занимается подбором учителей...

– Елизавета Петровна, – не выдержал попаданец при очередном споре с императрицей, – либо вы меня увольте и я больше не занимаюсь воспитанием мальчика, либо увольтесь сами!

От такой фразы глаза императрицы выпучились...

– Да как ты сме... – и женщина закашлялась.

– погоди, Лиза, – остановил её Разумовский, – кажется мне, что князя нужно сначала выслушать.

Владимир стоял, скрестив руки на груди, и выглядел весьма мрачно.

– Спасибо, Алексей Григорьевич, – поблагодарил он фаворита, – но я говорю серьёзно. Либо я, либо вы. Точка. Поясняю – не знаю, кто вам вбил в голову подобную ерунду, но ребёнок воспитывается неправильно!

От волнения Грифич начал расхаживать по комнате.

– Во-первых, ему совершенно необходимо общение со сверстниками!⁹⁹ В идеале – сформировать группу в десяток-полтора детишек, затем отсеять тех, с кем Павел не поладит. Ему будет интересней учиться – соревнования, понимаете? Они друг перед другом будут тянуться! Во-вторых, ребёнку необходимо активно двигаться хотя бы два часа в день, и лучше сделать так, чтобы он проводил это время с пользой. То есть фехтование и верховая езда. Но не забывать и о плавании, лапте...

Затем были в-третьих, в-четвёртых... Императрица молчала, затем жестом отослала офицера из комнаты. Молчание длилось больше недели, и всё это время улан не виделся ни с воспитанником, ни с императрицей. Он уже готовился к неприятностям, но последовал вызов к Елизавете.

– Прав ты был, князюшко, – слабым голосом сказала лежащая на постели женщина, – увлеклась я. Позабыла, что он ребёнок, и захотела вырастить разумника. А если ему детство поломать, то либо тиран вырастет, либо никчemuшник... Прими.

---

⁹⁹ Павел воспитывался в очень узком кругу, отсюда и его проблемы с социализацией. А такие проблемы у монарха... Ничего хорошего, в общем.

Это был патент на чин кавалерийского полковника, но без принадлежности к какому-либо полку. Императрица извинилась.

Свежеиспечённый наставник взялся за дело всерьёз: перетряхнул всё как следует и сделал учёбу более разумной – со своей точки зрения. К примеру, уволил на хрен нескольких учителей и сам взялся обучать мальчика математике и танцам. Дело пошло, поскольку знал он их ничуть не хуже (танцы – однозначно лучше) учителей, да и объяснить мог куда грамотней – была здесь привычка к велеречивости.

Сами занятия выстроил так, чтобы ребёнок мог расслабиться, так что серьёзные уроки перемежались танцами, фехтованием и лепкой. Фехтовать учил не сам.

– Нет, Павел, некогда просто, да и неохота, – честно ответил он мальчику. Как ни странно прозвучит, но тот понял и принял. Тем более что фехтмейстер фон Буков оказался дядькой интересным и не только обучал, но и рассказывал подробно – почему обучение фехтования ведётся именно таким образом, объясняя все тонкости.

Подопечный быстро вошёл во вкус новой учёбы, демонстрируя отменные успехи и рвение, так что изумлённый Панин только и мог констатировать:

– Ну, князь, теперь я верю – ты знал, что делаешь.

Постепенно формировался будущий класс, менялись некоторые предметы и... Пётр Фёдорович стал заходить на уроки. Он сидел смирно, время от времени подбадривая сына и проясняя непонятные для себя моменты. Взгляд наследника всё чаще стал останавливаться на Владимире и однажды, после окончания урока математики, цесаревич спросил его:

– Мне в Шляхетский корпус требуется директор. Возьмёшься?

Глава шестая

Комплекс зданий Шляхетского корпуса впечатлял – бывший Меншиковский дворец выстроен был с таким размахом... Ну а затем здания строились дополнительно, так что кадетам, обслуге, воспитателям и учителям было очень просторно.

Знакомство с кадетами и персоналом проходило штатно – Владимир просто заезжал сюда, когда появлялось свободное время. Он сидел на уроках, посещал уроки фехтования и верховой езды, заходил в спальни и подсобные помещения, общался с людьми.

Первое впечатление было благоприятное. Точнее, он изначально настраивался на низкий уровень, ну а раз уровень оказался не слишком низким, то уже замечательно. Компетентность большинства преподавателей особых сомнений не вызвала, но вот расписание занятий было составлено достаточно бестолково, да и свободного времени у кадетов просто не должно быть!

Здесь же занятия шли три-четыре часа до обеда, да после обеда пара-тройка часов уходила на военную подготовку – и всё... Считалось, что этого вполне достаточно, ну а если есть желание, то господа кадеты могут заниматься дополнительным самообразованием в библиотеке или с помощью педагогов.

Щаз! Дети и подростки не слишком-то желали заниматься дополнительно, хотя были и исключения – нечастые. В основном же свободное время было занято играми, шатанием по городу (кто постарше) и прочими столь же «интеллектуальными занятиями».

Князь же видел полноценное военное училище – без чистки картошки и прочих нарядов по кухне, разумеется. Ну и составил...

– А отдыхать когда?! – с ужасом воскликнул наследник, увидев предполагаемое расписание.

– Лучший отдых – перемена занятия, – спокойно ответил попаданец. Он привык постоянно чему-то учиться и просто не понимал лентяев.

– Но не столько же! – Помахал Пётр бумагами со священным ужасом в глазах.

– Почему?

– Ну сам смотри, – ответил цесаревич и начал читать: – Подъём в шесть утра (зимой позже, летом раньше); в шесть десять – молитва; в шесть пятнадцать – семь ноль-ноль зарядка; семь пятнадцать – завтрак... У тебя же день курсантов расписан до самого вечера!

– Неправда, – обиделся Грифич, – только до четырёх, а дальше – всевозможные клубы и время на самоподготовку.

– Хоть объясни мне – что такое клубы в твоём понимании? – с видом мученика сказал Пётр.

– Ну как же, – удивился попаданец непониманию очевидных (для него) вещей, – собираются вместе под руководством наставника и занимаются чем-то полезным – фехтованием, борьбой, химией, музыкой.

Утвердил.

Нововведения вводились не сразу, так что у кадетов была возможность оценить всю степень «коварства» нового директора, и подростки начали роптать. Однако князь не унимался и придумывал всё новые и новые затеи. Вот и сейчас вызванный к началству кадет стоял, боясь пошевелиться.

Ещё бы – ладно сам полковник, но здесь же был и цесаревич, приехавший инспектировать Корпус...

– А мундир кадетский чем тебя не устраивает? – откровенно веселясь, спросил Пётр. – Смотри, какой вид бравый.

Кадет приосанился, но князь только фыркнул. Проведя рукой по парик у подростка, он с видимым отвращением отряхнул её и проговорил:

– Пудра – не порох, букли – не пушки, коса – не тесак, а он – не немец, а природный русак!

Наследник аж приоткрыл рот от столь высокой поэзии, хохотнул... Затем погрузился в молчание. Длилось оно не долго, и Пётр Фёдорович встал из кресла и махнул рукой на Владимира.

– Убедил. Всё... Корпус полностью на твоём усмотрении.

Если окружающим действия попаданца казались необыкновенно энергичными, то самому Владимиру казалось, что время как будто застыло – настолько неторопливо относились люди к своим обязанностям. За обучение Павла он взялся в сентябре, в октябре взялся ещё и за Шляхетский корпус, а что-то конкретное удалось сделать только к концу ноября.

Не сказать чтобы много, но по крайней мере, воспитанники уже поняли, что такое утренняя зарядка и клубы. По поводу же «грифоновски жестокой» учёбы, недовольство нивелировалось нормальной одеждой. Она пока ещё только шилась, но кадеты успели оценить отсутствие париков и удобство покроя. Оценили и клубы – для начала князь выбил химическое оборудование из Академии наук и нашёл хорошего преподавателя – одного из учеников Ломоносова.

Познакомился он и с самим учёным, но мельком – полковник сейчас настолько закружился в текучке, что на нормальное общение времени просто не было. Точнее, свободное время было, но из-за графика самого князя только по ночам. Даже тренировки пришлось перенести на раннее утро и теперь они с Тимоней оккупировали спортзал в четыре утра. В остальное же время – учёба Павла, дела Корпуса, беседы с поставщиками и потенциальными педагогами, разговоры с членами императорской семьи и царедворцами, собственная учёба, какие-то изобретения.

Пока что изобретение было всего одно – мясорубка. Посмотрев на Елизавету, которая не могла даже нормально есть, Владимир нарисовал эскизы мясорубки, затем побеседовал с гончаром, вылепившим модели деталей, и, наконец – одним из литейщиков, работающих на Двор.

Мясорубка получилась монструозная – в несколько раз больше оригинала. Однако работала отменно и изначально была снабжена несколькими насадками. Изобретение оценили – не

только государыня, но и сановники постарше. Ну что тут скажешь – в преклонном возрасте проблемы с зубами есть у многих, а вот зубных врачей поблизости не наблюдается...

Вскоре литейщик озолотился – копии пошли в народ. Доля попаданца? Не смешите – патентное право в эти времена... Были какие-то зачатки, и князь узнавал предварительно, но смысла в патентовании данного изобретения не было – «выхлоп» очень уж маленький.

Состояние Елизаветы было совсем уж хреновым, и пусть попаданец не помнил даты её смерти в своем мире, было ясно, что – всё... Не сказать, чтобы он прямо так сильно привязался к императрице, но какую-то благодарность к ней всё же испытывал. Поэтому и взялся за написание музыки к похоронам.

Написание – громко сказано, скорее – «вспоминание». Увлечение музыкой дало о себе знать, и наиболее выдающиеся произведения Владимир помнил. Не точь-в-точь, но тут помогла пресловутая экстрасенсорика и медитации. Медитациям, кстати, он научился не на рукопашке, хотя там тоже учили методам расслабления и психического равновесия. Научила мать, много лет занимающаяся йогой. Собственно говоря, это была одна из немногих вещей, которой она научила своего сына...

Медитация помогала вспоминать некоторые моменты, но, к сожалению, работала она у него коряво. Парень вспоминал почему-то только самые эмоциональные эпизоды – музыка, соревнования, паркур, драки, секс... Понятно, что и это немало, но он-то настраивался на какие-то более полезные «плюшки». Ну а теперь понятно, что новым Леонардо да Винчи ему не стать и осчастливить человечество множеством гениальных изобретений точно не выйдет – разве что вспомнится нечто вроде той же мясорубки.

Реквием вспоминался легко, но для надёжности князь больше десятка раз проваливался в транс, вспоминая звучания. Нет, всё верно вспоминается – до последней ноты. Отдав листы с записями придворному дирижёру, Владимир коротко сказал:

– К предстоящему печальному событию.

Итальянец с откровенным скепсисом посмотрел на рубаку, но ноты взял. На следующий день он нашёл Грифича и низко поклонился ему.

– Сеньор, вас будут помнить в веках, – хриплым от волнения голосом произнёс музыкант.

К сожалению, князь оказался прав в своих предположениях, и долго императрица не прожила. Была большая суета, придворные ходили с лицами скорбных калькуляторов. Кто-то и в самом деле переживал о смерти государыни, но откровенно...

Большая часть переживала только за собственные судьбы. Слишком многие были связаны с ней дружескими отношениями напрямую или через покровителей и не могли рассчитывать на аналогичное отношение от Петра. Другие просто боялись неизбежных перемен и возможного ухудшения ситуации лично для себя. Более-менее искренними были разве что чиновники и гвардейцы невысоких рангов, да слуги, утиравшие слёзы рукавами.

Несмотря на все недостатки как правительницы, к ближайшему окружению Елизавета была добра и снисходительна. Так что многие могли вспомнить подарки от неё, добрые слова, помощь в решении каких-то проблем.

– Спасибо за музыку, – сказал ему Пётр, вызвав к себе в покои. Глаза его были красные, но от слёз или недосыпа, вызванного множеством хлопот, сказать было сложно. Отношения с Елизаветой у него были сложными – слишком уж та любила влезать в жизнь наследника. Однако будущий император был человеком добрым и сентиментальным, так что чисто по-человечески наверняка жалел родственницу. Помимо «спасибо» князь получил тяжёлый сундучок с пятью тысячами червонцев и перстень с крупным изумрудом.

Они долго говорили на разные темы – видно было, что будущий владыка хочет просто отвлечься. Полковник с охотой ему подыграл и рассказал о поведении Павла, бытовых сценках

из Корпуса и проказах своего Тимони, успевшего завоевать себе во дворце репутацию этакого «Швейка» – не столь карикатурного, понятное дело.

– Напишешь мне что-то такое же... торжественное – к коронации? – задал Пётр напоследок вопрос. Задумавшись на минутку, попаданец просканировал свою память. Да – «Боже, царя храни», должен подойти.

– Напишу, – сказал он Петру и остановил жестом руку, потянувшуюся за очередным кошельком, – когда принесу, тогда и оценишь.

Похороны императрицы прошли необыкновенно пышно, и Грифичу пришлось принять в них самое прямое участие. Помимо того, что он считался «автором» Реквиема, потрясшего всех, так ещё и государыня выделяла его, да статус наставника у Павла... В общем, не успел князь опомниться, как стал одним из членов похоронного комитета.

Не все были этим довольны, да и сам Владимир восторга не испытывал, несмотря на большую честь. Однако нужно сказать, что энергия спортсмена здорово помогла, да и некоторые идеи пришлись Двору ко двору.

Едва отойдя от похоронных церемоний, парень пришёл к Петру и без единого слова выложил лист с текстом.

Боже, Царя храни!
Сильный, Державный,
Царствуй на славу, на славу нам!
Царствуй на страх врагам,
Царь Православный!
Боже, Царя храни!

Боже, Царя храни!
Славному долги дни
Дай на земли! Дай на земли!
Гордых Смирителю,
Слабых Хранителю,
Всех Утешителю —
Всё испосли!

Перводержавную
Русь православную,
Боже, храни! Боже, храни!
Царство ей стройное,
В силе спокойное!
Всё ж недостойное прочь отжени!

Воинство бранное,
Славой избранное,
Боже, храни! Боже, храни!
Воинам мстителям,
Чести спасителям,
Миротворителям
Долгие дни!

Мирных воителей,
Правды блюстителей

Боже, храни! Боже, храни!
Жизнь их примерную,
Нелицемерную,
Доблестям верную воспомяни!

О, Провидение!
Благословение
Нам ниспосшли! Нам ниспосшли!
К благу стремление,
В счастье смирение,
В скорби терпение дай на земли!

Будь нам заступником,
Верным спутником
Нас провожай! Нас провожай!
Светлочудесная
Жизнь поднебесная,
Сердцу известная, сердцу сияй!

Плагиат? Наглейший, но на государя текст произвёл глубочайшее впечатление, и попандец оказался обласкан – его одарили ещё одним сундучком, но уже с десятью тысячами червонцев. Сумма колоссальная по нынешним временам – такими, а то и меньшими суммами одаривали полководцев за выигранные грандиозные сражения. Был и перстень – на сей раз с сапфиром. Было звание генерал-майора. Но главное – орден Анны.

Орден этот стоял особняком и был не государственным, а династическим. Проще говоря – награждали только родичей. Имел орден только одну степень, а число кавалеров не превышало пятнадцать человек.

Всё, Грифич окончательно признан своим, и теперь даже могущественные сановники кланялись ему как равному. Равному не только по происхождению (а Рюриковичи и Гедиминовичи ничуть не ниже Грифичей!), но и по влиянию. Его окончательно признали своим.

Глава седьмая

Заслуги Владимира в похоронах императрицы были несомненны – все придворные в один голос твердили, что энергия молодого человека, беспристрастные интересные идеи позволили сделать похороны незабываемыми. В итоге, Пётр загорелся было мыслью сделать его ответственным за свою коронацию, на что Грифич отказался – и довольно резко:

– Воронцова назначь, – рубанул тот ладонью воздух.

– Да я бы и не против, – пожал узкими плечами будущий император, – вот только его занятость...

– Неважно. Смотри сам – он тебе верен просто потому, что человек такой. Плюс – ты намереваешься жениться на его племяннице. Для него это честь и возможность проявить себя, а для тебя – гарантия того, что подготовка не слишком затянется.

Пётр Фёдорович согласился с аргументами князя, и Воронцов при разговоре наедине выразил ему за это свою признательность.

– Владимир Игоревич, вот только император прав – у меня нет времени на коронацию. Сам знаешь – на мне повисли переговоры, – неловко сказал Воронцов. Неловко потому, что переговоры эти во многом касались Померании – исконного владения Грифичей. И интересы князя при этом не учитывались... Конечно, интересы геополитики перевешивали личные сим-

патии. И князь уже понял, что интересы «исконного» владельца Померании Австрию или Россию интересуют... Да никак не интересуют – разве что как дополнительный аргумент для переговоров с другими сторонами – только до тех пор, пока «аргумент» в его лице им выгоден.

– Знаю, Михаил Илларионович, – суховато усмехнулся князь, – но твое дело здесь – назначить людей достойных и верных, а затем просто контролировать. Надо будет – помогу. И знаешь... Не затягивай.

Лицо вельможи заострилось, он слегка подался вперёд, и стало ясно, что этот немолодой человек не случайно вылез на верхушку власти.

– Что-то конкретное?

– Конкретного – ничего, но слишком много косвенных фактов. Такое впечатление, что слишком многие заинтересованы посадить на престол своего. И сам понимаешь – шанс есть.

Воронцов понимал – сам был одним из главных действующих лиц в одном из таких переворотов. Князь те временем продолжил:

– Знаешь сам, сколько я мотаюсь по городу, да со сколькими людьми знаком. Гвардия, придворные, армейские, купцы, Академия... И такие разговоры ходят... невнятные. Никто ничего толком не знает, но готовность действовать ощущается. А как и когда это может рвануть – хрен его знает. Понятно только, что лучше не тянуть – против коронованного императора мало кто пойдёт.

Вот так свежеиспечённый генерал-майор сам впрягся в подготовку коронации – не переставая при этом заниматься с Павлом, управлять Шляхетским корпусом, вести занятия с гвардейцами, самому заходить в фехтовальные залы... Более того, князь успевал ещё и переводить Шекспира.

Ну как переводить... Как и в случае с Реквиемом. Дословно он не помнил, хотя прочитал его не раз, но когда садился с английским вариантом, в памяти сразу всплывали строки на русском. Вообще-то говоря, перевод Шекспира на русский уже был, но откровенно похабный – по мнению попаданца. Перевёл пока «Короля Лира» и «Отелло», напечатав их в типографии корпуса.

Напечатал пока небольшим тиражом – в сто экземпляров каждая пьеса, да раздал при Дворе почти всё. Часть забрали кадеты – был здесь театральный кружок. По мнению искушённого попаданца – уровень колхозной самодеятельности. Нет, даже ниже. Однако публике нравилось, и даже бывавшие за границей дворяне ценили Шляхетский театр достаточно высоко...

Единственное, что князь изменил в театральном регламенте – запретил играть мальчикам женские роли¹⁰⁰.

– Но, господин генерал-майор! – протестовал Иван Рюмин, один из руководителей театра.

– Ф-фу, – выдохнул князь, – господа кадеты, я не запрещаю вам играть. В конце концов, найдите девушек для женских ролей – обещаю пропустить их в корпус.

Кадеты были в отчаянии и даже при Дворе Владимиру высказали своё «фи».

– Пока я директор – мужчин, играющих женские роли, в корпус не допущу, – сказал он статс-даме Измайловой. Затем слегка наклонился к пожилой женщине и сказал негромко: – Чтобы играть женские роли, мальчики переодеваются в женские платья. Анастасия Михайловна, ну вы-то понимаете, что в *мужском* коллективе такое недопустимо – иначе можно докапаться до греческих... традиций.

Намёк на содомию был очевиден, и статс-дама слегка сморщилась.

– Кстати, не могли бы вы взять на себя этот вопрос? Понимаете, хочу, чтобы в спектаклях участвовали и девушки... С дуэньями, разумеется, – успокоил он вскинувшуюся было женщину, с возрастом ставшую изрядной ханжой. Та задумалась, и Грифич «добил»:

---

¹⁰⁰ Было такое поветрие. Считалось, что если в театре будут играть и женщины, то это не театр, а публичный дом.

– Насколько проще станет устраивать браки... Возьмётесь?

Такое предложение Анастасия Михайловна пропустить не смогла – возможность стать свахой для высшего общества означала колоссальное влияние. Ну да пускай, зато у Владимира прибавилось сторонников при Дворе – дама была особой весьма влиятельной.

С этим предложением он выступил в конце февраля, а в середине апреля уже подал Петру проект Института благородных девиц, и Измайлова с остальными статс-дамами были в числе тех, кто яростно поддерживал это начинание.

– Ну и как вы это видите? – спросил государь.

– Сперва наметим структуры Института и подберём преподавателей, – неторопливо отвечал князь, раскладывая перед Петром выкладки. – Девиц можно разместить в Новодевичьем монастыре¹⁰¹. Предлагаю набирать двести или триста девочек из благородных домов и столько же – сироток из солдатских семей.

– Последних будут учить попроще, – веско добавила Измайлова, – на выходе из них будут хорошие гувернантки и компаньонки¹⁰². А может, и кто из дворян рангом пониже соблазнится взять их в жёны.

– Согласись, государь, – подхватил попаданец, – Институт этот – дело необходимое, пора уже.

– А солдатских-то дочек зачем? – вяло трепыхался Пётр.

– Так мы ж не всяких будем, – решительно сказала Анастасия Михайловна, – а только тех солдат и унтеров, что успели проявить себя героически. Согласись, государь (да, повтор, но зачатки НЛП известны уже давно – «Согласись, государь») – так-то солдатикам легче будет в боях умирать – надежда будет, что кровиночки в люди выйдут.

На том и порешили.

Директором нового Института решили поставить Измайлову – женщина в возрасте, зарекомендовать себя успела как особа умная, властная, решительная и склонная к интригам. В помощь же вызвался Грифич:

«Опыт-то у меня уже есть, так что помогу Анастасии Михайловне вначале, а потом она и сама справится».

Статс-дама благосклонно согласилась – всё-таки Институт предстояло налаживать с нуля и помощь Владимира, успевшего зарекомендовать себя человеком умным и энергичным, была весьма кстати.

Сам же попаданец, выходя из кабинета Петра, поставил в мысленном списке галочку – он приобрёл ещё немного сторонников и немного – влияния. Впрочем, учитывая связи его «напарницы», речь шла о весьма солидных величинах...

– Нет денег! – раздражённо бросил Пётр в ответ на просьбу Владимира о строительстве Гимнастической¹⁰³ школы, – воруют! Найдёшь – дам!

Князь нашёл...

– Что-о? – багровел государь. Узкоплечий, широкобёдрый, откровенно не воинственный и «домашний», выглядел он в этот момент устрашающе.

– Цалмейстер Канцелярии главной артиллерии и фортификации Григорий Орлов¹⁰⁴, – повторил Грифич, – гребёт хорошо.

---

¹⁰¹ Как и в нашем мире.

¹⁰² В то время (и значительно позже – тоже) девицам из «хороших семей» нельзя было находиться в обществе в одиночку – требовалась компаньонка. Обычно это девица или женщина из обедневших дворян (не обязательно), воспитанная и образованная достаточно хорошо, чтобы не выглядеть в «обществе» деревенщиной.

¹⁰³ По современным понятиям что-то вроде института или техникума военной физкультуры. Гимнасты в то время – профессиональные атлеты с военным уклоном.

¹⁰⁴ Он и в реальной истории был на посту казначея, что здорово помогло заговорщикам.

– Снова Орлов, – с ненавистью повторил будущий император, оттягивая воротник мундира. – на что тратит?

– На гвардию.

– Ты доигралась, Като... – прошипел Пётр и стремительными шагами вышел из кабинета.

Он устроил грандиозный разнос супруге: «Знаю, что рогат, но имей же совесть и не выставляй мои рога напоказ!»

Орлов был уволен со всех постов и получил предписание направиться в один из пехотных полков, расположенных на южной границе. Однако излишне мягкий Пётр Фёдорович так и не довёл дело до конца. Наорав на супругу и её приближённых, репрессиями он не увлёкся и почти все получили разве что символические взыскания о недопустимости подобного поведения.

К этому Екатерина уже привыкла – последние пару лет она регулярно получала выволочки от супруга. Если вначале он был весьма снисходителен к её изменам, то теперь потерял всякое терпение. Мало того, что она выставляла напоказ своих любовников, так ещё и не стеснялась кланчить деньги у иностранных дипломатов¹⁰⁵. Весной и вовсе – родила от Орлова сына...¹⁰⁶ А теперь ещё ухитрилась посадить Орлова на денежный поток, из которого тот черпал, ни капли не стесняясь. Да, собственно говоря, воровал большую часть поступающих средств...

Грифич остался недоволен результатами – Пётр был в своём репертуаре. Позже, сидя с вернувшимся из ссылки (благодаря Петру) Миниху за бочонком пива, на вопросы фельдмаршала «Об известном деле» он только мрачно буркнул:

– Государь ослеп.

Несмотря на все интриги Владимира, непотопляемая Екатерина всё оставалась супругой будущего императора. Можно, разумеется, и не увлекаться «игрой», став по-настоящему нейтральным. Но... спортсмен прекрасно помнил, как на одном из балов хорошо подпившая Като принялась приставать к нему в углу за портьерами.

Не желая лезть в чужую супружескую жизнь... Да откровенно говоря – женщина вдобавок была не в его вкусе. Так вот князь просто отстранил её и ушёл. Через несколько дней в зеркальной поверхности он увидел взгляд Екатерины, смотревшей на него. Там была такая ненависть...

Офицер не знал, играет ли обида отверженной женщины или что-то другое. Однако такие глаза он часто видел – у врагов, несущихся на тебя с клинком наголо и желающих непременно, любой ценой убить врага.

После этого случая, и без того расположенный к Петру, он сделал свою ставку – на законного императора. Возможно, *та* Екатерина и впрямь была Великой и многое сделала для страны. Но эта... Эта заводила любовников без всякого стеснения, брала деньги у дипломатов вражеских держав и желала власти – власти любой ценой. Попаданец принял решение: она не должна прийти к власти, и если понадобится...

Глава восьмая

Повлиять на Петра Грифич так и не смог. Не смог Миних, Воронцов... Пётр Фёдорович был твёрдо убеждён, что поскольку он законный государь, то идти против него никто не посмеет. Вот вроде умный же человек, но откуда в нём этакая прекраснодушность? Сколько переворотов совершилось уже в России и всё равно – «не посмеют»...

---

¹⁰⁵ Мало того, во время Семилетней войны Екатерина передавала Англии сведения о русской армии. Информация сохранилась в депешах самого посла. Есть данные и о том, что она брала деньги и у пруссаков. Во всяком случае, даже лояльно настроенные историки не спешат с опровержениями. Дескать, она потом отслужила свои грехи, действуя исключительно во благо России.

¹⁰⁶ В реальной истории – будущий граф Бобринский.

Однако и сделать ничего Владимир толком не мог – влияния не хватало. Ну и помимо всего прочего, сейчас как раз был своеобразный период междувластия, когда не ушли ещё прежние сановники и не уселись достаточно уверенно нынешние. И естественно, были игроки, игравшие только за себя.

Не только Екатерина – хватало и других ловцов удачи помельче. Были партии английские и французские, австрийские, прусские... даже шведская! Были желающие посадить на трон так называемого императора Ивана – сына Анны Леопольдовны, который почти всю жизнь провёл в заточении, свергнутый Елизаветой.

Всё, что князь мог реально сделать, так это способствовать собственной популярности и популярности Петра. Семёновский полк он мог считать «своим», хорошие шансы при заварухе он имел и у измайловцев. Поднимутся за него и армейские полки, расквартированные под Петербургом. Не все, разумеется, да и гвардия просто-напросто ближе... Но хоть что-то надо делать!

Пьянки-гулянки попаданец отмёл, зато идея с песнями показалась разумной. В итоге, он буквально «изнасиловал» свою память, но написал каждому гвардейскому полку собственную песню и собственный марш. Понятное дело, что написал (точнее будет – вспомнил и записал) он не только для гвардии, но и песни вообще, запустив «в народ» такие нетленки, как «Враги сожгли родную хату» и «Чёрный ворон». Популярность поднялась, но...

Против Петра уже практически в открытую играли французы и англичане, снабжая сторонников деньгами. К великому сожалению Грифича, на такое в эти времена практически не обращали внимания – норма, эти...* Кошелек с серебром раздавался практически в открытую¹⁰⁷. А Пётр? Пребывал в благодушном настроении и наслаждался жизнью, в открытую поселив фаворитку и в своих покоях и выселив супругу в другое крыло дворца.

Князь здорово подружился с Павлом, воспринимая его скорее как младшего брата. Мальчишка чувствовал такое отношение и в ответ относился очень тепло. Если Панин был скорее некий надзиратель, пусть и достаточно либеральный, то Владимиру просто не приходилось прибегать к розгам или угрозам таковых. Достаточно было сказать: «Я обиделся на тебя» – и мальчик старался исправиться. Возможно, такое влияние попаданец приобрёл благодаря привычке честно и открыто отвечать на все вопросы. Ну... почти на все – на некоторые он честно признавался, что просто не знает ответа или говорил: «Для твоего возраста такие знания не нужны».

Павел крайне тяжело воспринял смерть Елизаветы и окончательную размолвку отца с матерью. Отца он любил, и нужно сказать, что Пётр старался уделять мальчику внимание, играя с ним в солдатики, чехарду или прятки. А вот мать... К матери он и раньше относился не слишком тепло – Екатерина была откровенной «кукушкой», забегая пару раз в неделю и обычно в самое неподходящее время. Для неё было нормой зайти к сыну после бала и потискать его как игрушку, обдавая винными парами. Несколько минут нежностей – и она убегала с очередным кавалером.

Однако мать есть мать – возраст у Павла пока такой, что без неё не обойтись. Ну и видя её ссоры с отцом, кавалеров, пьянки... Чувства к Екатерине у цесаревича были двойные...

В общем, психика ребёнка получила тяжёлый удар, и Грифич старался смягчить его состояние. Обычно – новыми играми или нехитрыми изобретениями. Вот и сейчас...

– Владимир, – они давно называли друг-друга по имени, – а это что? – с удивлённым видом спросил мальчишка, глядя на чудную конструкцию. Не менее удивлённо выглядели его сверстники – князь всё-таки «пробил» идею класса.

Современники попаданца опознали бы в конструкции прообраз велосипеда – без педалей и на колёсах типа тележных, разве что повыше уровнем.

---

¹⁰⁷ Ничего не изменилось и в наше время.

– Самокат, – отозвался Наставник, – попробуй.

Показав, как тут можно пробовать, он отдал конструкцию детворе. Попробовали... Впечатлились – и во дворце уверенно прописались скрипучие двухколёсные механизмы, а ребятня принялась осваивать их, играя в догонялки и гоняя на скорость. Всё бы ничего, но были и аварии – в основном страдали лакеи, в которых врезались малолетние гонщики. Впрочем, лакеи быстро научились реагировать на детские крики и поскрипывание колёс.

Были изобретения и для придворных...

– Вот... думки, – бросил он на столик, за которым скучали сановные старички, кроссворды и сканворды, адаптированные под нынешние реалии. Старички маразмом не страдали и быстро разобрались в сути – так у Двора появилось новое развлечение, причём, что интересно, люди пожилые больше полюбили составлять кроссворды-сканворды, чем их отгадывать. Ну а князь, пользуясь привилегиями директора Шляхетского корпуса (а точнее – имеющейся там типографии), начал выпускать небольшими тиражами самые интересные произведения – с указанием авторства. Вскоре тиражи «Думок» стали тысячными, принося корпусу довольно заметную прибыль.

Посмотрев на успех «думок», он озадаченно почесал затылок (мысленно) и обругал себя – идея-то витает в воздухе...

– Государь, прошу дозволения выпускать газету, – обратился он к Петру. Князь ожидал хоть каких-то вопросов, пусть формальных, но нет – Пётр Фёдорович аж вскочил от возбуждения:

– Дозволяю!

Правда, потом уже начались вопросы, но видно было, что Владимиру Пётр доверяет и интересуется скорее из любопытства. Газета в городе уже была – официальные «Ведомости», но была она нерегулярной, неструктурированной и достаточно скучной.

Понятно, что асом журналистики попаданец не был, но какое-то представление о работе газетчиков всё-таки имел. Так что к началу июня вышел первый номер «Известий Петербурга», в которых была страничка новостей, страничка сплетен и слухов, сканворды/кроссворды, поздравления и другие вещи, привычные его современникам. Первый тираж напечатали всего в пятьсот экземпляров, но в итоге его пришлось допечатывать несколько раз, и общая численность проданных газет перевалила за десять тысяч.

Следующий тираж напечатали сразу десяти тысячным – и снова желающих оказалось больше, чем экземпляров газет. Но князь предвидел (надеялся) такую ситуацию и потому на последней странице была информация о подписке на «Известия». Горожане подсчитали и... Оказалось, что годовая подписка обойдётся дешевле, чем еженедельная покупка «Известий», и не факт ещё, что газеты можно будет приобрести...

– Экий ты хват! – с долей восторга отреагировал Миних. – Самому-то большая доля досталась?

– Десятая часть.

– Скромно, – неопределённо сказал фельдмаршал.

– Ну а что, – пожал плечами Владимир, – всё равно типография корпусу принадлежит, да и я сейчас налажу дело, да отойду в сторону, а деньги-то будут идти.

– Умно, – медленно протянул Бурхард, – я в твои годы так просчитывать не мог.

– Не прибедайся! – хохотнул собеседник.

– Не мог, – качнул головой немец, – я как строитель и военный соображал хорошо, а вот в таких вопросах, бытовых... Тут я часто промашку давал.

С Минихом Грифич накрепко подружился. Казалось бы, разница в возрасте (почти шестьдесят лет!) и жизненном опыте колоссальна, но насколько одинаково они смотрели на многие вещи! Оба совершенно нетерпимые к безделью, великолепно образованные... Да, попаданец тоже великолепно – программа школы двадцать первого века плюс увлечения, сделали

из него личность весьма и весьма грамотную – по местным меркам. Впрочем, и по меркам двадцать первого века.

Да и после начала военной карьеры в попытках утолить информационный голод улан учился: сначала былины и русскую историю, затем языки, труды древних и современных полководцев. Ну и разумеется, пытался применять свои математические познания для баллистических расчётов, строительства и т. д. Получалось. Вот с физикой было заметно хуже, а про химию и говорить нечего – совсем беда... Какие-то обрывки в памяти ещё плавали, но он сомневался, что удельный вес водорода может иметь здесь какое-то значение. Особенно если из всех доказательств и расчётов – только «Мамой клянусь, да!»

– Здорово, Емеля, – приветствовал он казака, возглавляющего небольшую компанию урядника.

– Здравствуй, твоя светлость, – засмутился казак.

– Хорош, Емельян, – засмеялся князь, – не на службе. Мы с тобой столько раз в одних битвах бились, да бок о бок в них сходились, что не чинись.

– Хорошо, княже, – хмыкнул казак и потеревил короткую бородку, – только Володиме-ром тебя звать не буду, лучше уж княже.

– Да как хочешь, – махнул рукой Грифич и повёл донцов устраиваться во дворце.

Предыстория же такова...

– Хорошо бы подобрать Павлу не учителей, а... – Владимир неопределённо повертел кистью и поудобней устроился в мягком кресле. Пётр терпеливо ждал – наставник сына попусту к нему не лез, так что в заминке он не видел ничего страшного.

– Не наставников, а людей бывалых в окружение. Таких, знаешь, чтоб солдаты были, казаки, монахов парочку, ещё кого-то можно... Ну и чтоб все они были путешественниками да людьми бывалыми.

– Идею уловил, – кивнул государь, – и в принципе одобряю. Только как людей подбирать будешь?

– Ну солдаты проблемой не будут – по одному человеку из гвардейских полков да из обычных, но отличившихся. Мои уланы, апшеронцы, ещё кого. Казаков тоже подберу, сталкивался, знаю людей надёжных.

– Инородцев на себя возмёшь? – После вопроса Пётр раскурил трубку и кликнул слугу открыть окно – отношение Грифича к табачному дыму знал весь Петербург.

– Калмыков могу, – задумался князь, – есть там парочка хороших парней, а вот с остальными как-то не сталкивался. Да! С вопросами по поводу духовенства лезть не буду, но знаешь, лучше взять не тех, кто с детства в монастырях, а таких... Чтоб после горя туда ушёл и желательно, чтоб немцы или турки насолили крепко. А до этого чтобы купцами были дворянами или крестьянами – тут не важно. Важно, чтобы они успели жизнь повидать за пределами стен монастырских.

– Много думаешь набрать?

– Нет, – замахал руками попаданец, – человек тридцать, не больше. Скорее, даже меньше. Тут главное не количество, а качество – пусть привыкает общаться с людьми из разных сословий да разных краёв империи. Полезно будет.

– Займись, – кивнул ему Пётр Фёдорович.

Что государю, что наследнику выбранные Владимиром люди понравились.

– Интересные, – задумчиво сказал мальчик, после примерно двухчасового общения с ними, – особенно этот... Пугачёв.

– Да, колоритный казачина, – согласился с ним отец, – и боец славный, если верить князю... Да верим-верим, – успокоил он попаданца.

– Мне ещё Аюка понравился и Матвей Прохоров из Апшеронского, – сказал Павел, а потом добавил тактично: – И Никифор из твоего уланского.

– Эх, – взъерошил Рюген волосы мальчишке, – не надо. Знаю, что дядька он суровый, а точнее – кажется так. Сейчас присмотрится малость и ты удивишься – как интересно он может рассказывать об обычных вещах.

– Обычных? – Непонимающе посмотрел на князя Пётр. Тот поскрёб подбородок (бриться каждый день он считал излишним) и протянул:

– Из чего крестьянские поверья рождались, приметы лесные, да многое! Но главное – он отличный мастер конного боя – один из лучших, что я встречал.

Государь выпятил губы в трубочку и с иронией посмотрел на собеседника:

– Своего расхваливаешь?

– Не без того, – согласился Грифич, – вот только конному бою учил меня именно он.

Глава девятая

«Свита» пришлась Павлу по душе – бывалые люди, успевшие помотаться по свету, да ещё и с хорошо подвешенными языками. Особенно подружился мальчишка с Пугачёвым – казачина был на редкость обаятельным. Ну и Никифор постепенно осмотрелся и начал учить ребёнка верховой езде.

– Смотри, Владимир! – звонко кричал цесаревич. – Я вот так могу!

Затем он показывал какой-то новый трюк и заливался счастливым смехом.

Поселили компанию во дворце, хотя, разумеется, отдельных покоев на каждого не было. Так, полдюжины комнатушек-кладовушек, половина из которых не имела даже окон. На том, чтобы его приближённые жили во дворце, настоял сам Павел, но государь возражать не стал – люди все проверенные, да и не объедят.

Предстоящая коронация и попытка как-то помешать ей тревожили Владимира, но другие члены партии Петра не видели в происходящем ничего страшного.

– Да пошумят и успокоятся, – махал рукой Панин, – что я, гвардейцев не знаю? Да и у придворных вечно какие-то интрижки на уме... Не обращай внимания на разговоры – если бы они выполняли хоть сотую долю того, что обещают, давно бы уже гремели как Потрясателя Вселенной.

В словах второго наставника цесаревича была доля истины – поговорить «за политику» здесь любили, но крайне редко разговоры эти заканчивались хоть какой-то попыткой действий. Да и Панину видней – он в этом «котле» варится с детства, ну а попаданец оценивает это со своей «колокольни» и зачастую неправильно. В конце концов, разве можно представить себе попытку организации переворота против законного монарха, любимого армией и народом?! Яд подложить – ещё ладно, но переворот...

Приём во дворце Разумовского протекал несколько странно – слишком много выпивки, слишком много доступных дам. Да и... Князь знал, что привлекает женщин, что называется – не новость. Но вот сегодня он прямо-таки нарасхват... Не без самодовольства он подумал, что наконец-то слухи о постельных подвигах разошлись достаточно широко...

За дверями послышался шум, ругань... Знакомый голос, успел озадачиться несколько нетрезвый Владимир. Думал он не долго – в залу ворвался Тимоня с пистолем в руках.

– Княже, беда! – закричал он. – Гвардия поднялась, Екатерину на царство кличут!

Широкими шагами принц пошёл к выходу, когда дорогу ему преградил сам хозяин дома.

– Князь, это просто рассказы слуги, гвардия по пьяной лавочке часто шалит, – выразительно сказал Кирилл Григорьевич¹⁰⁸, глядя в глаза. Тот продолжил движение, и гетман нервной скороговоркой продолжил:

– Не стоит в это лезть, принц.

Скрипнув зубами, Владимир отстранил Разумовского, и Тимоня кинул ему саблю. Крутанув тальвар, из ножен его вытаскивать не стал и выразительно посмотрел на Кирилла.

– Пропустить, – велел гайдукам¹⁰⁹ тот, пытаясь выглядеть достойно.

Выйдя из ворот Аничкова дворца, они уже бегом направились к лошадям.

– Говори, – коротко велел князь денщику.

– Шумят, – ответил тот, – знаю, что Измайловский точно за Екатерину. Орловы, Пассек, Бредихин – во главе гвардейцев, других пока не знаю.

Зимний пока ещё был свободен – редкие кучки пьяных гвардейцев только начали подтягиваться.

– Куда! – попытался было остановить принца один из них, но узнав, моментально ступешевался. Бегом он направился в сторону покоев императора. Растерянные придворные с бледными лицами разлетались с его пути.

– Ты за Павлом, – бросил князь по дороге Тимоне, – и наших там собери.

В покоях императора уже был Миних, уговаривающий растерянного государя бежать в Кронштадт.

– Грифич, ну хоть ты скажи, – обратился к нему уже охрипший фельдмаршал, – я уже устал твердить, что в Петербурге просто опасно – мы не знаем, кто из гвардейских полков остался верен.

Взглянув на государя, попаданец понял, что тот в ступоре и просто не соображает нормально.

– Куда предлагаешь?

– В Кронштадт, – быстро ответил Миних. На секунду задумавшись, Грифич прикинул расположение, гарнизоны и кивнул согласно.

Затем быстро шагнул с Петру и коротким, еле уловимым движением ткнул того в сонную артерию. Государь закатил глаза, и попаданец тут же подхватил падающего, говоря:

– Императору дурно, мы едем в Кронштадт!

Повернулся к ошарашенному Бурхарду и произнёс:

– Воронцову сюда же, быстро. Никаких туалетов¹¹⁰, левреток и прочей ерунды, через пятнадцать минут выезжаем верхом.

Фельдмаршал шутиливо вытянулся во фронт и взял операцию на себя.

Здесьние... аборигены были ничуть не глупее попаданца, но вот некоторые вещи они выпитывали с молоком матери. К примеру, даже энергичный и бесцеремонный Миних тратил время на уговоры, вместо того чтобы действовать решительным образом. Особа правителя священна – и точка.

Убить могли – и убивали, но «правильные» подданные не могли позволить себе *такого*. Тут либо бунтовщик – и покатишься душа в рай, либо верный холоп, готовый ради заведомо глупой прихоти повелителя совать голову в петлю. Ну а у Владимира такого пиетета не было – изначальное воспитание совсем другое.

---

¹⁰⁸ Разумовский Кирилл Григорьевич — младший брат фаворита Елизаветы, последний гетман Запорожского войска, президент Академии наук. И разумеется, незаслуженно, исключительно за постельные заслуги брата. То есть дураком его никак не назовёшь, но в четырнадцать он – неграмотный пастушок, в шестнадцать – уже граф, а в восемнадцать – президент Академии наук. Согласитесь – немного слишком... Тем более что на этих постах он проявил себя или плохо (гетман), или никак (президент Академии наук).

¹⁰⁹ Гайдук – вольнонаёмный (как правило) телохранитель.

¹¹⁰ В то время одежда, обычно парадного типа.

Фельдмаршал ещё раз доказал свои организаторские способности – всего через пятнадцать минут ближайшее окружение государя уже сидело верхом. Сам Пётр с наследником был окружён людьми Павла, зорко смотрящими по сторонам. Огнестрел у каждого было...

Князь взял с собой пять заряженных картечью мушкетов, да четыре пистоля¹¹¹, да две сабли – прорываться... Не хуже были вооружены и остальные придворные-мужчины. Впрочем, не все, некоторые сжимали в руках символические пистолетики и пугливо оглядывались по сторонам. Ясно было, что участвовать в... мероприятии они явно не горят, потому и стараются дистанцироваться от оружия.

С ходу пошли галопом, Пётр мотался в седле тяжёлой куклой, придерживаемый с двух сторон опытными наездниками. Ну и привязан был – после тычка по сонной артерии князь не дрогнувшей рукой щедро накачал его снотворным. А что делать? Если в критической ситуации человек не соображает, придётся соображать за него...

– Виват Екатерина! – заорала большая группа измайловцев, преградившая путь авангарду. Орали не от молодчества – работала система опознания «свой-чужой».

Бах! бах! бах! – загремели выстрелы, сметая заслон. Картечью в упор, да из десятка мушкетов...

– Ништо, княже, – оскалил белые зубы Емельян, скакавший в авангарде, – коль проиграем, всё одно нам не жить, сколько бы ни натворили.

Владимир только усмехнулся – дураку ясно. Впрочем... Не факт – многие в критической ситуации действуют как Пётр – впадают в ступор. Ну и неминуемая, в случае поражения, смерть – стимул хороший...

Улицу перегородила импровизированная баррикада из всякого мусора – ничего опасного, но верхом не пройдёшь. Объезжать? Это Петербург с его каналами и мостами, так что перекрыть улицы не так уж и сложно. Остаётся...

– Карабинеры! – рявкнул он во всю глотку, и из основного отряда выехало полдюжины метких стрелков во главе с Минихом. Сценарий был обговорен заранее – самые меткие стреляют, остальные перезаряжают и подают. Ну и он с Тимоней, Пугачёвым и Аюкой идут в прорыв с клинками – если понадобится.

Нарезные ружья глухо забахали, и из-за баррикады раздался мат и крики. Вот ещё одно отличие – современники Владимира, завидев наведённые ружья, просто легли бы или спрятались за ближайшее укрытие. Здесь это «невместно» – нужно стоять, выпятив грудь... Не совсем, конечно, да и такому поведению есть оправдание.

После залпа защитники баррикады попрытались, а самых смелых выцеливали стрелки с карабинами¹¹², стоящие вне досягаемости. Под таким прикрытием штурмовая группа подобралась поближе и... Короткий разбег, и экстремал широким прыжком перелетает препятствие. Защитники ожидали нападения, но не с неба, так что отбив неуверенный выпад протазаном особо шустрого преображенца, спортсмен приземлился за спинами врагов.

Широкое движение кистью – и поперёк спины унтера возникает кровавая полоса... Увернуться от широкого удара прикладом, кончиком клинка дотянуться до горла... Замешкавшему рядовому, потерявшему равновесие, ребром левой руки по основанию шеи. Хруст.

Тут подоспел и остальной авангард, связав боем два десятка оставшихся гвардейцев. Нельзя сказать, что это были волки, напавшие на овец, но... Всё они были не просто отменными бойцами, а бойцами, прошедшими кровавую кампанию, и умели применять свои знания

---

¹¹¹ Не путать с пистолетом. То, что подразумевается под этим словом, напоминает скорее крупнокалиберный обрез. Изначально это лёгкое кавалерийское ружьё, которым можно было управляться одной рукой. Позже сюда включили и кавалерийские же пистолеты с длинными стволами и крупным калибром.

¹¹² *Карабин* — нарезное (то есть дальнобойное) ружьё. Первоначально карабин – укороченное нарезное ружьё, предназначенное прежде всего для кавалериста.

не только в теории. Во всяком случае, тот же Аюка от хлестанувшей в лицо крови врага только взвыл по-волчьи и явно впал в своеобразный транс.

– Пали! – услышал Рюген голос Миниха, а затем и звуки выстрелов. Подоспевший основной отряд практически в упор расстрелял оставшихся гвардейцев.

– Контроль! – прорычал князь и прошёлся по баррикаде, добывая оставшихся в живых. Такая привычка была у многих ветеранов – слишком часто покрытые кровью «трупы» оживали и всаживали клинок в спину товарищу. Ну а если он просто тяжело ранен, то с современным уровнем медицины это элементарное милосердие – всё равно умрёт, только мучительно...

Быстро разбросав баррикаду и оттащив в сторону тела, бойцы вновь вскочили на коней и поскакали в сторону порта. Несколько раз им попадались разрозненные кучки гвардейцев и каких-то непонятных вооружённых людей – то ли гайдуков, то ли вообще лакеев.

«Судя по всему, – подумал попаданец, – это какие-то личные гвардии вельмож. Не случайно же Разумовский хотел меня задержать».

В порту была непонятная возня – что-то похожее на смесь пьянки и агитации.

– Княже, я проскользну, – подошёл к нему Емельян, – на рожон переть не стоит.

Прикусив губу, князь задумался – лезть на рожон и в самом деле не следовало, но время...

– Давай, только побыстрее – сам понимаешь, наверняка гонятся.

Пугачёв возник рядышком минут через пятнадцать. Именно возник – только сверхчувства попаданца в сочетании с настороженностью позволили понять ему, что кто-то подходит. Подивившись «ниндзюку» и поняв, как именно тот с товарищами «шалил» прямо в прусском лагере, Владимир тихонько сказал:

– Докладывай.

Из слов разведчика выходило, что это вельможи со своими людьми мутят – водки да вина привезли. Флотских пытаются даже не завербовать, а просто смутить. Где-то разговоры об уме Екатерины, где-то о «предательстве» Петра... Не суть важно – важно то, что они просто пытаются блокировать полк и обезвредить флот.

– Пройти сможем?

– Да хрен его знает, – Пугачёв с сомнением покосился на государя, обмякшего в седле, – мы-то пройдем, а вот с ним...

Помог Миних, отошедший от основного отряда, спрятавшегося за постройками. Фельд-маршал прекрасно ориентировался здесь и понимал саму структуру порта и Кронштадта. Вернувшись из ссылки, он быстро восстановил многие связи и теперь мог назвать даже суда и капитанов, за которых ручался.

К большой компании гулявших флотских подошёл важный вельможа.

– Я Миних, – представился он, – есть ли здесь кто-то, кто не знает меня?

– Да кто ж тебя не знает? – удивился пьяненький матрос. – Ты, конечно, пёс ещё тот, но службу знаешь и зазря служивых не обижал.

– Ну а раз знаете, – продолжил старый фельдмаршал, – то слушайте. Екатерина замыслила переворот. Гвардия и вельможи за неё. Что такое переворот – сами знаете. Гвардии да вельможам будут деньги раздаваться, да поместья, да крестьян... Да и сами должны понимать, что такое баба на троне, да такая... Гулящая.

Миних говорил короткими, рублеными фразами – так, чтобы поняли даже пьяные флотские. И те поняли... Началась было шумиха, но Бурхард быстро успокоил народ. Словом, спустя несколько минут нестройная толпа прошествовала к одному из стоящих у причала кораблей.

Придворных частично переодели, а частично просто заслонили от других компаний гуляк. Однако нужно сказать, что прошли скорее благодаря наглости мероприятия, ну и тому факту, что сейчас в порту хватало таких вот странных, смешанных компаний.

Погрузившись на «Гордость Балтики» – довольно ветхое и совсем небольшое судно, спасители императора отправились к Кронштадту. С берега им кричали что-то запретительное, но тут снова спас Миних – он представил дело так, будто компания отправилась к флотской базе ради агитации за Екатерину.

Погрузились не все – Тимоня отправился в распоряжение Семёновского полка, Аюка – в уланскую слободу, его там многие знали. Пусть там и были в основном инвалиды да выздоравливающие, как и в других окрестных армейских полках, но даже несколько сот ветеранов – это сила.

– Бегом вестового к адмиралу, – скомандовал Миних, едва к приставшему судну подошла вооружённая охрана, – с нами император, в Петербурге переворот.

Князь Мещерский прибыл очень быстро и, увидев императора, которого перетаскивали на руках, побледнел и схватился за сердце.

– Жив, – успокоил его Владимир, – плохо стало от таких известий, так я его снотворным напоил, чтоб от волнения не помер. Степан Михайлович, вы распорядитесь пока, чтобы императора с наследником во дворец проводили.

– Да-да, – слабым голосом отозвался растерянный вице-адмирал и отправил в их распоряжение группу флотских¹¹³.

И снова бразды правления перехватил Миних. Впрочем, Грифич не в обиде – жизненный опыт, связи, знания... Всё в его пользу, так что пусть «рулит».

– Адмирал, поднимайте гарнизон в ружьё, – властно приказал фельдмаршал, – ну и далее как положено – гонцы, приготовления к вражеской атаке и прочее.

– Как вы думаете, – вместо ответа растерянно спросил Мещерский, – этот переворот – он серьёзный?

– Уже нет, – веско ответил Миних, – императора с наследником из-под удара заговорщиков вывели. Ну а дальше сами знаете – Кронштадт им не взять, а гвардия против армии это не серьёзно, да и не все гвардейцы предатели. – Тут немец прервал беседу и как-то очень хищно сказал: – Давно пора было проредить эти... сорняки, а тут повод какой, а?

Хлопнув адмирала по плечу, он сказал, сменив тон на доверительный:

– Можете считать, что Андрей Первозванный и повышение в чине у вас уже имеются, вы же теперь – один из трёх спасителей государя.

Глава десятая

Вице-адмирал пусть и был назначен в Кронштадт совсем недавно, но всё про всех знал. Русский флот в настоящее время был достаточно маленький, так что каждый был на виду.

– Гарнизон крепости поддерживает императора, – рассказывал он на ходу, – а вот за охрану дворца ручаться не могу – там гвардия, сами понимаете.

– Сменить, – коротко бросает Миних.

– Уже приказал, – с лёгким самодовольством ответил Мещерский.

Кивок фельдмаршала, и разговор продолжается – вояки совместными усилиями пытаются найти слабые места плана и кое-что получается. Степан Михайлович несколько лучше ориентируется во флотских реалиях... Несколько, потому как и Миних успел отметиться в десантных операциях, да и строит те же порты-гавани-каналы. Так что вопрос ещё, кто более компетентен...

---

¹¹³ В то время моряками нередко именовали, собственно, корабельных специалистов, под матросами подразумевали морскую пехоту и какую-то часть флотских гарнизонов. Плюс во флотских гарнизонах могли быть ещё и обычные солдаты, технические специалисты со званиями, вольнонаёмные. Так что в некоторых случаях проще обозначить их как «флотские», чем писать подробные разъяснения.

Адмирал быстро пришёл в себя, и растерянность как рукой сняло. Удивительного тут ничего не было – компетентный специалист, да вдобавок понявший, что именно он на стороне законной власти, а у заговорщиков нет никаких шансов. Приятно осознавать, что через несколько недель ты гарантированно получишь повышение в чине, награды и монаршее благоволение.

Ну и... Между флотом и гвардией «контры» были давние и вполне понятные. Кронштадт и флот действительно работали и воевали, защищая столицу, а привилегии, титулы, деньги, награды и чины получала гвардия, и это при том, что вояки они давно уже были «паркетные». Ситуация обострялась ещё и потому, что жили они по соседству... Банальная зависть, помноженная на обиду и чувство несправедливости.

– Господа, – влез в их разговор Рюген, – как я понял, государь и наследник вне опасности? Дождавшись подтверждения, он удовлетворённо кивнул и предложил:

– Здесь я вам не нужен, так что прошу разрешения забрать часть своих людей да десантировать нас куда-нибудь поближе к армейским полкам.

– Погоди немного, – остановил Бурхард молодого друга, – я там по дороге людей направил на разведку, пусть они сперва вернуться. А то высадим тебя прямо в руки измайловцев, вот уже те обрадуются...

Сведения пришли уже через час – неприметный чиновник средних лет, с жёсткими, холодными глазами, приплыл на маленькой яхточке.

– Верные части собираются в порту, – неторопливо докладывал он фельдмаршалу. – Семёновцы почти в полном составе, часть преображенцев и даже измайловцев. Конный лейб-гвардии почти весь за Екатерину или просто разбежались.

Говорил он хриловато и с одышкой – видно было, что спешил. Грифич молча отошёл и налил ему кваса. Благодарно поклонившись принцу, чиновник отхлебнул и продолжил:

– Много людишек мутных – то ли гайдуки какие, то ли и вовсе наёмники, в разы больше, чем той же гвардии. И... это пока недостоверно, но говорят, что иностранцы тоже вовсю участвуют в перевороте.

Взгляд Миниха заledenел...

– Англичане?

– Ну, про этих можно говорить практически уверенно, – ответил чиновник, – но скорее всего – не только. Екатерина и её сторонники много обещают и много врут.

Тут он замялся...

– Говори, – подбодрил его Владимир.

– Да про государя *такое* плетут... Дескать, он и веру лютеранскую хочет ввести, и Фридриху все земли отдать, и...

Тут чиновник перешёл на шёпот:

– Говорят даже, что настоящий император умер, а вы – злобные заговорщики с двойником.

Присутствующие переглянулись с мрачноватым весельем в глазах.

– И многие верят? – нейтральным тоном спросил адмирал.

– Да кто ж их знает-то? Вроде и ерунду же несут, но какие люди! Разумовский, Панин, иные вельможи, да всё это с вином, да с обещанием Царствия Небесного всем присутствующим...

Решено было направить в город отряды агитаторов. Для этого выбрали строго из добровольцев (!) людей, которые собственными глазами видели Петра и Павла и слышали историю с переворотом. Что уж там им обещали, Грифич не знал – это решали без него, а сам он отплыл на яхточке чиновника с Емелей.

– Ну всё, высаживай нас потихонечку, – шепнул принц Афанасию – тому самому чиновнику, – и смотри, сам не попадайся заговорщикам...

– А то кого награждать будут? – басовито добавил Пугачёв и тихо хохотнул.

Князь был одет в ту же парадную одежду, в которой был на приёме у Разумовского и в которой прорывался сквозь гвардейские ряды. Появившуюся мысль о переодевании во что-нибудь более невзрачное пришлось отбросить – генеральский мундир и ордена прибавляли значимости его словам, а какой-нибудь невзрачный мундир могу навести слушателей на мысли, что дело у государя плохо, раз уж его генералы вынуждены таиться...

– Кто такие? – окликнул их нервный ломающийся тенор.

– Генерал-майор Владимир Грифич, – с ледяным спокойствием (а оно далось ой как непросто!) отозвался попаданец, готовый в любой момент упасть или прыгнуть.

– Точно?

– А ты сам погляди, – отозвался вместо него Емеля. Подросток со здоровенным двустольным пистолем вылез из такого неожиданного места, что удивился даже экстремал, привыкший в своё время к беготне по городским трущобам.

– Я Иван Коровин, – гордо представился он, – сын Тимофея Коровина, корабельного плотника. Я за царя стою.

Вид у него при этом был на диво потешный – прыщавый подросток, испачканный в какой-то дряни, да с ломающимся голосом... Но помня, как умело тот спрятался, да и пистоль держит твёрдо... В общем, настоящий воин, пусть пока и в забавной «оболочке». Увидев как следует лицо Грифича (тот даже повертел головой, чтобы подросток лучше его разглядел), он успокоился и опустил оружие.

– Я тебя¹¹⁴ знаю, – шмыгнул он носом, – у семёновцев видел, да и так...

Что «да и так», Иван не прояснил, а просто вывел князя к остальным. Портовые рабочие, мастеровой люд, немногочисленные купцы, флотские, многочисленные армейские командированные-выздоровливающие-просители-отпускники – все они загомонили разом, узрев важного вельможу.

– Тиха! – во всю глотку заорал Емельян. – Князь говорить будет!

Благодарно кивнул Пугачёву, Грифич влез повыше и окинул взглядом толпу – только навскидку не меньше пятисот человек, да наверняка кто-то защищает и подступы к порту. Правда, с оружием у большинства проблематично – даже военные в большинстве своём только с холодным оружием, винтовок-пистолетов немного, а уж пороха – ещё меньше...

– Я князь Грифич, принц Рюген, генерал-майор, директор Шляхетского корпуса! – громко представился он. Переждал ответные крики толпы:

– Знаем, знаем, говори!

И продолжил:

– В Петербурге переворот – Екатерина решила взять власть в свои руки! Гвардия и некоторые вельможи на её стороне. Вы все слышали, какую ерунду они обещают!

Орать приходилось громко, надсаживая голос...

– Ерунду! – повторил Владимир. – Ну как можно верить обещаниям о снижении налогов всем и о раздаче денег? Казна не бездонная! Допустить, что они не врут, можно только в одном случае – если понять, что снижать налоги и раздавать деньги они собираются себе! А брать эти деньги будут у вас!

В толпе загомонили, обсуждая слова генерала. Тот подождал, пока гомон стихнет...

– Кто обещает?! Воры известные! Так стоит ли верить им?!

– Княже, здесь им никто не верит! – донеслись крики. – Ты про императора обскажи!

Владимир поднял руки, призывая людей затихнуть.

– Император с наследником в Кронштадтской крепости – в безопасности!

---

¹¹⁴ Напоминаю: обращение на «вы» пришло на Русь из Европы и приживалось тяжело. Нормальному человеку трудно было представить, зачем обращаться к кому-то в множественном числе.

Лица у людей сделались просветлёнными, и кто-то даже затянул молитву – что такое переворот и каковы его последствия, люди понимали достаточно хорошо.

– С императором Миних и командир Кронштадтского гарнизона вице-адмирал Мещерский!

И снова пришлось ждать, пока народ успокоится. Миниха... нет, не любили – уважали. Он стал олицетворением такого порядочного и компетентного служаки, который много спрашивает с подчинённых, но с себя – ещё больше. Ну самое главное, фельдмаршал был на редкость справедлив, и многие считали его «настоящим русским – пусть и немчура».

Орал Грифич недолго – объяснил всем, что мятеж гвардии обречён, что император (пусть пока и не коронованный) с наследником в безопасности и что главная задача защитников порта – просто продержаться день-другой, пока сюда не стянутся войска и не выбьют бунтовщиков.

Наоравшись, пришлось объяснять лидерам толпы подробности, затем снова... и снова... Наконец, он добрался до семёновцев и... снова лекция на тему: «Враг будет разбит, победа будет за нами». К счастью, вояки всё-таки понимали, что такое дисциплина, так что не гомонили и не переспрашивали по несколько раз. Ну и Тимоня постарался.

Грифич не зря посылал денщика к гвардейцам – те его хорошо знали и любили. Да и как не знать того, кто демонстрирует – как надо преодолевать препятствие или ставить кулак при ударе. Да и любовь... Тимоня, с его несомненной храбростью и воинским мастерством, умением плясать и драться на кулачках был одновременно настолько прост и бесхитростен... А главное – понятен, ведь верхом его желаний было вкусно пожрать, выпить, подраться и найти бабу. Словом – идеал гвардейца!

Звучит немного... нелепо, но что есть, то есть. Если бы Тимоня хоть чуточку играл, но нет – он просто был собой, так что друзей и приятелей у него было великое множество, причём иные – даже в офицерских чинах.

– Александр Иванович-то где? – спросил Грифич о командире семёновцев.

– Шувалов? Да ранили его – бедро пропороли протазаном, да и так... помяли, – мрачновато отозвался стоящий рядом сержант. – Он преображенцев пытался остановить, так они его...

Тут он сжал кулаки – своего формального начальника семёновцы любили. По сравнению со своими родичами он считался бесцветным, но учитывая, что руководил он Тайной канцелярией – бесцветность эта была скорее профессиональной.

Почему не раскрыл заговор? А как – если гвардейцы и вельможи привыкли совершенно открыто обсуждать всевозможные «проекты» нового государственного устройства. По типу дворянской республики с расширенными для шляхты правами и урезанными – для быдла.

Расследовал и отслеживал – и получал «по рукам», неоднократно. Разговоры эти той же Елизаветой воспринимались достаточно равнодушно, да и Пётр страдал избыточным либерализмом. Да что говорить, если сам Владимир пытался донести информацию до Петра Фёдоровича и был достаточно невежливо... Не послан, но где-то рядом...

Да и, откровенно говоря, при Елизавете права Тайной канцелярии сильно покровомали, ну и сам Александр Иванович был скорее исполнителем, чем начальником. Приказали не трогать определённых лиц и не лезть в некоторые сферы – и не лез.

На посту же шефа семёновцев он проявил себя лучшим образом – не лез. Всё держалось на толковых заместителях, ну а сам Шувалов просто помогал «своему» полку по мере возможностей.

Убедившись, что Шувалов не в состоянии решать какие-то вопросы, князь обратился к фактическому командиру полка:

– Любим Арсеньевич, как с припасами дела обстоят?

– Хреново, – ответил Челищев спокойно, – уходили когда из казарм, порошу взяли с избытком, а по дороге лошадей в повозках убили. Что успели, то и взяли – немного получилось, выстрелов по тридцать на человека.

– Должно хватить – если за укреплениями спрячетесь, да стрелять прежде всего будут карабинеры.

Майор хмыкнул и с нотками скепсиса ответил:

– А ну как пушки подтянут? Арсенал-то в руках бунтовщиков.

– В Кронштадте Миних, так что не переживайте – там и людей хватит, и припасов. Можете для надёжности отправить туда кого-нибудь, чтоб информацию передать. Наверняка ведь какие-то яхточки есть.

– Как не быть, – семёновец просветлел лицом, – сей же час и отправим.

– Не только в Кронштадт, – прогудел Емельян, – нужно оповестить людей, что император и наследник живы, что Миних на их стороне. Ну и всякое...

Пугачёв влез в разговор без особого стеснения – казак всё-таки, а не бывший крепостной.

– Правильно, Емеля, – одобрил идею Рюген, – ты как, майор, потянешь?

Гвардеец задумался, прислонившись к стене склада...

– Да потяну, есть у меня толковые ребята.

– Не Щука с компанией? – заинтересовался Грифич.

– Они самые, – засмеялся майор, – бузотёры, конечно, но если надо, яйца у медведя оторвут!

– Эти да, могут, – согласился Владимир со смешком – компания достаточно известная.

Пока они строили планы и рассылали людей, в проходах к порту сооружали укрепления. Не сказать, что они сильно помогут – всё-таки территория рассчитана на быстрое и беспрепятственное перемещение огромного количества грузов... Но хоть что-то.

– Я б не так сделал, – внезапно заявил Пугачёв и дал несколько дельных советов. Майор покосился на него задумчиво...

– В каком, говоришь, звании? Урядник?¹¹⁵ Помяни моё слово – до войскового старшины¹¹⁶ дорастёшь.

Казачина остался польщённым...

Под утро бунтовщики начали наращивать своё присутствие в районе порта, и его защитники заволновались.

– Етическая сила, – обречённо выдохнул поручик Игнатов, – пушки и конная гвардия.

– Ну гвардию, положим, я смогу остановить, – Грифич смерил взглядом широкое, ровное пространство. Окружающие вытаращились на него с выпученными глазами.

– Вы чего? – заметил их реакцию князь. – Решили, что я брошусь на них с саблями наголо?

Вообще-то, именно так они и подумали... Вздохнув, князь объяснил свою задумку:

– Поскачут они между складами, так положить на дорогу несколько канатов поодаль друг от друга и натянуть в нужный момент. А когда завал образуется, то и атаковать.

Ба-бах!

Звук выстрела шести пушек оглушил непривычных портовых работников, и те аж при-сели, и это находясь в безопасном помещении! Князь аж поморщился – с гражданскими трудно работать прежде всего потому, что сложно предугадать, что же они выкинут в следующий момент. Они могут быть великолепными стрелками и фехтовальщиками, иметь опыт дуэлей, но вот в настоящей битве, особенно если просто не понимают, что надо делать... А даже если и понимают – рефлексов-то нет. Владимир только в восемнадцатом веке понял весь сакральный

---

¹¹⁵ Урядник – приблизительно соответствует унтер-офицеру.

¹¹⁶ Войсковой старшина — майор.

смысл маршировки и другой, столь бессмысленной, казалось бы, в армии двадцать первого века, муштры – просто-напросто приучают действовать единым организмом и реагировать на команды без раздумий и одинаково.

Выстрелы пушек смели баррикаду, но людей за ней не было – так что не было и потерь. Так, несколько человек обозначали присутствие, а как только дозорный с подзорной трубой подал сигнал, что артиллеристы готовы стрелять, разбежались в разные стороны. Проход между складами был около двадцати метров шириной, так что бежать пришлось недалеко.

Следующий залп – и проход очищен. Вдали массовка изображает ринувшихся на подмогу вояк. Грифич внимательно наблюдает за действиями противника... Есть! Они решили пойти ва-банк и двинули конницу вперёд. Идиоты, но ведь ожидаемо... Лейб-гвардии конный полк ринулся по широкому проходу тесным строем – колено к колену. Вот постепенно набирается скорость и лошади переходят на рысь...

Отчаянный взмах рукой и... Передние ряды начинают падать, задние продолжают напирать.

– Руби их песи! – заорал Рюген, и по этому сигналу из дверей выскакивают семёновцы с мушкетами. Заряжены они не пулями, а картечью¹¹⁷, так что залп получается ужасающей мощи. Семёновцы отходят в сторону и принимаются перезаряжать оружие, а на смену выбегают другие солдаты. Залпы звучат один за другим, и всё пространство затянуто дымом.

– Отходим! – командует князь, и солдаты послушно отступают. Добивать? Да пока дым рассеется, времени пройдёт немало, а лезть с клинками в это... месиво... Там наверняка остались живые, но вот насчёт здоровых и боеспособных – вряд ли, разве что буквально считанные бойцы. Впрочем, семёновцев тоже немного – меньше полусотни. Ну а что делать, если есть и другие направления – не менее опасные. Да и... полк изначально был в половинном составе – кто-то воюет на стороне мятежников, ну а кто-то просто решил выждать...

Удалось захватить одного пленного. Как и все в этом полку, принадлежал он к аристократии. Раненый мужчина чуть за тридцать. Владимир много раз сталкивался с ним на балах и приёмах. Как же его зовут... Да, впрочем, хрен бы с ним. Оттащив его в сторону, он вместе с Емельяном принялся за допрос.

– Рассказывай, – с мягкой улыбкой велел он пленнику. Тот с ненавистью уставился на князя.

– Мы всё равно убьём Петра, и Россия станет свободной!

Громкое заявление, однако вскоре выяснилось, что подразумевается республика по типу Польши – с правами для аристократов и бесправием для всех остальных. О подробностях заговора пленный говорить отказался.

– Зря, – с такой же мягкой улыбкой сказал Рюген и рукояткой кинжала раздробил ему мизинец, зажав предварительно рот. Затем начал «играть» с раздробленным пальцем, а как только пленный пытался орать, следовал тычок в солнечное сплетение.

Чувствовал ли он что-нибудь к жертве? Да – отвращение. Владимиру были омерзительны все эти заговорщики, готовые заведомо ослабить страну ради того, чтобы лично им было лучше. Впрочем, они подводили под своё предательство весьма своеобразную философию – они лучшие представители народа и потому должны жить лучше. Ну а представители более... низкие должны быть счастливы служить таким господам, как они. Несчастливы, и вообще не желаете признавать себя низшими, а нас, таких хороших, – высшими? Выродки, твари, нелюди – засечь плетью, стоптать конями! Вы не имеете права на жизнь!

Через две минуты лейб-гвардеец с ужасом смотрел на него и выкладывал всё, что знал, а знал он немало – друг от друга они не слишком таились. Грифич сидел перед «языком» по-татарски, со скрещенными ногами, и молча кивал, всё так же улыбаясь. Когда тот начал повто-

---

¹¹⁷ Довольно распространённая практика в те времена.

ряться раз за разом, коротко, без замаха ударил пленного в висок тыльной стороной ладони. Пугачёв молча и даже с некоторым одобрением смотрел на него. Закончив допрос и убив врага, они не стали что-то говорить, а просто отошли в сторону – пусть считают, что умер позже от ран...

– Не зря спешат, – объявил Владимир семёновцам, – знают, что времени у них немного, ведь в Петербурге народ уже начинает понимать, что им хотят посадить на шею Екатерину, убив императора. Раньше-то они могли считать, что дело уже сделано и потому присягнуть ей, но теперь наши люди рассказали, что государь и наследник живы и в безопасности.

– Ну а что, они разве не знают, что Кронштадт невозможно взять? – удивился один из жадно слушавших гвардейцев.

– Да, может, и знают, – пожал плечами князь, – но надеются взять город и короновать Катю. Ну а там, может, кто-то из гарнизона крепости соблазнится и предаст, или ещё что...

– То есть нам просто выстоять немного, а там и город поднимется – если будут знать, что мы ещё держимся? Так?

– Верно.

Боевые действия на территории порта, по совету попаданца, велись маневренные. Для этого сделали смешанные группы из гвардейцев и флотских, знающих территорию. Ну и получалось неплохо – в нужном месте накапливали силы, били и сматывались, не дожидаясь «ответок». Тактика в большинстве случаев была стандартной – залп из засады, затем Владимир с Емельяном и сержантом Вахрамеевым врзаются в ошеломлённого противника и «связывают» его боем, давая своим время на перезарядку. Затем ещё один залп – и в штыки.

Грифич почернел от порохового дыма и покрылся пятнами чужой крови. Много раз они пересекались с другими отрядами, объединялись в условленных местах и вновь разбегались. Встретившись в очередной раз, князь увидел, что Челищев чрезвычайно доволен.

– Их с тыла начали бить, – хрипло сказал майор, не дожидаясь вопроса, – уланы твои ядром стали, ну а к ним остальные армейские присоединились. Пока мы тут силы на себя стянули, к бунтовщикам сзади пристроились.

Сказав это, он хрипло рассмеялся немудрёной шутке, заржали и остальные, сбрасывая напряжение.

Постепенно силы мятежников начали таять – не только из-за действий оборонявшихся. Князь уже наблюдал несколько сценок, когда в одиночку или небольшими группами противники просто бежали прочь.

– Любим Арсеньевич, тебе не кажется, что они очень уж бестолково действовали, – заметил принц во время одной из передышек, жуя подобранный щепочку.

– Вестимо, – солидно согласился командир семёновцев, – они и так-то потерянные были – чувствовали всё-таки свою неправду, а сейчас и вовсе...

Постояли, помолчали...

– Орловы гвардию в атаку ведут! – Прибежал с донесением рядовой гвардеец с выпученными глазами. Впрочем, пока не вели, а только воодушевляли.

– Экие они... – неопределённо выразился майор, глядя на происходящее в подозрную трубу.

– Ну-ка, – бесцеремонно отобрал её Грифич, – а-а... Понял. Видишь, они там все в ордемах – видать, Катю навесила. По принципу «победите, так всё ваше будет, ну а проиграете, так всё равно подыхать».

Снова посмеялись – это был вполне отчётливый жест отчаяния.

Как оказалось, воодушевлять Орловы умели. Что уж там пообещали гвардейцам, неизвестно, но атаки начались непрерывные, да с удивительным остервенением. Пришлось Рюгену как следует пострелять да помахать клинком. Во время боя к нему пришло интересное реше-

ние проблемы: как можно остановить нападающих, да одновременно сделать себе «имя» в этом деле. Не факт, что получится...

Фигура парламента с белой тряпкой в руке озадачила нападавших, так что стрелять не стали. Да, собственного говоря, карабинов у них не было, а из обычных мушкетов легко не попасть...

– Все меня слышат? – зычным баритоном поорал парламентёр.

– Ты что-то тихо говоришь, – демонстративно поковырялся в ухе один из измайловцев, – в Зимнем тебя точно не слышали.

По рядам разгорячённых алкоголем гвардейцев прошли смешки.

– Ну а раз слышали, – не смутился парламентёр, – то слушайте дальше. Я, князь Грифич, принц Рюген, генерал-майор на русской службе¹¹⁸, вызываю на поединок зачинщиков бунта и, прежде всего, братьев Орловых! Да не по очереди, а всех сразу! Надоело мне убивать русских людей!

– Так и не убивал бы, немчура! – крикнул всё тот же измайловец. – Отойди в сторонку, да повинись перед императрицей Екатериной!

Вместо ответа парламентёр развёл руками...

– Я понимаю Орловых – те такие же предатели, как и вы, но они хотя бы пытаются пробиться к власти, а вы-то? Жалованье на несколько рублей поднять обещали да пряжки серебряные выдать с надписью «Изменившим присяге – от неверной жены и незаконной правительницы»?

– Не твоё дело, что нам обещали!

– Понятно, не моё. Но оно и ежику ясно – поместья да чины каждому. Вы хоть думали, что обещания эти они просто не в состоянии выполнить – нет в России столько поместий!

Вместо ответа Измайловец поднял мушкет и нацелился в Грифича, но тот в последний момент просто спрыгнул вниз. Да, впрочем, это была излишняя предосторожность.

– Вышло? – жадно спросили его соратники.

– Да хрен его знает, – искренне ответил Владимир, – но даже если какая-то часть противника просто задумается – уже благо.

Оказалось, что вышло – мятежники заметно засомневались, и атаки стали достаточно вялыми, скучными. Ну и...

– Орловы там! – прибежал довольный Тимоня, наконец-то присоединившийся к командиру. – Что-то орут да руками машут.

Выяснилось, что попытки ещё раз воодушевить толпу как-то не слишком удались, и тогда Орловы решили принять вызов. А что им терять? Если проиграют, то уж точно хреново придётся, а если выиграют... То, может быть, воодушевлённые бунтовщики всё-таки смогут переломить ход сражения, а дальше и всего мятежа.

Шпагу для поединка пришлось одалживать у майора – сабля против шпаги не слишком удачный вариант, даже с учётом выдающихся физических кондиций попаданца. Но и Орловы – ребята далеко не слабые и фехтовать умеют очень неплохо.

К месту поединка вышел вместе с Челищевым – секундант.

– Господа, – с нескрываемой иронией поклонился Грифич мятежникам. Ответные сухие поклоны, и Владимир снимает мундир и рубаху, показывая отсутствие доспехов. Григорий ожёг его злым взглядом и принялся стаскивать кирасу. Мелочь? Ан нет – психологически князь уже взял первое очко...

– К позиции, – сухо скомандовали секунданты, и фарс продолжился. Ну конечно же фарс – как иначе можно назвать поединок одного против пятерых, да ещё и во время мятежа.

---

¹¹⁸ Ещё в XIX веке иностранцы частенько служили в России, даже не будучи гражданами страны.

Орловы по-любому будут выглядеть... не рыцарственно. Единственный их шанс хоть чуть-чуть исправить положение – убить его быстро и снова погнать бунтовщиков в атаку.

* * *

Тимоня, прикусив губу, смотрел за разворачивающимся зрелищем, как и все остальные. Его командир, конечно, боец выдающийся, но противники его тоже не из последних, да ещё сразу пятеро...

Вот они о чём-то говорят, и князь снимает камзол и рубаху, разоблачаются и его враги. Челищев что-то командует и резко машет рукой и... Князь идёт в атаку.

Длинный шаг, и Владимир практически садится на шпагат, делая выпад. Приём известный и эффективный, но невероятно рискованный даже против одного бойца, а когда их пятеро... Алехан падает на землю с проколотым горлом, а сам князь...

Тимоня сжимает кулаки – он тоже задет, но даже отсюда видно – царапины. Облегчённый выдох – удалось. Денщик прекрасно понимал причину такого риска: сразу пятеро бойцов на открытой местности – слишком серьёзно. Надо было вывести из строя хоть одного противника, так будет намного легче.

Один из противников кидается к убитому брату, трое резко переходят в наступление – движения быстрые, сильные, но слишком резкие. Снова «размен ударами» – ещё один из братьев тяжело оседает на землю с рассеченной клинком переносицей, а сам Грифич в этот раз цел.

Князь переходит в атаку... Несколько молниеносных движений, которые мало кто уловил и... Григорий Орлов, которого можно опознать даже издали по сапогам, роняет шпагу и отходит, держась за пах.

Тимоня осклабился хищно – послание командира всем любителям бегать по чужим бабам вполне понятно.

Осталось двое, и Владимир откровенно издевается над ними, отбивая удары стоя на месте. Ну да – это пятеро сильных фехтовальщиков для него серьёзно, особенно если это братья, понимающие друг друга без слов. Действуя, как единый организм, они могли бы уничтожить и более серьёзного противника. Могли бы...

Чуть погода оставшиеся Орловы падают на землю: один – с рассечённым бедром, второй – с проткнутым животом. Князь отходит, поднимает с земли рубаху и камзол, одевается неторопливо... И из рядов заговорщиков следует выстрел, и Грифич хватается за правое плечо.

Вместе с майором они стремительно бегут назад.

* * *

Рана оказалась неопасной – ну что такое свинцовая пуля практически на излёте... Так – болезненная вавка, не более. Однако сторонники Петра возмущены. Точнее даже – они в ярости. Мало того, что противники подняли мятеж против законного государя... Это ещё можно понять – с оговорками. Но вот такое поведение на дуэли...

Переглядываясь с командиром семёновцев, Рюген одними губами сказал:

– Удалось.

Еле заметный кивок в ответ и улыбка.

Довольный воин сидел и с улыбкой слушал выкрики своих. Удалось – он сделал себе громкое имя в очередной раз и фактически обезглавил гвардейцев-мятежников. Орловы-то были самые харизматичные... Ну а эпизод с дуэлью... Это шедевр – не принять вызов нельзя и принять нельзя. Как ни посмотри, всё одно удар по репутации. А что мятежники сейчас расстроены, это к гадалке не ходи.

Внезапно раздался рокот барабанов со стороны порта...
– Миних! – ликующе закричали солдаты. – Миних пришёл!

Глава одиннадцатая

Возвращение Миниха оказалось триумфальным – мятежники просто бежали. Кто-то попрятался в городе, кто-то поехал в поместья, чтобы делать затем невинный вид и заявлять: «Меня тут не было», кто-то поскакал в сторону границы, ну и большинство просто принялись умолять о прощении.

– Не знаю, как... – в один голос твердили допрашиваемые, – рассудок помутился.

Рюген тоже участвовал в допросах по горячим следам, и он первым обратил внимание на фразу «рассудок помутился». Вспомнился ему собственный опыт походов в ночные клубы ещё *там* и предупреждения знакомых: «Отвернулся от бокала с алкоголем – не пей».

Вообще-то, такое касалось скорее девушек, но... В Москве двадцать первого века случаи бывали разные...

– Бурхард, а может, их и правда опоили? – спросил он у Миниха.

Фельдмаршал живо уцепился за это предположение: ну в самом деле, не заниматься же массовыми казнями знатных дворян! Можно, конечно, только вот долго после этого не проживёшь...

Проверили бочонки с алкоголем, из которых поили гвардейцев. Поскольку с химическим анализом в настоящее время дела обстояли... никак, то вопросом занялись сам Ломоносов и ряд других учёных мужей.

– Есть какая-то зараза, – устало сообщил Махайло Васильевич, тяжело падая в кресло, больные ноги мешали нормально ходить.

Владимир начал рыться в принесённых бумагах – образцы учёным давали под номерами, чтобы меньше было соблазнов исправить результат.

– Есть! – с этим возгласом он побежал к Миниху. – Смотри, образцы с опиатами – из английского посольства!

Фельдмаршал с хрустом сломал тяжёлую трость всё ещё могучими руками.

– Ошибок быть не может? – мёртвым голосом спросил он. Князь отрицательно замотал головой:

– Ни малейшей! Опиаты и какая-то неопознанная дрянь аналогичного типа есть в шести образцах, и в четырёх можно чётко проследить английский след.

Старик грязно выругался и уставился на Владимира:

– Ты понимаешь, что должен молчать? Что решит Пётр – я не знаю, а пока... Я к нему, когда вернусь, тогда и поговорим.

Грифич прекрасно понимал остроту ситуации: если проблему обнародовать, то придётся идти на обострение с Англией – самой могущественной державой на сегодняшний день. Если не обнародовать... То очень может быть, что попытка повторится.

Пётр был в ярости. Попытка переворота и так тяжело на него повлияла, а тут ещё и такое откровенно наглое поведение посла. Как многие интеллигентные люди, он совершенно озверел, столкнувшись с опасностью для себя лично. Английское посольство взяли штурмом, сотрудников арестовали, как и все бумаги.

Здесь Миних взял удар на себя, и Грифич нигде и никогда не фигурировал как человек, помешавший англичанам, к великому его облегчению. Старый фельдмаршал достаточно откровенно сказал:

– Детей и внуков моих не тронут, а сам я стар. Да и нужно как-то извиняться за то, что украл у тебя победу над заговорщиками.

Здесь он был прав – остался у князя небольшой осадочек, всё-таки барабаны тогда только подстегнули желания мятежников бежать, победа уже была за сторонниками Петра.

У английского посла Роберта Мюррея нашли интереснейшие бумаги, в том числе и те, в которых говорилось о выданных Екатерине суммах. Суммы эти были совершенно чудовищные – только незадолго перед мятежом свыше ста тысяч рублей¹¹⁹, да были документы и о меньших суммах. Были документы, прямо говорящие об измене Екатерины во время войны с Фридрихом и о передаче ею секретных сведений противнику...¹²⁰

Нашлись и странные составы одурманивающего действия, и доказательства, что составы эти и в самом деле подливались в алкоголь гвардейцам. Узнав последнюю новость, попаданец облегчённо выдохнул – казнить гвардейцев было рискованно, а так... Так они и их семьи сами озвереют, узнав, что их опаивали. О верхушке заговорщиков, конечно, речи не идёт – там уже всё серьёзно, а рядовых можно и помиловать – повод-то серьёзный.

Вылавливание заговорщиков продолжалось почти неделю – своих войск было мало и хотелось как следует вычистить Петербург. Ну а принц воспользовался ситуацией и перевешал всю воровскую братию, расплотившуюся в столице и окрестностях просто в невероятных количествах. Система оповещения «свой-чужой» была предельно простой: есть следы от кандалов, клеймо или рваные ноздри и нет внятного объяснения? Повиси-ка, дружок... Пойман откровенный вояка и тоже нет объяснений? На просушку...

Современники такие действия могли бы посчитать жестокими, но учитывая начавшиеся на фоне мятежа грабежи, насилие и мародёрство, горожане так не считали. Рюген железной рукой утихомирил разбойный мир. Ну и главное, всех, в ком были хоть какие-то сомнения, Владимир не вешал, а приказал сгонять в импровизированные лагеря на нескольких свободных островах города. Потом разберётся.

Въезд Петра Фёдоровича в Петербург был триумфальным: горожане выстроились по пути следования и радостно приветствовали его – они уже на своей шкуре почувствовали, что же такое переворот. Ну а потом – умелый пиар сторонников императора и факты, обличающие мятежников в самом скотском облике. Их хватало, так ничего и не пришлось выдумывать.

Знатных вельмож, замешанных в заговоре, государь приказал арестовать и держать их в Петропавловской крепости – поодиночке. Настроен Пётр был весьма мрачно и решительно, так что ничего хорошего вельможам не грозило. И если знатные и родовитые могли отделаться потерей состояния, особенно если другие члены рода были нормальными подданными... То вот Разумовским и другим «выскачкам» это не грозило. Именитых предков у них не было, да и с личными заслугами было туго. Ну не считать же такими постельные достижения старшего брата – «ночного императора»...

– Воры, ничтожества, вознесённые из грязи! – с ненавистью говорил о них Пётр. После мятежа Грифич стал пользоваться абсолютным доверием государя, хотя и был подвергнут жестокому выговору за «похищение» с последующим перевозом в Кронштадт.

Император верил... Ну или пытался это показать, что если бы не «чрезмерное усердие князя Грифича», он бы лично руководил подавлением мятежа, и разумеется – успешно. Однако Владимира он «простил, поскольку понимает его опасения в том деле, и некая опасность мне всё же грозила». Но доверие к Владимиру было, и теперь ему приходилось время от времени становиться драбантом¹²¹ государя при посещении последним некоторых новоиспечённых узников. Ну и, соответственно, слушать кое-какие разговоры.

---

¹¹⁹ В реальной истории была именно такая сумма.

¹²⁰ Такие данные есть. Ну а что вы хотите – деньги никогда не давали просто так.

¹²¹ *Драбант* — телохранитель.

– Воры! – повторил он Кириллу Разумовскому. – Поднялись из грязи, скоты неблагодарные!

Гетман (теперь уже бывший – отречение он подписал) слушал его с опущенной головой, хотя видно было – Разумовский не смирился и не считает себя в чём-то виноватым. Проиграл – это да...

Пётр долго разорялся и в конце концов охрип, устало опустившись кресло, принесённое в камеру специально для него. Так-то из мебели здесь был только топчан из досок, с охапкой соломы. В камеру зашёл незнакомый офицер и что-то прошептал на ухо императору.

– Да? – оживился тот. – Подойду сейчас.

Владимиру он жестом велел пока оставаться с преступником.

– Злорадствуешь? – глухо спросил Кирилл князя.

– Нет, – с ленцой ответил тот.

– Злорадствуешь, – убеждённо повторил бывший гетман, – а ведь мой брат тебе покровительствовал!

– Ты – не твой брат, – лаконично ответил попаданец.

– Саблю подарил, перстни, деньги...

– Ты всерьёз веришь, что он своё дарил? – с интересом уставился на Разумовского принц. Мрачный, но несколько непонимающий взгляд в ответ.

– Значит, – задумчиво сказал Рюген, прислонившись к стене, – ты всерьёз считаешь, что он имел право на столь богатую жизнь просто потому, что был «ночным императором»? Мда...

Кирилл сжал кулаки и шагнул было к Владимиру, но опомнился, а тот продолжил:

– Но он-то ладно – пусть и зарабатывал как... девка гулящая, но хотя бы зарабатывал, да и человек хороший – в политику вон не лез. А ты? Президент Академии наук, гетман... Быдло ты деревенское, только и умеешь, что грести под себя, а чего хорошего сделал?¹²² А подарки... Вот ты действительно считаешь, что не получил бы чего-нибудь такого же от Елизаветы?¹²³ А так... Кошель-то у них общий – подарил он, то есть подарила она.

Несмотря на такой разговор, Владимир и вправду чувствовал себя обязанным Алексею Разумовскому. Брал подарки? Брал... Совесть... не то чтобы грызла, но гнетущее впечатление было. Так что при удобном моменте, в присутствии семёновцев, он снял с себя тальвар и сломал клинок пополам, выкинув его в Неву – продавать его он счёл неправильным. Деньги же, вырученные от продажи перстня, и те самые полторы тысячи золотых он вполне официально передал увечным воинам – и прежде всего своим уланам.

– Чистоплюй, – пробурчал Миних... Одобрительно? Да и разговоров такой поступок вызвал много. Да и что говорить – поступок и вправду княжеский. И кстати, кошель от Разумовского и деньги в нём были те самые. Жил Владимир весьма экономно – настолько, что поговаривали даже не о скупости, а о скарденности. Ну сейчас поняли – просто характер такой аскетичный, и вообще – плевать ему на внешнюю атрибутику.

Следствие закончилось только через месяц, и всё это время Грифич помогал Миниху в расследовании, играя роль «доброго полицейского». На старика после пресловутого марша через порт посыпалось столько почестей и наград, что он чувствовал себя виноватыми, и сам предложил такой вариант: «Всё одно, много не протяну».

---

¹²² Претензии обоснованные – как президент Академии он не проявил себя *никак*. Как гетман – с самого начала правления окружил себя пышным двором и... Моментально посыпались жалобы, что от его правления крестьяне нищают и становятся крепостными, а его родственники и приближённые «чудесным» образом богатеют и обзаводятся этими самыми крепостными. Даже Елизавете пришлось приставить к нему инспектора, чтобы ограничить власть. Тогда Разумовский и заговорил об «особом статусе» Малороссии, о благах казаков... Ранее гетмана эти проблемы не волновали. Даже Екатерина, которой он помог при перевороте, затребовала от него прошение об отставке – настолько скверным было его правление.

¹²³ Он имеет полное право так считать – скарденностью в таких случаях императрица не отличалась, да и частенько награждала так кого-то через своего фаворита.

Владимир заметил, что Бурхард относится к нему не только как к другу, но и как к сыну... И честно говоря, сам постепенно начинал считать его вторым отцом.

Англичан признали виновными и посла колесовали. Кстати, он единственный умер так жутко. Князь не знал подробностей, но что-то было такое, что Пётр буквально возненавидел посла и Англию. Нет, войну ей объявлять не стали, но отношения сильно охладели. Англичане же, как и обычно в таких случаях, свалили вину за случившееся исключительно на посла, объявив того преступником, которого «соблазнили заговорщики».

Началась раздача «пряников», то есть всевозможных чинов, поместий и денег. Миниху вручили портрет императора в золотой с бриллиантами раме и орден Анны – все остальные русские награды у него уже были... Вице-адмирал Мецкерский стал генерал-адмиралом, что соответствовало фельдмаршалу, и получил орден Андрея Первозванного. Князь же получил золотую с бриллиантами шпагу, а также звания камергера и подполковника Семёновского полка. Шпагу получил и Челищев, став заодно семёновским полковником.

Все военные, верные с самого начала и без оговорок участвовавшие в подавлении мятежа, получили знаки ордена Анны на эфесы шпаг – вроде бы мелочь, всё-таки не совсем настоящий орден, но учитывая его «домашний» статус, они становились как бы очень дальними родственниками (двоюродный брат кумы тестя) императорской фамилии – и невероятно этим гордились. И все стали дворянами. Впрочем, это скорее звучит громко: «истинно верных» было менее пятисот и большая половина и так была дворянами.

Раздача же имущества, которую все ожидали, прошла намного более скромно, чем хотелось бы победителям, – кусочки поместий (и деньги) побеждённых мятежников достались буквально всем, но небольшие. Раздача же крестьян... Хренушки, Пётр хозяйственно забрал их в собственность императорской фамилии. Тоже, по сути, крепостные – но как бы и не совсем, статус и возможности всё-таки повыше.

Сановный люд был не слишком доволен таким решением, но свежеиспечённые собственники, да с поместьями по соседству с императорскими (бывшие разумовские), те были в восторге. А восторг нескольких сотен собственников майоратов¹²⁴ (тут попаданец не понял – зачем?), грозно расхаживающих с руками на эфесах, как-то охлаждал пыл вельмож.

Князю, кстати, земель не досталось – Петр твёрдо решил не делать иностранных подданных (ну или властителей – пусть даже формальных) собственниками поместий в России. Зато достался Аничков дворец и сто тысяч рублей «в благодарность за верность в трудные минуты», и если деньгам Владимир мог найти применение без труда, то вот дворец...

Продавать его нельзя, как и сдать в аренду – в ближайшие годы, по крайней мере, это может быть воспринято как невежливость. А содержать такую махину... М-да...

Глава двенадцатая

– Я тоже теперь дворянин? – задумчиво спросил Тимоня.

– Верно. И если хочешь, теперь ты можешь оставить военную службу¹²⁵.

– Ты меня гонишь!?

– Нет, – несколько растерялся князь, – если хочешь, можешь и дальше оставаться моим денщиком.

– Хочу, – ответил успокоенный улан, – я ж сказал, что никуда от тебя. Вот уже дворянином стал и поместье есть...

Вскоре после неудавшегося мятежа Грифичу пришёл очередной пакет документов из адвокатской конторы. Шуршание бумаг, чтение... Информация интересная – юристам удалось

---

¹²⁴ *Майорат* — неделимое имение. Во многих случаях его ещё и невозможно отобрать за долги, к примеру.

¹²⁵ Формально дворяне обязаны были служить до старости, но в реальности лазеек у них было полно.

выбить кое-какую бывшую собственность Померанской династии. Не слишком много – только «выморочные» имения и фермы, да ещё и лишь в Шведской Померании – с Прусской пока глухо.

Формально список владений достаточно велик – два десятка мыз, ферм и имений. Но вот на деле... На деле теперь он мог назвать себя помещиком средней руки, но на уровень имперского князя по благосостоянию никак не тянул. Много Владимир не думал и тут же написал им, чтобы продолжали свою деятельность по возвращению его собственности и дальше, ну а средства на неё брали, сдавая пресловутые фермы арендаторам.

Медленно? А что делать... Но, впрочем, не так уж и медленно – прецедент уже создан, так что дальше дела пойдут немного проще. Мелькнула было мысль пустить в дело средства, заработанные на службе в России, но пропала – несмотря на наличие русских войск на территории Пруссии и Померании, дела складывались не так хорошо, как хотелось бы. Нет, ничего определённого, но... мутно.

Да и откровенно говоря, выкупом бывших владений Грифичей заниматься не хотелось – это могло создать прецедент, но на этот раз не в пользу князя. Впрочем, дело тут было не только в прецедентах, но и в политическом влиянии. Сейчас он – воспитатель цесаревича и одно из доверенных лиц русского императора. Проще говоря, «давить» его юристам на судей станет намного проще. Пусть и считается, что суды в Западной Европе беспристрастны, но это далеко не так. Ну и... Одну и ту же статью закона в большинстве случаев можно трактовать по-разному.

С Павлом, кстати, дела обстояли неважно. Нет, Владимир не потерял его доверие, и цесаревич по-прежнему любил его и доверял. Но вот психологически ему было тяжело: пусть он и не слишком любил мать, но это всё-таки мать, да и возраст у него пока ещё такой... Неподходящий.

Разговоров о Екатерине мальчик не вёл – понимал, что *такое* в принципе не прощается. Раскрылись уже планы насчёт убийства Петра после переворота, так что...

Предательство же Панина, выступившего на стороне Екатерины, мальчишка воспринял спокойно и на его слова о том, что переворот совершался в пользу цесаревича, только скривил гримаску. Ну в самом деле, верить в такую ерунду не мог даже ребёнок.

Цесаревич прекрасно понимал, что придя к власти, заговорщики первым делом принялись бы набивать карманы, а благо государства подождёт... Ну и соответственно, к власти Павла не допускали бы очень долго, и вопрос ещё: а допустили бы вообще? Как-то сомнительно звучит – допустить до реальной власти человека, наследство которого ты грабил (если бы планы заговорщиков осуществились) в течение многих лет. Он ведь и спросить может...

Ясное дело, что понял это Павел не сам, хотя вообще-то ребёнок рос умным. Объяснил наставник, научив с помощью простейших логических блоков «ковыряться» в происходящем.

– Плохо мне, – мрачно протянул мальчик, прижавшись к боку Владимира во время прогулки по парку.

– Понимаю, – столь же мрачно ответил тот, – я ведь тоже со многими из них знал.

Позитив и прочая хрень? Ну так психологом попаданец не был (пусть и частенько бывал в их кабинетах), а натужные попытки развлечь ребёнка «любой ценой» считал неправильными. А вот если он поймёт, что плохо не ему одному, а всем близким, пережившим такое предательство... Общее горе объединяет.

– А их и вправду опоили? Ну, гвардейцев? – спросил мальчик чуть погодя.

– Правда.

Успокоенное сопение – всё-таки приятно осознавать, что настоящих предателей меньше, чем казалось вначале...

– Они ни в чём не виноваты?

– Виноваты, конечно, – серьёзно ответил князь – он вообще со своим подопечным старался общаться по-взрослому. В меру, кончено – ребёнок есть ребёнок, и оседлать шею наставника или поиграть в карты на щелбаны – это нормально.

– Виноваты, – повторил Рюген, – они просто обнаглели, понимаешь? Привыкли считать себя «солью Земли» просто на том основании, что достаточно высокородны и служат в гвардии. Забыли, что русское дворянство – это прежде всего обязанности, а потом уже привилегии.

– Бабушка распустила? – повторил Павел слова отца.

– Она, – со вздохом признался наставник, – не она одна, понятно. Просто она допустила появление при дворе группы людей, которым можно практически всё, вот и... Ну а умные и беспринципные люди могут без особого труда повернуть их в нужную для себя сторону. Так... Вроде бы невинные разговоры, потом чуть более серьёзные, ещё чуть... Затем добавить какую-нибудь дрянь в вино, и вот уже гвардейцы идут устраивать переворот, искренне считая себя правыми.

– Но ведь они невиновны? – с нотками сомнения спросил Павел.

– Виновны, да ещё как. Это солдаты из крестьян могут не понимать сути происходящего, а дворяне обязаны задавать себе и окружающим вопросы, думать о сути происходящего. Ну а если нет... То ты либо просто дурак, либо в чём-то согласен с зачинщиками мятежа.

Зачинщиков «потрошили» очень серьёзно, ну так и на кону стояло государство! Пётр ходил злой, и видно было, что всю демократичность и либерализм из него выбило. Ну а теперь он выбивал из вельмож-мятежников имущество.

Одно только «раскулачивание» Разумовских дало императору свыше полутора сотен тысяч крестьянских душ, и это притом, что «душами» тогда считались только мужчины старше определённого возраста... А ведь были ещё и другие: бывший канцлер Бестужев-Рюмин, Пасек и многие-многие... Общая численность крестьян, перешедших в собственность императора, составила свыше полумиллиона душ¹²⁶.

Император обчищал заговорщиков не только от жадности – тут скорее главенствовало решение лишить их материальной базы и показать, что бывает, когда влезаешь в заговоры. Затем уже – денежный вопрос, и наконец – освобождение крестьян. Нельзя сказать, что Пётр был таким уж противником крепостничества, но не понимать, насколько это вредно для экономики страны, он не мог, вот и решил действовать, раз уж появилась такая возможность.

После первой волны раздачи имений (без крестьян) «истинно верным», последовала и вторая – армейским офицерам и дворянам, отличившимся в боях и прежде всего многодетным. Здесь была та же стратегия – по чуть-чуть, но многим. И «многим» было в буквальном смысле – небольшие поместья по шестьдесят-двести десятин получили почти тысяча человек, причём исключительно майораты, завязанные на службу. Государь не скрывал своей философии от Владимира...

– Когда делаешь благодеяния многим и понемногу, они остаются благодарны, а когда много и немногим – они начинают считать это должным.

Вообще, император и раньше любил красиво оформленные фразы, а теперь полюбил ещё больше, так что частенько «радовал» окружающих витиеватыми сентенциями. Была и другая подоплёка:

– Магнаты всегда опасны тем, что рано или поздно может появиться желание не просто влиять на политику в стране, а делать её самостоятельно, без оглядки на государя. А с такими деньгами, да окружённые множеством прихлебателей дел они наворотить могут немало.

---

¹²⁶ Цифра достаточно приблизительная. Составил я её, скомпоновав имущество богатых заговорщиков и решив, что Пётр вытянул из них если и не все, то большую часть средств. Если кто-то считает более правильной другую цифру – пишите.

– Ну-у... Сейчас – да, – согласился Рюген, – а позже можно будет допустить существование магнатов. Главное – чтобы были чётко очерченные границы, которые им нельзя переступать. И правила игры – жёсткие, но справедливые и конечно же неизменные.

– Воля государя превыше всего! – Стиснул Пётр руками подлокотники кресла. Присутствующий на беседе Павел (собственно говоря, она происходила в его покоях) переводил горящие восторгом глаза с одного собеседника на другого.

– И снова согласен, – китайским болванчиком закивал Грифич, – вот только приструнив заговорщиков, ты *сам* должен очертить рамки, в том числе и для себя.

– Зачем?

– Чтобы инициативу не душить. Если слишком уж увлечёшься «волей государевой» – вспомни, что было при Петре Первом.

Великим попаданец категорически отказывался его называть.

– Верно, – нехотя согласился император, – он любую инициативу задушил, помню.

Такие беседы жутко выматывали попаданца, но что поделать – Пётр повадился проводить их не менее двух раз в неделю, да непременно в присутствии сына – приучал к политике. Ну а каково было Рюгену, который должен был отстаивать свои убеждения, но при этом не слишком страстно, и одновременно облекать суждения в удобоваримую форму, понятную и приемлемую как мальчику, так и государю. Ну а если учесть, что у последнего сильно испортился характер... Было непросто.

Непросто было и с коронацией: на нём по-прежнему висела часть предстоящего мероприятия, и нужно сказать, что свою часть он давно уже подготовил. Отвечал Грифич за художественно-развлекательную программу и частично за безопасность, но тут уже после Шувалова и Миниха.

Коронацию нужно было провести торжественно и без спешки, но и откладывать недопустимо – если бы Пётр короновался раньше, то многие рядовые мятежники не выступили бы против него. Церемонию назначили на середину августа, но без окончательной даты – на случай непогоды.

Коронация по традиции проходила в Москве – в Успенском соборе Московского Кремля.

Грифич выехал туда загодя, а часть его людей и вовсе ещё до попытки переворота.

Каноническая часть мероприятия прошла в Кремле – здесь сложно было внести что-то новое, поскольку всё было тесно завязано на христианстве и традициях – как византийских, так и русских. Здесь попаданец предложил несколько десятков небольших поправок, но Воронцов настоял, чтобы всё было как можно более традиционно – даже короновался Пётр шапкой Мономаха.

А вот когда он вышел из стен Кремля и поднялся на стены специального помоста, приветствовать подданных, то тут и началось время Грифича. Сперва «Боже, царя храни», затем ещё десяток столь же торжественных песен, парад «истинно верных» и прочие мероприятия.

Всё происходящее вызывало бурный восторг у зрителей – на зрелища эпоха не самая богатая, да ещё и религиозная подоплёка... Владимир видел множество людей, которые молились, опустившись прямо на колени, и нельзя сказать, что это были исключительно крестьяне, встречались и люди в дворянских платьях.

Торжества продлились почти неделю и затем частично повторились в Петербурге. Попаданец выгреб из своей памяти буквально всё, что было можно: парады, кулачные бои и борьба, фехтование и фланкирование, силовое многоборье и армреслинг, клоуны на ходулях и многое, многое другое.

Основной же «фишкой» коронации было то, что большую часть представлений готовили сами зрители. То есть хотят портовые рабочие выпендриться – готовят представление, и перед его началом объявляется, что именно они его готовили. Вроде бы нехитрый приём, но прошёл «на ура» и позволил не только проявить себя талантам, но и сэкономить достаточно круглую

сумму. Впрочем, экономия эта оказалась бессмысленной – Пётр подарил эти средства фаворитке...

Амнистия рядовым мятежникам прошла сразу после коронации. Ну как амнистия... Сперва долго нагнеталась обстановка, и гвардейцы готовились к повторению «Стрелецкой казни»¹²⁷ и молились, родные же осаждали всех кого можно и нельзя, прося о помиловании, заступничестве и прочем.

После коронационных торжеств объявили, что рядовые гвардейцы «Заступничеством Павла остаются в живых. В искуплении вины они отправляются в армию на десятилетний срок и без возможности повышения в течение трёх лет. Ну а кто проявит должное рвение в службе и храбрость в боях, сможет заслужить повышение и сократить срок немилости».

Были там и другие оговорки – вроде невозможности находиться в будущем в Петербурге и Москве, о некоторых иных ограничениях прав. На фоне возможной смерти это выглядело милостью, да и со сроком службы... Все понимали, что максимум лет через пять на рядовых должностях в армии останутся разве что откровенные дурни, остальные же просто покинут армейские ряды. В общем, кара не была жестокой.

Эффект, которого добивался хитромудрый попаданец, давший императору такой совет, был предельно прост – сбросить напряжение в обществе.

– Сам посуди, – говорил Владимир на очередной беседе с императором и Павлом, – сейчас ты вроде как помилуешь, и большая часть дворянства выдохнет с облегчением. Ну кроме родственников казнённых... Впрочем, правила «игры» всем понятны и за их судьбу будут переживать только родные.

– А друзья? – подал голос наследник.

– Друзья? В первую очередь все будут переживать за себя. Тем более что по факту казнённых будет не так уж и много – в основном всевозможные монастыри да служба в острогах¹²⁸ Сибири. А так... мятежники будут опасаться привлечь к себе внимание лишний раз, ну а дальше начнут выслуживаться – служба в армии, да в чине рядового, это не то, что может понравиться гвардейцу. Новых же восстаний от них можно несколько лет не опасаться – они ж разбросаны будут, да под присмотром.

– А потом? – заинтересовался Пётр.

– А что потом? – Развёл руками Рюген. – Нет никакого «потом». Кто получит помилование, всё равно не сможет возвратиться в Петербург или Москву. Да даже губернские города будут не для всех! Так что какие там могут быть заговоры в деревне? Ну а захочешь вернуться в общество, так докажи свою полезность да верность службой на благо Отечества. Докажет – добро пожаловать, ну а нет – так и сиди в провинции.

– Ну ты прямо настоящий иезуит, – хмыкнул император.

Помилование «от Павла» дало свой эффект – люди рыдали и молились за здоровье царевича. Тот был польщён...

– Не стоит, – мягко сказал ему Владимир, – это временный эффект, и не стоит на него рассчитывать. Понятное дело – работать над твоим обликом в глазах людей нужно, но постоянного эффекта не будет. И не забывай, что против тебя тоже будут работать – «чернить» в глазах толпы.

Были помилования не только рядовых гвардейцев – в живых оставили Панина и даже назначали того на официальный пост – командовать Камчаткой. В те времена это была такая дыра... К слову, в живых бывшего приятеля попросил оставить Грифич, вспомнивший, что

---

¹²⁷ Стрелецкая казнь произошла после мятежа стрельцов во время правления Петра I. Тогда головы рубили буквально сотнями. Что особенно мерзко, царь сам потрудились в качестве палача и заставил сделать это своих придворных.

¹²⁸ *Острог* — укрепление, небольшая крепость.

в *том* мире Панин вроде бы долго занимал какой-то важный пост – и достаточно успешно. Помиловали и Дашкову – одну из главных участниц заговора.

Но тут другое – была она урождённая Воронцова и приходилась сестрой фаворитке императора... Ну да – высокие отношения... Её тоже сослали, но уже в Оренбург, и тоже назначили на официальный пост – заведовать всеми учебными заведениями города и губернии. Много и красиво говоришь о просвещении? Ну так поработай на него...

К большому удивлению попаданца, Потёмкин в заговоре не участвовал, а ведь помнилась совсем иная история... Здесь это был brave вахмистр Конной гвардии, активно участвовавший в войне с Фридрихом, причём сперва как гвардеец, а потом как представитель гвардии у запорожского казачества, где получил сначала прозвище Нечёса¹²⁹, а потом и известность как лихой и абсолютно «отмороженный» вояка.

Здесь никаких контактов с Орловыми и Екатериной у него не было, так что недавно появившийся в Петербурге воин без особых раздумий присоединился к уланам и действовал во время мятежа настолько достойно, что получил в награду бриллиантовый перстень, тысячу червонцев и звание поручика Конной гвардии, и это только как приложение к неплохому поместью.

Вообще, казней было немного – только гетман Разумовский и ещё буквально десяток человек. Правда казнили их показательно-жестоко. В частности, Кирилла Разумовского перед казнью лишили дворянства и повесили – весьма позорная смерть¹³⁰. Дайс его детьми поступили не слишком мягко, оставив только четверть оставшегося после «раскулачивания» отца состояния (в планах – раздача его верным людям), и это при том, что женат он был на Нарышкиной, и изначально это было её приданое. Но, к чести императора, это не было произволом, близкие покойного гетмана тоже были замешаны в заговоре, пусть и не слишком сильно.

Основная часть мятежников отделалась лишением большей части имущества и заточением по монастырям или службой в острогах Сибири – в зависимости от возраста и пола.

Был и неожиданный эффект помилования – по какой-то причине начали уверенно говорить, что «виной» тому не только милосердие ребёнка, но и влияние на Павла его наставника, то есть самого Грифича. Отчасти так оно и было, так что вскоре у Рюгена появилась репутация человека пусть и жёсткого, но не жестокого.

Глава тринадцатая

Екатерина была отправлена в Воскресенский Новодевичий монастырь, и нужно сказать, что условия содержания были роскошными.

– А зачем её в чёрном теле-то держать? – на губы Владимира скользнула нехорошая улыбка, благо, разговор в этот раз был без Павла. – В Новодевичий её, да условия самые роскошные. Тогда и злопыхатели успокоятся, и сын твой не так будет за мать переживать.

– Её?! Эту змеюку, да после всего, что та сделала и хотела сделать?! – Вскочил Пётр, сжав кулаки.

– Именно, – кивнул Грифич, – и ты после этого будешь выглядеть как добрый и справедливый государь, которому просто сильно не повезло с супругой-змеёй. А главное – реакция Павла, понимаешь? Она всё-таки его мать.

Император опустил в кресло и сказал глухо:

– Ясно, – помолчал немного и велел: – Продолжай.

---

¹²⁹ В реальной истории он получил такое же прозвище у казаков, но несколько позже. И да, уважением в казачьей среде он пользовался немалым.

¹³⁰ Повешение считалось позорной смертью из-за того, что во время такой казни сфинктеры обычно расслаблялись и казнённый выпускал наружу содержимое кишечника и мочевого пузыря. Было ещё и поверье, что душа покидает тело через ближайший «свободный» выход, а поскольку горло пережато, то... Правильно – через задницу.

– Помести ей в роскошь, но окружи своими людьми. Понимаешь?

Теперь уже «змеиная» улыбка появилась на лице государя. Замысел Владимира он прекрасно понял – это позволит одновременно держать её под наблюдением, успокоит злопыхателей и наследника и... Перспектива пребывания Екатерины в окружении недоброжелательниц откровенно радовала Петра Фёдоровича. Нет, никаких явных издёвок не будет, но женский коллектив, настроенный против кого-то... Атмосфера будет такая, что через пару лет Катке захочется повеситься.

Нужно сказать, что особых чувств к бывшей супруге государя Рюген не питал – удалось нейтрализовать и слава богу. Ну а «иезуитское» предложение... Так первоначально император планировал поместить её в куда более суровые условия. И опять же – на саму Екатерину попаданцу было плевать, но вот на психику Павла – нет. Ну и побочно – имидж государства и самого Петра.

Следствие по неудавшемуся мятежу тем временем продолжалось – император твёрдо решил выловить все «хвосты». И они вылавливались – порой в самых неожиданных местах. Владельцев «хвостов» нейтрализовали по привычной уже, проверенной схеме: допрос, затем по уровню сотрудничества со следствием и степени вины – полное или частичное лишение собственности, ссылка или монастырь.

Казна пополнялась ударными темпами, а Пётр действовал по прежней схеме – раздари-вал часть (не больше трети) имущества сторонникам и просто беднейшему служивому дворянству, кроме крестьян с их наделами, которых он переводил на себя. Популярность его в народе и в среде того самого служивого дворянства взлетела до небес, и ясно было, что *теперь* никакие мятежи императору не страшны – свежеиспечённые владельцы поместий голыми руками порвут мятежников. И дело тут не в благодарности, а в страхе за поместья – теперь уже свои... Правда, это не гарантировало безопасность от яда.

У Рюгена тоже нашлись дела – помимо того, что он невольно стал одним из следо-вателей... Именно невольно – желания влезать в дразги и обзаводиться потенциальными «кровни-ками» у него не было. Так вот, следователем он оказался неожиданно грамотным. Развитый интеллект, отсутствие предвзятости и взгляд на проблемы под другим углом здорово помогали.

Много времени отнимал и Шляхетский корпус. Родные некоторых учеников были заме-шаны в недавнем мятеже, и в итоге сами ученики вылетели из корпуса. Жестоко? Нужно было заступаться? Да нельзя... Во-первых, «поражение в правах» у многих было таким, что они даже перестали быть дворянами, а во-вторых, ссоры «мятежников» с «лоялистами» дошли до поединков, и были уже раненые. Ну и кроме того, зачем оставлять в корпусе явных врагов?

Единственное, что он сделал, так это смог настоять на отправке старших по возрасту уче-ников не просто в ссылку или в солдаты, что было нормой по местному законодательству, а в Сибирь – в качестве писцов и чиновников. Грамотных людей... да и людей вообще, там сильно не хватало, так что коли не будут вовсе уж ленивыми дураками – выплывут сами и «вытянут» хоть немного регион. Ну а умные ещё и благодарны останутся – всё-таки не солдатчина...

Помимо учеников были проблемы и с некоторыми учителями, которые ухитрились зама-раться в заговоре. Расставался с такими он совершенно безжалостно – даже если те были хоро-шими специалистами.

– Месье Фуру, вы полностью устраивали меня как преподаватель, но ваше желание залезть в политику, да ещё и против законного государя в чужой стране...

– Принц, – нервно ответил пожилой француз, сняв парик и показывая обширную вспо-тевшую лысину, – уверяю вас, что...

– Месье Фуру, – прервал его Рюген, – вас спасло только то, что вы всё-таки хороший математик и неплохой преподаватель. Я *лично* отбил вас от Тайной канцелярии...

Фуру осел и только чудом остался стоять на ногах.

– Да, от Тайной канцелярии, – продолжил Грифич, – мне пришлось применить всё своё красноречие и влияние, чтобы доказать Шувалову, что ваше участие в заговоре – просто типичное легкомыслие галла. И в Сибирь вам всё же ехать придётся... Успокойтесь, месье Фуру, поедете в качестве преподавателя математики в одну из строящихся гимназий.

Дальше были благодарные слезы, попытки подползти на коленях поближе и поцеловать руку... И таких эпизодов было достаточно много.

Ну а раз часть преподавателей оказалась неблагонадёжной, то пришлось искать новых... А заодно – преподавателей для Гимнастической школы, для Художественного и Музыкального училищ, для Математической и Лекарской школ... Попаданец подбирал и подбирал опустевшие особняки – сейчас они стоят свободные и не имеют хозяев. Да и императора сейчас проще «раскрутить» на какие-то телодвижения – пока он «на волне».

И снова поиск преподавателей... К счастью, проблема оказалась не такой уж страшной – многие вельможи держали домашних преподавателей и всевозможную свиту. Ну а после известных событий часть приближённых оказалась в буквальном смысле слова на улице. Нельзя сказать, что весь контингент был качественным...

Но тут главное начать, да и основы той же живописи вполне может преподавать достаточно посредственный художник – лишь бы образование у него было соответствующим. То же самое относилось и к другим предметам.

– Ф-фух, – выдохнул Владимир, устало глядя на упрямого медикуса, – ну и чего вы упрямитесь?

– Я не намереваюсь оставаться в этой варварской стране! – Вздёрнул голландец острый подбородок.

– А придётся, – констатировал князь, – ваш покровитель повешен, и следствие ещё продолжится. И учтите – есть масса эпизодов, где вы представлены в дурном свете.

Ван Клиф побледнел – таких эпизодов хватало у любого медикуса, служащего знатному вельможе, так что принц не врал.

– Но контракт на пять лет, – простонал голландец, – да за столь низкую плату!

– Буду честен, – наклонился к нему Грифич через стол, – мне дан карт-бланш императором на подбор сотрудников среди... запачкавшихся. Если вас не подберу я, в *лучшем* случае вы поедете в один из сибирских острогов в качестве врача.

– Но жалованье... Оно же мизерное!

Князь развёл руками, сочувствующе глядя на него:

– И жалованье маленькое, и спрос с вас большой будет... Но тут уж извините, государь весьма сурово настроен к мятежникам. И почему-то особенно зол именно на иностранцев, понимаете? Даже это я буквально выбивал. Ну подумайте же вы – все эти новые школы я взвалил на себя в такой непростой момент... Да мать вашу, я стараюсь вытащить умных людей из этой ямы под названием Сибирь! Для этого и школы придумал – дескать, хоть польза от вас будет!

Снова слёзы и сопли, благодарность... На самом же деле князь не то чтобы лукавил... Он лгал откровенно. Роли плохого и хорошего полицейского в этом спектакле он с Петром поделил заранее. Император долго ржал над его задумкой и клятвенно пообещал выполнять свою роль идеально.

В самом деле, он получал сразу несколько учебных заведений за весьма скромную плату. Особняки опальных вельмож достались бесплатно, преподаватели готовы работать за страх и на совесть за смешное жалованье... И как после этого не подыграть Рюгену?!

Проблема с преподавателями была решена минимум на пять лет, ну а дальше... Дальше должны были подрасти свои. Ну и что немаловажно, профессура и студенчество получают хорошую прививку от желания лезть в политику.

Пришлось перетряхивать программу и даже писать учебники. В частности, сам Павел предложил ему написать учебник по математике.

– Наставник, но то, что объясняешь ты, намного понятней!

Ну и... написал. Помогло то, что он помнил многие задачи из «Занимательной математики» Перельмана.

Книга вызвала... не то чтобы фурор, но близко – и к концу марта пришлось допечатывать, чтобы хватило не только учебным заведениям, но и прочим желающим. То же самое было и с «Атлетикой», «Рукопашным боем», переводами Шекспира... Довольно неожиданно типография корпуса, задуманная скорее как учебная, начала приносить весьма солидную прибыль – ведь здесь уже выпускались «Известия» и «Думки».

Достаточно неожиданно пришли предложения напечатать его книги и из-за границы. С авторскими правами здесь не слишком заморачивались, но наиболее «знаковые» произведения считалось хорошим тоном оплачивать и даже порой переплачивать. Это работало как спонсорская помощь от каких-то властителей или вельмож, желающих блеснуть как меценаты и покровители науки и искусства.

Перевод Шекспира на русский Европу не заинтересовал, как и «собственные» стихи и песни попаданца, но вот прикладные книги пошли, да ещё как. О них заговорили, и через год после мятежа Владимир понял, что стал для Европы не только воякой, но и вполне признанным учёным.

Тогда же состоялось и избрание его в Петербургскую академию наук, а вскоре и назначение главой этой структуры¹³¹. Впрочем, честнее будет сказать, что сначала Владимира назначили на пост, а звание академика дали вдогонку...

Собрав в своих руках столько постов, он взвалил на себя немалую ответственность, с которой достаточно успешно справлялся – пусть и не всегда так хорошо, как хотелось бы. К примеру, первоначальное его желание поместить Гимнастическую школу в Шляхетском корпусе, вызвало жёсткую критику императора:

– Ты хоть думал над вопросом? – с нескрываемой иронией спросил Пётр.

– Разумеется, – уверенно ответил Владимир, – примерно так же, как и с Институтом благородных девиц. Есть воспитанники привилегированные, а есть и... второстепенные, обучающиеся по несколько иной программе.

Тяжело вздохнув и взяв небольшой апельсин со стоящей на столике вазы, государь сказал, хитро прищурившись:

– А ты ещё раз подумай.

Подумал – и ничего против этой идеи он не нашёл. Ну то есть были небольшие неувязки, но решаемые.

– Это мальчишки, – медленно заговорил Пётр Фёдорович, – а значит, будут драки. неизбежно. И кто будет побеждать в них? Шляхтичи или гимнасты?

– Ой!

– Вот тебе и «ой», – передразнил князя император.

Суть в том, что в Гимнастическую школу предполагалось набирать солдатских детей. А побитые солдатскими детьми дети знати... Не желательно. Отдельные случаи – ещё ладно, но ведь детей и подростков с каждой стороны сотни... Поставить гимнастов в изначально подчи-

---

¹³¹ Выглядит откровенно невероятно, но достаточно близко к реальности. Во-первых, часть академиков получили эти звания за... литературные достижения. Проще говоря, за стишки к торжественным случаям. То есть попаданец с «его» гимном и книгами уже идеально вписывается (вспомните Михалкова-гимнописца). Назначение главой Академии тоже логично – на эти посты назначали влиятельных вельмож, а никак не учёных, так что на этом фоне он снова выглядит выигрышно. Вообще же, звание академика в данной ситуации скорее почётное (явление достаточно частое и сегодня, в том числе на Западе), на деле же он выбран на пост не за научные достижения (на фоне того же Ломоносова они не смотрятся), а за административный талант и, чего уж там скрывать, за происхождение.

нённое положение? Нельзя. Их воспитывают не слугами, а воинами, многие из которых сами достигнут офицерских чинов и станут дворянами. И ведь это только верхний слой, так-то ситуация ещё более сложная.

Совершенно замотавшись с учебной программой, подбором преподавателей, написанием учебника, уроками Павлу и его «гоп-компании» (так попаданец прозвал уже сложивший класс наследника), Владимир несколько упустил из виду продолжавшиеся мирные переговоры о судьбе Пруссии и прусских земель. Он уже смирился с мыслью, что так и останется «условным» владетелем.

Глава четырнадцатая

Проблема с содержанием Аничкова дворца решилась сама собой – теперь Грифич занимал уйму постов, за каждый из которых получал неплохое жалованье. И мало того, император грозился, что как только Владимир наладит нормальную работу новых школ, то получит ещё посты! В принципе, попаданец и сам был не против. Как уже давно выяснилось, был он законченным трудоголиком.

Больше всего хлопот было с тем же Шляхетским корпусом. В частности, кадеты достаточно тяжело восприняли новую программу, где появились столько полезные предметы, как бухгалтерия и аудит. Ну и другие, не менее полезные, но достаточно скучные предметы.

А вот Гимнастическая школа «пошла» неожиданно легко – достойных мастеров фехтования-фланкирования-борьбы было предостаточно, да те же уланы, которых обучал лично. С предметами общеобразовательными тоже не было особых проблем – всё-таки требования к будущим инструкторам несколько иные, чем к «настоящим» кадетам. Ну разве что математика (царица наук!) и логика изучалась ими в тех же объёмах, что и в корпусе, а вот из языков он оставил только немецкий и турецкий, причём почти исключительно разговорные.

Работал Рюген адово, и нужно сказать, что не только из-за трудоголизма. Именно сейчас шли переговоры о судьбе Пруссии, Восточной Пруссии, Померании. Принц тяжело воспринимал эту ситуацию, прекрасно понимая, что интересы Померанской династии никого не интересуют.

И да – он начал воспринимать себя настоящим Грифичем. Просто... Владимир переосмыслил своё попаданство и понял, что случайным оно не могло быть в принципе. Высшие Силы, колдуны или инопланетяне, но...

Само попадание в прошлое некоего параллельного мира, затем тот факт, что он не пропал в недрах Тайной канцелярии. Затем признание его Грифичем – без всяких усилий со стороны самого попаданца! И ведь не просто – нашлись даже свидетели, «опознавшие» его...

Сейчас он всерьёз думал, что его миссия – не только работа на благо государства Российского (до известных пределов), но и восстановление Померании как государства. Само существование славянской династии да смешанного немецко-славянского населения¹³² даст эффект хотя бы тем, что не позволит развернуться Пруссии. Да, вполне возможно построить государство, которое будет своим как для Европы, так и для России, и это позволит смягчить некоторые проблемы в будущем.

Думать об этом всерьёз... Нет, не стоит... Даже несмотря на отстранённость от прусского вопроса, Владимир прекрасно знал, как давят европейские государства на Россию в этих переговорах. Проще говоря, никому не хочется видеть дружелюбную улыбку русского медведя по соседству. Не потому, что медведь чем-то плох, а потому что статус остальных держав в таком случае резко понижается.

---

¹³² В германских землях процент проживавших там славян всегда был очень высок, ну а Померания здесь особенно выделяется. По крайней мере, *здесь*.

Разве что Австрия сможет первое время играть на равных, а потом... Потом начнутся неизбежные проблемы со славянскими землями в её составе, с интересом присматривающимися к могучему, а главное – близкому и родственному соседу!

Как будет решаться ситуация, князь не имел ни малейшего представления, но вот что тяжело – без всяких сомнений. Собственно говоря, Европа снова стояла на пороге очередной грандиозной войны.

Пётр ходил мрачный и в один далеко не прекрасный день вызвал Грифича к себе во дворец.

– Убеждают уйти, – безэмоционально сказал он, стоя у окна. Помолчал, раскуривая трубку, и добавил: – Восточной Пруссии мне не видать. Если не приму выкуп, начнётся война – Россия в Европе никому не нужна.

– Много дают-то? – спросил ради поддержания разговора Владимир.

– Два миллиона талеров¹³³.

Князь аж присвистнул – сумма колоссальная. Но уходить из земель, вполне официально вошедших в состав Российской империи и жители которых принесли присягу... Имея Восточную Пруссию, Россия получает великолепный плацдарм в Европе.

– Будет война, – убеждённо сказал он с некоторой тоской в голосе. На этом разговор о Пруссии в тот день прекратился.

Ещё через месяц император сам пришёл к Грифичу во дворец, разогнав по дороге слуг. Да, пришлось обзавестись минимально возможным штатом.

– Беру деньги, – с порога начал он, – другого выхода нет.

Сказав, он уселся на стол, за которым работал князь, скинув с него бумаги и чернильницу. Такого поведения за ним замечено не было, так что дело плохо...

– Сядь нормально и рассказывай, – сказал принц государю.

Недовольно посмотрев на собеседника, тот всё-таки пересел в кресло и замолк. Хозяин кабинета его не торопил...

– Или я беру деньги, или начинаем воевать, – выпалил Пётр. Скрежетнул зубами и грязно выругался. Вскоре выяснилось, что Францию не устроила излишняя самостоятельность Австрии в деле заключения мира, и теперь она перешла на сторону Пруссии...

Войну пока не объявляла, но ультиматум уже выкатила. Аналогично и с Англией ей тоже ни к чему усиление Австрии. Да и Россия в Европе им не нужна! А вот ослабленная и потому ручная Пруссия, послушно выполняющая команды, – самое то... Швеция и Дания тоже подавали голос против России, ведь получив Восточную Пруссию с её балтийским побережьем и множеством портов, они получали соперника на Балтике в лице России.

Особенно громко в этом дуэте выступала Дания, имеющая давние трения с Голштейн-Готторпской¹³⁴ династией из-за Шлезвига. Там прекрасно понимали, что если император получит плацдарм, Дания сможет попрощаться со Шлезвигом. А может и с другими территориями...

В общем, усиление позиций России в Европе не было нужно никому, кроме самой России. Даже Австрия заняла здесь нейтральную позицию – ей не слишком хотелось возвращать Восточную Пруссию Фридриху, но и спорить с великими державами как-то... Да и Россию усиливать не хотелось.

Дипломатические баталии развернулись и из-за Прусской Померании. В итоге, часть земель возвращали Фридриху за дополнительный выкуп, часть становилась формально неза-

---

¹³³ Если кто-то из специалистов считает сумму неверной – пишите, поправлю.

¹³⁴ Пётр III по сути не Романов. Начиная с него название династии, сидящей на русском престоле, Голштейн-Готторны-Романовы.

висимыми владениями. И вот тут-то Грифича ждал сюрприз... Герцогство Померания-Вольгаст и остров Рюген становились его землями «Милостью божьей»¹³⁵. Вообще-то герцогство входило в состав Шведской Померании, но при составлении мирного договора границы перекроили, оттяпав у Пруссии заметно более «вкусные» территории.

Владения были невелики и основательно разорены ещё во времена Петра I, да и потом по этим землям постоянно гуляли армии, но... Это значило, что он и в самом деле имеет шанс на воссоздание государства, на восстановление династии Грифичей, славянской династии!

Пусть это и меньшая часть, но хоть что-то: у остальных земель Померании уже давно были хозяева – всевозможные дальние и косвенные родственники династии. Выяснилось, что у многих таких формально независимых владетелей оказались свои покровители – Пётр Фёдорович оказался не оригинален, но об этом чуть позже...

Споры из-за Шлезвига продолжались. Тут основная проблема была в том, что земли эти принадлежали Петру, но исключительно как помещику Дании, а хотелось бы – как герцогу Гольштейна. Собственно говоря, точно такая же ситуация была и у самого Рюгена – его владения в шведской части Померании принадлежали ему как помещику Швеции.

Вместе с подаренной территорией... Впрочем, значительно позже попаданец выяснил – случайно, что на деле русский император не слишком-то волновался по поводу возвращения отчих земель Грифичу.

Так вот, вместе с подаренной территорией он получил просьбу Петра...

– Ты разрешишь мне разместить на территории герцогства свои полки? – Вопрос был задан таким безумным голосом, что Владимир мгновенно согласился.

– Спасибо... – всхлипнул император и порывисто обнял его, – я знал, что ты настоящий мой друг.

Несколько недель спустя через «свою» адвокатскую контору Грифич выяснил, что три полка, которые Пётр Фёдорович собирается разместить на территории герцогства, станут основным средством дохода его жителей... Малонаселённое и сильно разорённое войной герцогство Вольгаст в ближайшие годы не обещало никаких доходов – напротив, оно требовало серьёзных финансовых вливаний.

Подарок в виде полутора-двух тысяч здоровых молодых мужчин, которым требовалось сытно есть, одеваться и обуваться, кормить лошадей, посещать трактиры и бордели... Это был действительно подарок.

На Рюгене ситуация обстояла получше, но и там... Географическое положение острова было таким, что при любой заварушке по нему шлялись войска противника – и последствия были вполне понятными. Нет, даже без разорений и убийств – у здешних властителей была привычка «грести» в свою армию всех мужчин, которые годны к строевой. А если они не твои подданные – тем лучше¹³⁶.

Бросать службу у Петра новоявленный властитель «Милостью божьей» не собирался – в конце концов, в Европе было предостаточно таких мелких князьков с формально независимыми владениями, служивших властителям рангом постарше. Владимир сильно подозревал, что его доходы как русского генерала будут побольше доходов герцога... И это при том, что генералу нет необходимости держать при себе хотя бы «игрушечный» двор!

В начале августа он отпросился у императора и отплыл в свои владения, пообещав вернуться через месяц. Месяца не понадобилось – герцогство не могло похвастаться размерами или численностью населения и до начала войны, а уж после... Проехавшись по округе и пообшавшись с местными «лучшими людьми», Грифич сильно приуныл. Говорить о каких-то нало-

---

¹³⁵ Если я ничего не путаю, то владетель «Милостью божьей» значило, что он независимый владыка. По крайней мере – формально.

¹³⁶ Никаких преувеличений, властители германских государств славились этим ещё в XIX веке, да и Швеция не отставала.

говых поступлениях в ближайшие пару лет не следовало – владения были сильно разорены. Однако и восстанавливать разрушенное было необходимо... Так что герцог назначил управляющих и выдал налоговые льготы – по уму.

Разрушенные хозяйства могли не платить налогов, а вместо этого деньги шли на их восстановление, и, разумеется, количество необходимых на восстановление средств подсчитывалось очень тщательно. Остальные налоги же собирались в должном порядке, но шли они на восстановление портов, дорог, мостов, плотин и прочих сооружений. Ну и немного – на восстановление и поддержание в порядке герцогской резиденции в Вольгасте и на Рюгене.

Расходы на содержание двора и чиновничьего аппарата сильно урезали. Собственно говоря, двора как такового здесь не было и в ближайшие годы не предвиделось. Хотя пришлось подобрать два десятка человек из местных уроженцев на роли всяческих дворецких – по минимуму, ровно столько, чтобы можно было обслуживать Аничков дворец и хоть немного соответствовать статусу имперского князя и «независимого» властителя.

Армия... Здесь одновременно печально и отрадно – как таковой её не было, так что Владимир просто договорился с командиром полка русских егерей, квартировавших в герцогстве, и поручил им (а он имел на это карт-бланш от императора) сформировать из местных милицию¹³⁷, даровав милиционерам небольшие привилегии.

На Рюгене ситуация была не столь печальной – такого разорения не было. Однако и с перспективами было глухо. Пусть здесь с недавних пор и стояли несколько русских военных судёнышек и небольшая часть морских пехотинцев, было ясно, что в ближайшие десятилетия это будет глухая провинция, где жители хотя и не голодают, но...

Сформировав небольшой управленческий аппарат (по большей части просто подтвердив полномочия), проработал и местную налоговую систему, перенаправив большую часть поступающих средств на восстановление и развитие.

В Петербург он отплыл уже с небольшой свитой и «церемониальной» армией из двадцати пяти человек. На полудюжине зафрахтованных судёнышек вместе с ним в Россию плыло почти три сотни человек. В основном всевозможные сироты и отпрыски нищих дворянских семей, которых требовалось пристраивать...

Владимир теперь мог с полным правом именоваться как князь Грифич, герцог Вольгаст, принц Рюген, а юристы с изрядной долей уверенности говорили, что вскоре можно будет говорить и о титуле герцога Померанского – пусть даже формальном. Однако кроме красивых титулов ему достались разорённые войной владения, на восстановление которых требовались годы и годы... и деньги. И не факт, что после восстановления экономики по этим местам не прокатится очередная война.

---

¹³⁷ *Милиция* — в первоначальном значении части ополчения, сформированные на добровольной основе, которые проходят регулярную подготовку.

Наследие предков

Часть первая Тайный советник

Глава первая, вводная

Поднявшись из-за стола, Владимир сделал несколько разминочных движений, затем встал на мостик, на руки и немного походил на них. Зашедший с почтой камердинер не моргнул и глазом – зрелище было привычным, и более того, князь и приближённых заставлял заниматься спортом. Об акробатике речи не шло, но в фехтовании и борьбе ежедневно упражнялись даже лакеи.

– От кого?

– От тестя, – невозмутимо ответил Готлиб, – остальное – прошения.

Взяв почту, он отпустил слугу, распечатал письмо и начал читать, продираясь сквозь завитушки. Николая Фёдоровича он искренне уважал, но занудой и педантом тот был невероятным. Впрочем, для действительного тайного советника и заведующего Личным Кабинетом его величества¹³⁸ – идеальный характер.

Продираться пришлось не только через завитушки, но и через предисловия. Николай Фёдорович привычно перечислял все титулы и звания зятя, а по замшелым немецким традициям (а тесть был приверженцем именно таких), в них включалась каждая мыза... Ага, вот оно – просьба помочь с организацией праздника. Можно. Интересных идей у попаданца было много, да и его взгляд на некоторые вещи сильно отличался от взглядов местных.

– Командир, – заглянул в дверь Тимоня, – ты просил напомнить, когда время подойдёт. Короткий взгляд на часы.

– Спасибо, пора в спортзал.

В зале было достаточнолюдно – приближённые старались подгадать свои тренировки к тренировкам хозяина. Не все – только те, кто мог чем-то похвастаться.

Разминка, кросс-фит...

– Ф-фух, – тяжело выдыхает он и переводит дыхание. Теперь черёд боевой акробатики, полчаса на рукопашный бой, и наконец, главное – фехтование.

– Маэстро, – Грифич вежливо кивает немолодому испанцу. Ответный поклон, и начинается танец двух диэстро¹³⁹. Это очень необычный стиль фехтования, еще недавно считавшийся устаревшим, слишком уж специфичные здесь приёмы, рассчитанные не на поединок один на один, а на бой с множеством противников. Идеальный вариант для попаданца с его физическими данными – фехтовальщиков равного уровня бывший спортсмен просто не встречал и даже не представлял человека, способного одолеть его в поединке.

Шутка ли – официально признан лучшим фехтовальщиком Европы!¹⁴⁰ Ну а главное, как же хорошо дестреза «легла» на саблю... Заниматься по данной системе он начал всего год

---

¹³⁸ Управляющий имуществом императорской фамилии.

¹³⁹ *Диэстро* — мастер дестрезы, специфической разновидности испанского фехтования.

¹⁴⁰ Лучший фехтовальщик, наездник, стрелок, самый красивый человек... Таких титулов полно в исторических хрониках, но нужно оговориться, что «кастинг» изначально проводится среди знати. То есть умения или внешность захолустных дворян мало кого интересовали. Впрочем, основания на это были – аристократы тренировались с раннего детства, да ещё и у лучших учителей. В описываемую эпоху фехтование у аристократов пользовалось большой популярностью, да и ездить верхом по

назад, а переделывать систему под саблю – всего несколько месяцев, но результат есть уже сейчас – система ничем не уступает польскому крестовому бою, а это, знаете ли, показатель...

Похвалить приближённых, у кого что-то получается, и поправить тех, кто делает ошибки. Всё, мыться! Помывшись, отправился проводить жену и детей.

– Здравствуй, Натальюшка, – поприветствовал он супругу.

– Княже, – склонила голову та и тут же захихикала. Это была мелкая «мстя» за то, что вчера Владимир не навещал её с детьми.

– А кто это у нас такой большой, – умилённо заговорил герцог, приседая на корточки.

– Я! – И трёхлетний мальчик с разбегу бросается обнимать отца.

– Ух, какой ты сильный стал!

– Да, сильный, я сегодня кашу всю съел, – с гордостью рассказывает маленький Богу слав.

Наобщавшись с сыном, проведаль и дочек – годовалые двойняшки радостно лепетали и тянули к нему ручки.

– Что вчера-то не заходил? – Прикоснулась к плечу жена, привлекая внимание.

– Император задержал допоздна, вернулся от него сильно за полночь.

Наталья кивнула, принимая оправдание.

Нужно сказать, что он мог бы и ничего не говорить – патриархат в их семье был абсолютный. Но почему бы и нет? Владимир знал, что жена не пытается контролировать его, а просто интересуется. Вот, кстати, интереснейшее сочетание характера у неё – хорошая жена, заботливая мать и умелая хозяйка, абсолютно не интересующаяся политикой и не ревнующая мужа к любовницам. И одновременно – страстная лошадица и умелая фехтовальщица¹⁴¹.

Женился герцог не по любви, а по расчёту, но вот что значит правильный расчёт... Красивая, умная, замечательная супруга, прекрасно воспитанная и образованная... Вот сейчас бы он снова на ней женился, но на этот раз по любви.

Измены? А что поделать, если либидо у него в разы выше среднего, а Наталья к постельным утехам относится почти равнодушно – не фригидная, но чаще чем пару раз в неделю ей в принципе не надо, а при беременности и вовсе... Ну и «командировки» принца, длящиеся порой месяцами.

Был сейчас 1768 год, и нужно сказать, что князь многое успел сделать за это время. Уже состоялись первые выпуски Лекарской, Гимнастической, Музыкальной и Математической школ, и выпускники показали весьма серьёзный уровень знаний. Доходило до того, что командиры полков не только интриговали, но даже устраивали дуэли в борьбе за лучших выпускников!

Для современников попаданца такое прозвучало бы дико, но сейчас... Кадровый голод в России был невероятный – мало-мальски грамотный человек уже востребован. А если он грамотен по-настоящему, да имеет какую-то дефицитную специальность...

Специалисты из Европы не слишком-то хотели ехать в «Дикую Россию» – в первую очередь из-за прямых барьеров на границах, и конечно – умелой пропаганды. Принц сам встречал в немецких княжествах брошюры на тему «казаков-людоедов»¹⁴².

Помимо школ он открыл в Петербурге ещё и артиллерийское училище, пехотное, кавалерийское... И это только те, что можно было отнести к вузам! Были и гимназии, реальные училища, технические школы... Впрочем, большая часть – пока что скорее в теории.

мужски умели многие. Доходило до того, что женщины порой дрались на дуэлях – причём не только друг с другом, но и с мужчинами! Впрочем, последнее было скорее исключением из правил.

¹⁴¹ В описываемую эпоху фехтование у аристократок пользовалось большой популярностью, да и ездить верхом по-мужски умели многие. Доходило до того, что женщины порой дрались на дуэлях – причём не только друг с другом, но и с мужчинами! Впрочем, последнее было скорее исключением из правил.

¹⁴² Абсолютная правда.

Пару лет назад рядовые мятежники начали возвращаться из армии, стараясь перейти на службу гражданскую и желательно – не совсем уж в глухой провинции. Вот тогда князь и подсунул Петру проект, согласно которому они могут заслужить на это право, открывая учебные заведения. Подписал...

Однако большая часть учебных заведений в провинции была только на бумаге, а инспектировать их лично Рюген не имел возможности – до недавней поры, пока император не сдался и не подписал проект Департамента образования с Грифичем во главе. Произошло это всего несколько месяцев назад, и сотрудниками герцог начал обрастать только-только. Ну и, разумеется, первым делом внимание акцентировалось на Москве.

Как водится, с Москвой дела велись по принципу «всё сложно». Здесь были свои партии, желающие перехватить управление учебными заведениями на себя. И на компетентность и пользу при этом не смотрели. Попытки Петербурга наладить нормальное управление с помощью независимых специалистов всячески саботировались.

Ну и доигрались до того, что полсотни семей отправились осваивать просторы Сибири, пожертвовав перед этим часть своего имущества на Департамент образования. Только после этого дело начало сдвигаться с мёртвой точки, и в Златоглавой появились первые школы достойного уровня.

С Московским университетом дела обстояли не менее печально, так что Владимиру самому пришлось ехать расчищать эти Авгиевы конюшни, и... Профессура поехала открывать учебные заведения в глубинке России. А как ещё прикажете действовать, если за десять лет они так и не организовали нормальный учебный процесс? А денег-то было потрачено много...

Были попытки профессуры очернить князя в глазах европейской общественности, но у него уже была прочная, устоявшаяся репутация человека пусть и жёсткого, но отнюдь не жестокого и абсолютно справедливого. Да и назначенный на должность ректора Ломоносов¹⁴³ писал о них исключительно в матерных тонах. Ладно бы он – «неполноценный русский» всё-таки, но европейское светило Кант писал абсолютно так же, а он был у Ломоносова заместителем...

Выйдя из дворца, поздоровался со стоящими на страже солдатами собственной армии – пусть размеры её и были «игрушечными», но натренированы они были так, что, по мнению князя, равных им не было. Ну как иначе, если физические тренировки отнимают пять-семь часов в день, а вместо отдыха они учатся – русский язык, труды полководцев, основы медицины и многое, многое другое.

Грифич изначально задумал что-то вроде военного училища для будущей армии. Двадцать пять человек, которых он отбирал среди подданных, были настоящими «сливками» – все без исключения дворяне из «исконных» семей со славянскими корнями. Все – не старше двадцати пяти лет, с обязательным знанием не только немецкого, но и французского – главного языка Европы. А ещё – знание одного из скандинавских и славянских языков хотя бы на уровне «моя-твоя», приличное по европейским меркам образование, хорошее здоровье, боевой опыт...

Ну и получился этакий «спецназ», который даже на фоне семёновцев, которых он гонял лично, выглядел вполне достойно. А дальше – учёба в течение трёх лет. Ну а по мере того, как владения герцога потихонечку восстанавливались и налоги пошли уже достаточно весомые, последовал ещё один набор... Сейчас его «армия» – это чуть больше ста человек тренированных бойцов с военным опытом и «обкатанных» в нескольких пограничных конфликтах во владениях Грифича, ну и в «войнушках» в интересах России.

Владимир планировал в ближайшее время отправить примерно половину «войска» обратно в Вольгаст и на Рюген, где они возглавят кое-какие гражданские и военные посты, ну и попутно будут тренировать милицию. Большим плюсом было то, что все они завели знакомства

---

¹⁴³ В реальной истории умер в 1765 году.

среди гвардейцев, армейских и чиновников Петербурга. Собственно говоря, прежде всего для этого он и тащил вояк с собой – организовать учебный процесс можно было и во владениях.

Нужно сказать, что несмотря на некий военный перекося, свою «армию» Рюген воспринимал скорее как училище, причём не только военное. Курсантов учили и квартирмейстерскому делу, бухгалтерии... Ну и время от времени давали какие-то поручения.

Справляется? Молодец, на ещё. Хорошо справляется – карьера обеспечена. Нет? Ну что ж, «чистые» вояки тоже нужны. Маловато мозгов для толкового командира? Ну и ладно – будет охранять особу герцога Померанского (ну... пусть будущего, но уж в этом-то попаданец был уверен твёрдо) да заниматься физподготовкой новых курсантов. Словом – отбросов нет, есть резервы...

Отношение Владимира к подданным было весьма серьёзным – он пристраивал их в учебные заведения Петербурга, пользуясь правами директора, в гвардию и армию, на флот, чиновниками... И пристроил уже свыше семисот человек! Для маленького государства цифра весьма ощутимая, а жалованье в России очень неплохое. Ну и, разумеется, они были его глазами и ушами – это даже не скрывалось.

Обустроивал он и свои владения – во многом за счёт русской армии и флота. За счёт – да, но паразитирования не было. Стоящие в герцогстве русские полки были только первой ласточкой. Дальше было восстановление портов – и часть грузов из России стала проходить через его территорию.

Затем он сам предложил Рюген в качестве дополнительной базы для лёгких сил русского флота. Ничего серьёзного здесь по определению не могло быть – очень уж сильны шведский и датский флоты. Но даже три десятка корабликов сильно облегчили жизнь таможенникам и русским купцам, которых шведы с датчанами обыскивали порой *чересчур* тщательно.

Ну а дальше... Совершенно естественным было, что провизию, фураж и всевозможную амуницию поставляют, прежде всего, местные жители, что они же работают на постройке казарм и фортов, обслуживают корабли и сами нанимаются на них. Сперва лоцманами, ведь кто может знать окрестности лучше рыбаков и моряков, родившихся в этих местах? Затем – офицерами, и, наконец, Пётр «созрел» до идеи нанимать на русскую службы целые команды на собственных кораблях. По ряду причин так было выгодней – проще маневрировать на политическом поле.

В Вольгасте и на Рюгене постепенно восстановили инфраструктуру и построили новую, «обросли жирком» и... потянулись переселенцы. Переселенцы были разные – шли немцы и немецкие славяне, кашубы из Польши, голландцы, были чехи, словаки и венгры, решившие попытать счастья за пределами Австрии, и неожиданно – староверы.

Последние долго присматривались к князю, посылали делегации с вопросами по поводу притеснения...

– Любая христианская конфессия в пределах моих владений – законна! – резко отрезал Грифич. – Но только христианская, изуверов вроде скопцов я таковыми не считаю.

– А как с... государем русским? – осторожно спрашивает подслеповатый старец – один из законоучителей, уважаемых всеми течениями староверов.

– А никак, – спокойно отвечает Рюген, – мы с ним договорились, что препятствий на выезд чиниться не будет. Единственное – не пытаться использовать мою территорию для каких-то игр. Коль решили осесть, так ведите себя как нормальные подданные, а интриги против России... Да хоть Пруссии или Австрии, мне от вас не нужны.

Старцы удовлетворённо переглядываются.

Всё – с этого дня в герцогство Вольгаст и на остров Рюген потянулась тонкая струйка переселенцев из России. Что странно, среди них было очень немного пахарей, как почему-то представлял себе князь. Зато много ремесленников и торговцев. Слегка обжившись и поняв, что законы здесь просты и понятны, они начинали какое-то дело.

Обычно что-то мелкое, но... Не в этом суть, они как-то легко сходились с исконными жителями земель. Находились какие-то дальние родственники, свойственники и кумовья... Однако всё это было на полном серьёзе. Как выяснил Грифич (а это особо и не скрывалось), к нему потянулись староверы из Новгорода, имевшие давние связи с Ганзой – как торговые, так и родственные.

И кстати, только спустя много времени попаданец с удивлением узнал, что могущественная (даже он слышал о ней – с его-то «знанием» истории!) Ганза была по большей части славянской... Пусть это были немецкие и онемеченные славяне, но... Судя по всему, староверы намеревались восстановить эти связи хотя бы частично.

Откровенно говоря, рискованно, поскольку вести дела староверы намеревались прежде всего через собратьев в России. Пётр же, несмотря на некоторые послабления для них, после восшествия на престол стал намного жёстче. Так что пока Владимир просто сделал внушение старцам, чтобы не увлекались.

Доля славян среди переселенцев оказалась достаточно большой. Не «самой-самой» – где-то около трети, но поскольку они оказались самой многочисленной этнической группой, то недавно русский язык получил статус второго государственного, и двуязычие во владениях князя стало официальным. Впрочем, никого это не удивляло, поскольку в той же Австрии дела с языками обстояли ещё веселей. Да и учитывая тот факт, что минимум треть доходов герцогства была так или иначе связана с Россией...

Да, именно треть – ненормальная ситуация несколько выправилась, и сейчас была торговля и со скандинавскими странами, с Пруссией, Австрией, Польшей, мелкими соседними государствами.

Были и территориальные приобретения: Грифич постепенно выкупал земли у соседей, но уже не как помещик, а как полноправный властитель, присоединяя их к себе. Ну и не только выкупал, но и активно сутяжничал, считая ценным приобретением даже гектар болотистой почвы. Пригодится.

В итоге, он так забодал остальных мелких властителей, что они начали уступать ему свои земли без особого торга – лишь бы цену дал достойную. Правда, тут во многом было везение – мелкие властители, поставленные в Померании большими державами, как на подбор оказались... мелкими. Выбирали-то из кого? Из послушных и нетребовательных, ну и выбрали таких, которые предпочитали счёт в банке сомнительному владению, разорённому многолетней войной.

Сам же Владимир оказался на диво эффективным менеджером, хотя особых хитростей он не применял. Логика его была проста и опиралась на проверенные временем факты... Его временем.

Строить дороги и мосты – и связывать тем самым территории герцогства, стимулируя торговлю и ремёсла. Осушать болота и строить плотины, если есть такая необходимость, и повышать тем самым количество пахотных земель и пастбищ. Покровительствовать ремёслам и торговле – путём простого и понятного протекционистского законодательства. Принять закон об обязательном всеобщем образовании – и строить повсеместно школы, давая работу учителям. Закон о коррупции – и вешать воров или, в зависимости от возраста и тяжести преступлений, давать им «работу» в шахтах.

Ничего сложного, но программа работала, и работала хорошо. Меньше чем за пять лет инфраструктура восстановилась, а количество переселенцев было таким, что уже удвоилось население. И... его любили. На фоне жадных князей, которые всеми силами тянулись за «старшими коллегами», выбивая у населения последнюю медную монетку, а таких было большинство, порядочность и здравый смысл смотрелись чем-то необыкновенным.

Глава вторая

Приёмы принца Рюгена собирали людей специфических, как сказали бы в будущем – деловых. Это был тип людей, которые физически не умеют бездельничать, а точнее – умеют, но недолго – день-другой. Нельзя сказать, что все они отличались знатностью – хватало как знатных вельмож, так и мелких служащих, ищущих покровителя. И нужно сказать – находили.

Князь вообще любил помогать людям, которые, по мнению, заслуживали помощи. Есть мозги, знания, трудолюбие и ищешь работу? Иди к нему, и с большой долей вероятности тебя пристроят на неплохое место. В будущем сказали бы, что это своеобразная биржа труда, но в восемнадцатом веке таких слов не знали. Зато знали, что раз в две недели потенциальные работники и работодатели встречаются в Аничковом дворце, который всё чаще стали называть Померанским.

Нельзя сказать, что помощь эта оказывалась вовсе уж бескорыстно...

– Я не скрываю свою корысть, – говорил наставник Павлу, с любопытством поглядывающему по сторонам, – но это называется взаимная выгода.

– В чём их выгоды – я могу понять, но вот в чём твоя? – с интересом спрашивал цесаревич. Задумчиво почесав подбородок (бриться попаданец всё так же не любит), Владимир медленно отвечал:

– Во-первых, большая часть дельных людей так или иначе проходит через меня. Так что многие вопросы я могу решить очень быстро – просто потому, что всех знаю и знаю реальные возможности и способности своих знакомцев.

Мальчик задумчиво кивает – это ему понятно.

– Во-вторых, я могу отбирать этих самых дельных людей для своих нужд. Ты обратил внимание, как быстро я сформировал Департамент?

– Ещё бы! – фыркает ученик. – Да весь Петербург диву дался, а Миних аж заругался от восторга. Говорил, что это слишком даже для тебя... Ну и потом по-солдатски, – смутился мальчик.

– Вот, – наизидательно поднял палец Рюген, – а смог бы я так сделать, не устраивая таких вот... приёмов?

– Приказать можно, – неуверенно сказал Павел.

– Можно, – согласно кивнул собеседник, – но толку-то? Остальные-то вон приказывают – и ты видишь результаты?

– То есть хочешь сделать хорошо – делай это сам? – неуверенно сформулировал цесаревич.

– Ни в коем случае! – в ужасе замахал руками герцог. – Это страшнейшая ошибка, тебя быстро текучкой завалят, и оглядеться не успеешь, как начнёшь заниматься всякой ерундой, вроде пуговиц на солдатские мундиры! Думай...

– Ну... поручать работу нужно другим, – неуверенно начал мальчик, – но контролировать их, чтобы быть в курсе происходящего и поправить, если будет нужно.

– Умничка! – похвалил его наставник, и Павел счастливо заулыбался – он любил такие моменты, – Ну а потом, когда найдёшь исполнителей в какой-то области, не требующих постоянного контроля, так и ставь их на нужные посты. Так вот постепенно и получишь Кабинет из людей дельных и, что немаловажно – понимающих, какого же результата ты хочешь добиться.

– И тогда работа будет идти проще, а у меня будет время на нормальную жизнь! – выпалил цесаревич.

– В точку!

О благодарности людей, которые благодаря ему нашли работу, князь промолчал – цесаревич должен сам об этом догадаться. Как и о том, что благодарность эта проявляется в совершенно конкретной информации и влиянии...

Вообще, приём был крайне непривычен по нынешним временам – да собственно говоря, его и приёмом-то было сложно назвать... По залам ходило около полусотни сановников разного ранга и несколько сот потенциальных работников. Выглядели эти самые работники достаточно забавно – с табличками на груди и на спине. На них крупными буквами были записаны имя соискателя, все его умения и желаемое место работы и жалование. Информация проверялась в канцелярии князя, так что сановники могли быть уверены в качестве «материала».

Ну и еда... Поскольку Владимир уже понял – *как* могут есть голодные немцы... Да, много. Нет, МНОГО – складывалось впечатление, что наедались они впрок – минимум дня на три. Впрочем, многие и в самом деле именно так и питались... Германские княжества сейчас – это нищие, разорённые постоянными войнами и поборами государства. Были и исключения, вроде той же Австрии или его владений, но в целом дела обстояли достаточно печально¹⁴⁴.

Самое же интересное, что на поверхности дела обстояли более-менее пристойно – «фишка» всех немцев. Люди считали должным сохранять благопристойный вид любой ценой, на публике играя в благополучие, а дома питаться жидким супом на воде раз в день...

И нет – это не благодаря «европейскому характеру», просто потеряв статус «приличных» людей, выкарабкаться было практически невозможно – только на дно. Ну а оттуда... Женщины – в бордель и трактиры служанками (что часто было одно и то же), мужчины – в армию или в канаву. Так что наедались впрок они умели – вплоть до заворота кишок...

Однако на приёмах положено кормить и... Рюген вышел из положения, кормя гостей блюдами недорогими, «бюджетными», и прежде всего – картошкой. Выходец из двадцать первого века знал под сотню таких, где фигурировала картошка – почти два года прожил один, так что навыки кулинарии волей-неволей прокачал. Ну и заодно рекламировал невиданный на Руси продукт.

Рекламировал просто – у каждого блюда клались несколько десятков карточек с рецептом, и небогатые чиновники уже начали активную пропаганду блюд из картошки, стимулируя окрестных крестьян плюнуть на все предосторожности и заняться выращиванием чёртова яблока.

На приёме Владимир был при всех регалиях – мундир генерал-поручика, шпага с украшенным бриллиантами эфесом, ордена... Кстати, за Департамент и образцовую работу он получил Андрея Первозванного, и теперь принцу не хватало только Георгия. Вообще же, на награды русский государь был достаточно скуп. Но оно и понятно – не было необходимости расплачиваться ими с заговорщиками, как планировала Екатерина.

А заговор тот... Приятели не раз пеняли Владимиру, что тот мог проявить и больше настойчивости – для спасителя императора наград как-то мелко... Тот отвечал в рыцарском духе, но на деле был доволен сложившейся ситуацией. Ну в самом деле – чем ему быть недовольным? Не дали звание фельдмаршала, которые тот раздал двум своим родственникам?

Да плевать! По уровню влияния Грифич заметно превосходит кабинетных фельдмаршалов, да и официальной власти у него как бы не больше... Зато благодаря умело раздутому комплексу вины Пётр Фёдорович не раз жаловал его крупными суммами или заключал выгодные контракты – выгодные властителю герцогства Вольгаст и острова Рюген. Так что ещё вопрос, кто больше выиграл: он или генерал-адмирал Мещёрский, у которого прибавилось орденов и званий, но вот по части влияния мало что изменилось.

---

¹⁴⁴ Перебиваться с брюквы на воду немцам предстояло ещё очень долго. Знаменитые немецкие колбасы и прочие блюда – еда для людей состоятельных. В этой же реальности дела обстоят ещё хуже – Пруссия потеряла часть земельных владений и влезла в долги.

– Дядька¹⁴⁵ Никифор, смотри! – раздался возглас Павла, и мальчишка, свесившись с коня, на полном скаку сорвал зубами ромашку.

– Молодец, – прогудел тот одобрительно, – только я бы тебе не советовал зубами. Мало ли... Ошибёшься чуть, и что у тебя тогда с лицом будет?

– Ну ты же делаешь? – резонно возразил воспитанник.

– То я, – хмыкнул дядька и покосился умоляюще на Рюгена.

– Дядька прав, – пришёл тот на помощь, – во-первых, это просто лихачество, которое тебе ничего не даст. А во-вторых, ты растешь, и организм постоянно приспосабливается под новый рост, новый вес, длину рук.

Цесаревич на минуту задумался, а потом неохотно сказал:

– Ладно, не буду больше. А... А это потому я взрослым на рапирах проигрываю? Ну, что организм?

– Не только поэтому, противники-то у тебя ого какие! – серьёзно сказал Владимир. – Лучшие гвардейцы с тобой клинки скрещивают. Но вообще-то ты прав – ты сейчас растешь, и организм просто не успевает приспосабливаться. Ну а так, чисто технически, в полусотню сильнейших фехтовальщиков ты уже и сейчас бы вошёл. Ну а подрастешь, так и вовсе... Если тренировки не забросишь.

Учёбу цесаревича князь считал ничуть не менее (а то и более) важным делом, чем родной уже Департамент. Потому-то ее проводили не только в прекрасно оборудованных залах Зимнего, но и у гвардейцев и даже в армейских полках, расквартированных под Петербургом. Павлу важно знать окрестности, да и возможности обычных солдат нужно понимать. Ну и не менее важно общение с народом. Умный, спортивный, неприхотливый, отлично знающий солдатскую жизнь и абсолютно не заносчивый мальчик был любим военными, и случись что – легко поведёт за собой полки...

Вот и сейчас они тренировались в расположении уланского полка. Да-да, того самого, где начинал служить сам Владимир. Другое дело, что за прошедшие годы изменилось очень многое. Для примера – сейчас это был гвардейский полк уланов-карабинеров, с официальным названием «Варяжский» и «Крылатые» с девизом «Никто, кроме нас» (тут уже попаданец постарался).

После того как полк невероятно героически проявил себя в войне с Фридрихом и доказал верность во время мятежа, объединив вокруг себя армейские части, он и стал гвардейским. Однако дело этим не ограничилось – полк практически «раздёргали» на части.

Костяк остался в «Варягах», чуть более полусотни человек перевели в заново сформированную Конную гвардию, созданную уже по образцу французских жандармов¹⁴⁶. И наконец, потребовался командный состав для четырёх уланских полков. Точнее будет сказать – «настоящих» уланских.

Миних всё-таки имел опыт войны со степняками и прекрасно знал, что для противодействия крымчакам требуется более лёгкая конница, а не здоровенные дядьки на конях драгунского образца. Ну и пробил, формируя их на регулярной основе из казаков, татар и башкир – вперемешку. Воевать те умели, но вот с дисциплиной и «правильным» строем была беда, так что без «варягов» обойтись не получалось. Точнее сказать, можно было бы и обойтись, но тогда начиналось «местничество» и «землячество». Ну а с бывшими сослуживцами Владимира вроде как и получалось.

---

¹⁴⁵ В описываемое время «дядька» – это некий слуга-воспитатель при барчуке. Не учитель, а что-то вроде денщика, но с расширенными правами. Часто были из вояк недворянского происхождения, соответственно, обучали подопечных воинским хваткам и следили, чтобы дитяtko не вляпывалось в совсем уж эпичные похождения. Должность хлопотная, но престижная.

¹⁴⁶ То есть отборных кавалерийских частей, в составе которых есть как тяжёлая, так и лёгкая конница.

Были в гвардии и другие перемены – расформировали Измайловский полк, который почти в полном составе воевал на стороне бунтовщиков. Зато апшеронцы стали гвардейцами. Появился и гвардейский Флотский Экипаж – и тут снова постарался попаданец. Гарнизон Кронштадта проявил себя весьма достойно, так что не уважить их было бы неправильно. Ну и экипаж на царскую яхту должен быть отборный...

В гвардии вообще было много перемен, и для начала – она стала ходить на войну. В любую серьёзную заварушку вместе с войсками отправлялись и сводные роты гвардейцев. Составляли их таким образом, чтобы каждый из них воевал хотя бы раз в несколько лет. Гвардия подтянулась и стала действительно отборными войсками. Ну и привилегий у гвардии уменьшились – вроде тех же повозок, которых за каждым капралом было прикреплено больше, чем за армейским майором.

Рысьев так и остался полковником, но теперь – полковником гвардейским, так что был абсолютно доволен жизнью и даже женился. Женился он, кстати, на двоюродной сестре жены самого Грифича, и таким образом друзья ещё и породнились. Получив от императора несколько неплохих поместий и приданное от жены, он принялся активно трудиться над воспроизводством потомства и сильно обогнал попаданца, «настрогав» пятерых и не собираясь на этом останавливаться. Впрочем, Рюген с Натальей тоже...

– Учитель, – прервал размышления князя голос цесаревича, – тут мне такую ухватку показали, что ух! Оцени и скажи – тебе она как?!

Улыбнувшись слегка, принц тронул пятками конские бока и поехал к воспитаннику.

Глава третья

Супруга императора была женщиной пусть и неглупой, но очень домашней и откровенно ленивой. Она почти не вмешивалась в жизнь двора, полностью сосредоточившись на дочках и муже. Михаил Илларионович Воронцов, дядя императрицы, был человеком пусть и небезупречным, но весьма деятельным, умным и сравнительно порядочным. А вот родной отец и братья Елизаветы Романовны...

Отец уже заслужил прозвище «Роман – Большой Карман» за воровство и мздоимство невероятных размеров. Был он генерал-губернатором Петербурга, и нужно сказать – отвратительным. Деньги из казны вытягивались в колоссальных масштабах – настолько, что император вынужден был сделать его пост декоративным, передав власть заместителям тестя.

Братья же Елизаветы... Александр Романович был человеком умным... Хотя нет, вернее будет сказать – хорошо образованным. И самое скверное – убеждённым англоманом. Несмотря на то что именно англичане были спонсорами переворота, перед «просвещёнными мореплавателями» тот буквально млел и, что хуже всего, был масоном и всеми силами насаждал масонство в России. Кстати, папенька тоже был масоном...

Семён Романович также был англоманом – ранее. Однако переворот «вылечил» его – попытка сместить законного правителя была в его глазах чудовищным преступлением, да и сестру Елизавету Семён очень любил. Да мозгами был не обделён и прекрасно понимал суть происходящего.

И вот со стороны Большого Кармана и Александра Романовича Рюген начал замечать нехорошие шевеления. Мало того, что их действия приносили прямой вред государству, так ещё они начали игру против Павла.

Логика их была понятна – устранить цесаревича, и тогда наследником или наследницей станет ребёнок Елизаветы. Профит... Что уж они планировали дальше – просто освободить место для родни или сместить впоследствии Петра и править самим – бог весть.

Прямых доказательств их вины не было – ну не считать же такими способности попаданца? Запах радости от Романа при известии о болезни Павла, взгляд мясника на мальчика

со стороны Александра... Таких моментов было много, и, что самое скверное, они стали происходить всё чаще.

На приёмах стали появляться лакеи, от которых веяло схожими эмоциями и запахами по отношению к наследнику, какие-то мелкие чины чувствовали перед ним свою вину и одновременно злорадство. У Владимира начало появляться ощущение, что мальчика, как волка, обкладывают флажками.

Идти к Петру? Спасибо, нет – князь уже прекрасно понял характер императора. Умный и неплохо образованный, силы воли он не имел и пытался заменять её вздорностью и даже жестокостью. Нет, в целом он был неплохим правителем, но именно в целом. Однако нежелание понимать, что на родственников нельзя слепо полагаться, было его «коронной» чертой. В частности, двое его родственников из Европы имели звания фельдмаршалов, да и Воронцовы...

Остаётся два варианта: пускать дело на самотёк или... устранять потенциальных убийц самому. Жалость? Нет – Роман с Александром были для него чужими и опасными людьми, как и он для них. Ну а муки совести и нерешительность... Откуда они возьмутся у вояки с нехилым личным кладбищем в не таком уж давнем прошлом? Да и «чистка» Петербурга от криминала оказалась весьма кстати. Оставалось одно – придумать способ, как устранить их и не попасться самому.

Вариантов масса, но почти все они подразумевают наличие сообщников. Делать всё самому? Так вельможи такого ранга постоянно находятся в настоящем окружении – свита, лакеи... Представить, как в такой ситуации можно подсыпать яд или нанести смертельный удар, Владимир не мог.

Точнее, мог бы, но тогда он автоматически попадал бы под подозрения, а играть против могущественного клана и разгневанного императора... Спасибо, нет. С сообщниками тоже не фонтан – попадалась ему ещё *там* статистика с преступлениями. Подробностей попаданец не помнил, но то, что с каждым сообщником риск разоблачения возрастает кратно, в памяти отложилось.

Решение пришло случайно, когда князь рассеянно поглаживал левретку жены. Игорь заметил, что если он находится с животным в достаточно длительном контакте, то может им управлять. Не пойти налево-направо, присесть, встать, а более примитивными физическими функциями – расслабить сфинктер, сжать сердце...

И вот на «сжать сердце» герцога осенило: а почему бы и нет?! С Воронцовыми ему приходилось встречаться не менее двух раз в неделю, а обычно ещё чаще. Почему бы не попробовать?

– Роман Илларионович, много хорошего слышал о вчерашнем вашем приёме! – дружелюбно обратился князь к врагу.

– Да что ты, Владимир Игоревич, обычный приём, – толстые щёки тестя императора расплзлись в улыбке.

– Обычный... Экий ты скромник – сам же знаешь, что не каждому дано. Вот меня возьми – даже если всё за тобой повторю, то всё едино, не позже чем через час гости будут обсуждать дела, а не веселиться.

– Эт да, – хохотнул петербургский губернатор, – есть такое дело!

Есть контакт! По большей части на интуиции принц прицепил к графу... Да, наверное, самым точным словом будет «поводок»... и не отпустил его, даже когда отошёл за полсотни метров. Владимир держал «поводок» не менее получаса и... Сжать-разжать, сжать-разжать, дёрнуть на себя, ещё раз...

– Графу Роману Илларионовичу плохо, лекаря! – раздался в толпе истошный голос.

В тот раз Большой Карман остался жив – и в следующий раз. Между попытками экстремалу приходилось делать большие перерывы – его самого это страшно выматывало. Затем была

попытка набросить «поводок» чуточку по-другому и... Получилось – в начале июля царского тестя хоронили очень пышно, с большими почестями.

– Петруша! – рыдала императрица после похорон. – Па-апа... умер!

Горе женщины было искренним и неподдельным, и муж молча обнял её одной рукой, прижав к себе. Подходили придворные со словами сочувствия, подошёл и Рюген... А почему бы и нет? Какой-то публичной вражды между ними не было, да и лицемерить Владимиру пришлось научиться, так что все считали, что к умершему он был настроен скорее нейтрально.

Генерал-губернатором Петербурга стал Александр Романович Воронцов, и нервная ситуация с наследником продолжилась. Нехорошие шевеления заметил и Миних, но поскольку всё основывалось на интуиции, дело ограничилось ворчанием среди своих. Попытки же Грифича набросить «поводок» на следующего Воронцова успехом не увенчались – самого пришлось откачивать.

Причину понять было нетрудно: «грохнуть» старшего из Воронцовых помог возраст последнего, лишний вес и не самое лучшее здоровье, ну а с молодым такой номер не прошёл. Напротив – «откат» был таким... Решение было одно – ждать момента и пытаться работать косвенно. А там – или коня в решающий момент подтолкнуть, или чего-то в том же духе.

Для развлечения императрицы, впавшей в лютую меланхолию, принц предложил провести турнир.

– Сам подумай, – возбуждённо расхаживал он перед императором, – зрелище яркое и уж точно – запоминающееся.

– А травмы? – засомневался Пётр. – Читал я про турниры – мы столько калек получим...

– Не получим! – Решительно отмёл его предположения Владимир, – мы же не по средневековым образцам будем проводить.

– Не томи!

– Соревнования среди гвардейцев – на клинках будут биться, да бороться, да на кулачках... Да я сейчас долго всё буду перечислять! Тут главное-то в чём? Не бойню устроить, а выявить лучших из лучших, да кургузно.

Пётр откинулся на спинку кресла и задумался.

– Пап, ну в самом деле – интересно же будет! – поддержал Павел наставника. – Вон, в Шляхетском корпусе и Гимнастической школе знаешь как интересно бывает! А там ведь всё... простенько.

– Интересно, говоришь? – хмыкнул император. – Ну раз так, то и быть посему. Давай-ка ты за старшего, а...

– А Павла мне в помощь, – закончил предложение Грифич.

– Павла? А не рано ли? Дело-то серьёзное...

– Па-ап!

– Не рано, – уверил Владимир, – тут такое дело... Он же постоянно крутится со мной, разъезжает по училищам да школам и по мелочи не раз помогал, так что основы знает. Да и в гвардии он каждую собаку по имени знает, так что справится. Ну и после турнира можно будет говорить и о более серьёзных вещах – если хорошо себя покажет.

На том и порешили, так что подготовка турнира была объявлена официально, а Павел вполне официально получил должность.

За подготовку герцог Вольгаст не переживал – будут, конечно же, какие-то проблемы, но вот серьёзные... Откуда им взяться-то? В Петербурге он давным-давно свой, уважаем гвардией, армией и флотом, да и цесаревич... Ну и конечно же – знания из будущего.

Попаданец участвовал в десятках соревнований самого разного типа, так что представление о самих соревнованиях, судействе и правильном «оформлении» имел неплохие. Да и в восемнадцатом веке пришлось устраивать десятки мероприятий. В общем, «каркас» праздника был подготовлен всего через неделю, а в первых числах августа начался и сам турнир.

Начался он просто – с показательных выступлений гвардейцев, демонстрирующих перестроения и маршировку. Сперва по полкам – и тут небольшое преимущество было у Апшеронского полка.

– Смотри, как дружно-то, – хлопнул по плечу Пётр, с сияющими глазами глядя на перестроения любимцев.

– Хороши, – согласился Владимир.

Затем были соревнования между разными батальонами, ротами и взводами. Победителям вручались кубки с соответствующими надписями и каждому из участников – почётные грамоты. Здесь такое было в новинку, так что восторг у гвардейцев был неимоверный – это же зримое доказательство твоего успеха! Да эти грамоты ещё правнуки хранить будут!

Коллективные соревнования не ограничились перестроениями и ружейными приёмами¹⁴⁷ – были преодоления штурмовой полосы, бои стенка на стенку, игра в лапту¹⁴⁸ и многое другое. Второй день соревнований был чисто кавалерийским и тоже исключительно коллективным.

И наконец, индивидуальные поединки.

– Семёновцы! Хорькин, давай – по сусалам его, по сусалам!

– Апшеронцы! Панов, в дыхалку его!

Зрители бесновались – кулачные бои пользовались на Руси особым почётом, так что и дворяне не считали зазорным принять в них участие. Тут уже Владимир покинул царскую ложу – бойцы порой входили в раж, и приходилось растаскивать их, да и в судействе не всегда дела обстояли гладко.

– Победил Степан Хорькин, капрал Семёновского полка! – проорал герольд.

– Следующий поединок...

– А самому не хочется выйти да размяться, – шутливо ткнул его в бок император, когда в перерыве принц вернулся в ложу, – удаль молодецкую показать.

– Да как бы сказать... – простонародным жестом почесал затылок князь, – хотелось бы, но... Если буду драться в полную силу, то просто поубиваю всех, а если не в полную, то удаль будет не молодецкая, а *малодетская*, – голосом выделил Рюген.

Пётр несколько секунд осмысливал сказанное, затем заржал самым неприличным образом и принялся пересказывать шутку князя.

– Забавно, – улыбнулась императрица, – но не преувеличиваешь ли ты? А то слышать я о твоих талантах слыхала, а в деле...

– Ну, драться-то я не буду, – задумчиво сказал Владимир, – но кое-что могу показать.

С этими словами он моментально выбросил руку вперёд и коснулся мундира стоящего в ложе гвардейца.

– Быстро, – одобительно сказала Елизавета.

– А ты приглядишься, – с откровенным самодовольством предложил князь. Пригляделась и...

– Ты никак пуговицу ему согнуть ухитрился за этот миг?! – ахнула женщина. Владимир самодовольно пожал плечами, орлом поглядывая на интересную вдовушку из Голицыных.

– Я ещё и не то могу, – раздухарился подвыпивший (несколько раз пришлось мирить поссорившихся вельмож и пить «мировую» вместе с ними) князь.

– Можно? – указал он рукой на протазан унтера.

---

¹⁴⁷ *Ружейные приёмы* — приёмы обращения с ружьём. То есть не только штыковой бой, но и процедуры заряжания и кое-какие «красивости». В описываемую эпоху это был настоящий церемониал, очень яркий и красочный.

¹⁴⁸ Игра в лапту была в России популярнейшей и считалась одним из этапов подготовки воинов. В частности, Пётр I прямо предписывал гвардии играть в неё.

– Давай, – махнул рукой такой же нетрезвый император. Руки спортсмена обхватили прочное древко, сжали и... древесина затрещала, явственно проминаясь под стальными пальцами,

– В щепу не могу, – расстроенно сказал Владимир, – дерево очень уж хорошее. Зато вот так могу...

Тут он снова широким хватом взял протазан, напрягся и замер, а затем протазан... порвался. Во всяком случае, именно такое впечатление сложилось у присутствующих.

– Эпическая сила, – потрясённо выругался унтер и замер виновато. Но на это никто не обратил внимания.

– Да получается, что ты не хуже Геркулеса, – с азартом сказал Пётр.

– Лучше, – пафосно сказал принц, принимая «статуйную» позу, – всё ж таки не с голым задом бегаю.

Немудрящая шутка оказалась вовремя, так что хохот, вылетевший из императорской ложи, услышали все.

Турнир прошёл великолепно – опыт из будущего, да опыт местный, и получилось прямо-таки эпично даже по меркам избалованного Петербурга. Впрочем, сам попаданец самокритично признавал, что средний уровень дотянул максимум до уровня Дня Города где-нибудь в провинции, хотя и были определённые прорывы. Ну и самое главное – Елизавета вновь стала улыбаться, так что император ходил сияющий.

– Пётр Фёдорович, ты тут на турнир деньги выделял..., – начал разговор Рюген.

– Как же, тридцать тысяч. Ты если свои вложил, так не стесняйся, я верну, – быстро сказал Пётр, – знаю ведь твою щепетильность, да и брал ты мало для такого-то праздника.

– Да нет, – удивился Игорь, – вернуть излишки хочу.

– Да много ли их? – махнул рукой император.

– Тридцать пять тысяч.

– Че-его?!

– Тридцать пять тысяч, – с терпеливым видом повторил попаданец.

– Я услышал, но откуда?!

– На как откуда? Я ж тебя спросил, можно ли привлекать меценатов, так ты ответил: – Делай что хочешь, праздник полностью на тебе с Павлом. Так я и развернулся – билеты купцам продавал да пожертвования собирал.

– Какие жертвования, какие меценаты?! – Вскочил император, диким взглядом глядя на Грифича.

– Ну как же – подошёл вон к Шувалову и спросил: не хочет ли тот выделить средства на награды кулачникам, а я за то на кубках велю писать, что де «На средства графа Шувалова», да в газетах пропишу о нём, как о меценате... Ну и к остальным так же.

– То есть ты *заработал* на турнире?!

– Ну да.

Вместо ответа император тоненько, истерично захихикал. Смеялся он долго, с подвываниями. Отсмеявшись, сказал:

– Ну о всяком я слышал, но чтобы на празднике зарабатывали... Да ещё и норовили потом вернуть деньги... Оставь себе – заслужил.

Уже уходя, Владимир снова услышал хихиканье и слова:

– Ну, Калита¹⁴⁹, а не князь!

Деньги князь поделил: двадцать пять тысяч взял себе, пять тысяч раздал помощникам в качестве премий и пять тысяч – Павлу.

– Держи, – ты их честно заработал.

---

¹⁴⁹ *Калита* — кошель. Также прозвище Московского великого князя Ивана Калиты, известного своей бережливостью.

– Мне? – неверяще спросил мальчик, которому пока не доверяли подобных сумм.
– Тебе, тебе, – ворчливо ответил Владимир, – и не выёживайся – их ты честно заработал. Захотел бы подольститься, дал бы больше, а это твоё.
Вместо ответа Павел порывисто обнял Грифича.

Глава четвёртая

Заработок на турнире заставил Петербург говорить. И если вельможи и какая-то часть иностранцев откровенно иронизировали над «купеческими» замашками принца, то выходцы из небогатых Германии и Скандинавии отнеслись с восхищением – подобная рачительность им очень импонировала. Впрочем, бедные русские дворяне в большинстве своём (а они в большинстве своём и были бедными) были солидарны с немцами.

Вообще, тягу к мотовству и прожиганию жизни русских дворян он здесь не как-то не слишком замечал, хотя много о таком читал. Мотовством отличались, прежде всего, те, кому это богатство пришло в руки без особых хлопот – вроде тех же Разумовских и прочих выскочек. Ну а средний русский дворянин просто не мог шиковать – не на что... Голодать они не голодали, но пустые щи для большинства были едой привычной.

Так что умение заработать там, где остальные только тратят, людям скорее понравилось. Докатилось и до Европы – и отношение разделилось очень резко. Фридрих отозвался весьма одобрительно – он и сам был тем ещё скопидомом. Франция же и Испания напечатали целую серию карикатур и фельетонов, порой достаточно оскорбительных. Остальные европейские страны отреагировали по-разному, но значительно мягче, без особого восторга и негатива.

– Ну ты и хозяйственный! – гулко смеялся Емельян, хлопая Владимира по плечу.
– А что делать, Емеля, – философски ответил тот, – как вспомню всех этих Разумовских и прочих... фаворитов, так аж материться хочется. Нельзя баб на трон! Вот сам посуди – будет она любовника или любовников золотом осыпать?

– Вестимо, – согласился Пугачёв, – хучь прошлую императрицу вспомни, хучь Анну. Только разве мужик на троне не будет любовниц заводить?

– Да даже если и будет, – фыркнул Рюген, – то не настолько золотом осыпать, да и к управлению их редко подпускают. А эти... сам же видел, когда мужчине за... такое деньги дают, то нормальным он остаться не может. Ну и будет доказывать себе и окружающим, что он не только за стати выбран, да в дела государственные лезть.

– Погодь, – прервал разговор Пугачёв, – я своим втык дам.

Отъехав от князя, он принялся «давать втык», и до попаданца доносились только редкие:

– Вашу мать... Рази ж вы калмыки какие... Конная гвардия...

Что поделать – должность у человека такая, всё-таки поручик в Конной гвардии...

Во время мятежа Пугачёв проявил себя блестяще, и главное – на глазах у высокопоставленных особ. Вот и получилось так, что донской казак стал вахмистром Конной гвардии, а позже, проявив себя на очередной войне – поручиком и кавалером ордена Александра Невского. И кстати, ясно было, что это не предел для его карьеры. Если уж к человеку благоволит сам император, его супруга и наследник – это о многом говорит...

Не пропал и Потёмкин, который дослужился до подполковника того же полка и фактически был его командиром. Фактически, потому что полковником Конной гвардии числился сам Пётр. Да и сам попаданец имел звание поручика в Конной гвардии. В дела полка он не лез, но исправно получал немаленькое жалованье.

Жалованьем и денежными подарками император его баловал – что правда, то правда. Однако с чинами – не слишком, Грифич так и остался до сих пор генерал-поручиком. Да и с поместьями было глухо. В некоторых случаях он мог подарить поместье жене «ценного ино-

странного специалиста» – были уже случаи. Впрочем, Грифич не расстраивался – помощь с герцогством, пусть и небольшая, это искупала.

– Досказывай, – подъехали к нему Пугачёв с Потёмкиным.

– Да что досказывать-то? Что баба у власти – это опасно?

– Не скажи, – вступил в полемику Потёмкин, – вот Елизавета у англичан неплохо правила.

– Неплохо, так я ж и не говорю, что они дуры? Просто получается, что если баба хочет остаться в памяти как достойная правительница, то ей нужны не только мозги. Ещё и естество женское в тисках зажать и быть статуей на троне. А так... что-то не припомню единоличных правительниц, чтоб и правили достойно, и счастливы были по-бабы.

Собеседники задумались...

– Я ж что приезжал? – опомнился Игорь. – Пригласить вас к себе вечером хочу. Миних будет, Румянцев из Малороссии приехал, Суворов. Обсудим кое-какие вопросы...

– Польша? – мгновенно спросил пришурившийся Потёмкин.

– Она самая, – со вздохом признался герцог, – мутят снова.

– Что на этот раз? – подал голос Пугачёв.

– Правами диссидентов¹⁵⁰ недовольны, хотят вернуть времена, когда только католики имели право голоса.

– Заедем, – пообещал Потёмкин за двоих.

Компания, собравшаяся в Аничковом, вернее Померанском, дворце, могла бы напугать императора, если бы тот сам не дал «добро» на сбор. Миних, Румянцев, Салтыковы, Суворов, Потёмкин и ещё добрый десяток имён «самых-самых». Сила...

Вот только сила мирная и созидательная – после мятежа перетряхнули не только гвардию, но и армию, так что ненадёжных просто не осталось. Ненадёжен, но талантлив? Езжай осваивать Сибирь – с понижением в чинах. А что делать...

Встретились шумно:

– А помнишь... Кунерсдорф... Пруссия... Турки...

– Всё, господа воинские начальники, хватит устраивать вечер воспоминаний, – прервал их Миних. Вояки послушно заткнулись – как ни крути, но старший он не только по чину и по возрасту. Шутка ли – все присутствующие начинали под его командованием! А молодой Суворов и вовсе «ученик ученика», то есть Румянцева.

– Господа, на правах хозяина дома озвучу, – выступил вперёд Грифич, – мы обеспокоены событиями в Польше. Сами знаете, что там сейчас происходит и чем может аукнуться.

– Да Польша эта... – скривился Миних, – что так, что этак – одни неприятности от неё.

– Совершенно верно, – подхватил Владимир, – все мы это понимаем, но вот что самое скверное – обстановка сейчас... мутная не только у ляхов. Французы, турки что-то зашевелились... Так вот, я предлагаю подумать – какие конкретно неприятности нам могут грозить. В самых разных вариантах! Ну и затем – составить хотя бы приблизительные планы нашего ответа.

– Здесь собрали лучших, – Миних тяжело встал с кресла и начал медленно прохаживаться по залу, – на Потёмкина не смотрите – пусть он и молод, но гвардию знает, как никто, да и воинские таланты в нём есть, уж поверьте старику.

– Старику, – хмыкнул Румянцев, – от стариков бабы враскоряку не выходят¹⁵¹.

Поржали...

---

¹⁵⁰ Диссиденты – здесь: представители иных конфессий в Польше, то есть не католических.

¹⁵¹ Пошловато, но Миних был тем ещё ходоком, причём даже в глубокой старости плясал на балах, а после чего и на женщин сил хватало.

– А Пугачёв? – спросил младший Салтыков. – Не маловат ли чином?

– Разведка на нём будет, – пояснил попаданец. – Сам же я на полководческие таланты не претендую, – серьёзно сказал Грифич, – два-три полка пока что мой максимум, за большее не ручаюсь.

– Ручаюсь, не ручаюсь, но в позатом году твои милиционеры лихо отбили датский десант! – прокомментировал Потёмкин. – Да и грамотно ты ими командовал.

– Не суть, – спокойно ответил Рюген, – я тут как хозяйственник. Думаю, мои хозяйственные и административные таланты известны всем, так что побуду с вами за квартирмейстера и подскажу – можно ли в реальности обеспечить какие-то операции.

– Дельно, – спокойно сказал Салтыков-отец, – принимается.

Почти две недели военные практически не выходили из Померанского дворца – благо, покои для них принц подготовил заранее. Но и поработали на славу, по крайней мере – все более-менее вероятные проблемы были найдены, и найдены способы противостоять им.

Выработали и много чисто практической мелочёвки для армии – разрешение на более вольный стиль одежды вне строя, дополнительное оружие для ветеранов... Тут Суворов выступил на стороне Грифича:

– Новобранцам я и сам пистолета дополнительно не доверю, – резким тоном сказал бригадир, – пока обучения должного не пройдут, да военного опыта не приобретут, он их только запутает. Так и умрут – не зная, хвататься им за фузею или за пистоль. Но князь-то о ветеранах говорит!

– В точку, я думаю, прежде всего, о драгунах, егерях, гренадерах... Словом – всех тех частей, где много приходится драться врукопашную в свалке. Сами знаете, как умелый драгун кистенём владеет.

Приняли, пусть и с оговорками. Впрочем, главной своей победой попаданец считал не оружие, а послабление в обмундировании и... жизнь Миниха.

Он не помнил, сколько тот прожил *там*, но что он, что Ломоносов, болели серьёзно. Помогла экстрасенсорика в качестве диагностирования и составленная программа трав-диеты-упражнений и – та же экстрасенсорика, незаметно. Медицинские познания Грифича были давно известны ещё с Австрии и не оспаривались, так что – помогло. Ясно, что для фельд-маршала это максимум вопрос нескольких дополнительных лет – возраст... Но Ломоносов-то встал с кресла и ходит, даже бегает по Московскому университету! Поймав себя на посторонних мыслях, князь сплюнул и постучал по дереву.

Другая проблема была с обучением войск. Суворов предлагал здравые идеи, но скажем так – несколько смелые. Ну не все солдаты физически могут выдержать такой темп обучения и переходов! Даже попаданец, помнящий об Александре Васильевиче как о величайшем полководце, не мог унять свой скепсис – наверняка ведь потом умерил «аппетит»! Да и где это видано, чтобы автор поговорки «Пуля – дура, штык – молодец», усиленно обучал солдат стрельбе¹⁵², да не просто залповой, а в цель? Ну точно параллельный мир...

– Собственно говоря, а о чём мы спорим? – прервал дискуссию Грифич. – Давайте-ка проведём опыт, и пусть бригадир Суворов докажет преимущества своей выучки на практике. Маневры.

На том и порешили.

Долго не откладывали – Суздальский пехотный полк, которым командовал Суворов, стоял на Новой Ладоге, что всего в ста пятидесяти верстах от Петербурга, военные же все были

---

¹⁵² В реальной истории Суворов и в самом деле огромное внимание уделял обучению солдат стрельбе. Однако и поговорка родилась не на пустом месте – огнестрельное оружие тех лет было не лучшего качества, так что штыковой бой имел колоссальное значение. Суворов просто отбросил бытовавшую тогда тактику – встать друг напротив друга и стрелять по очереди, пока кто-то не дрогнет. Противник близко? Залп – и в штыки. Ну а штыковому бою он учил так... Собственно говоря, именно с него началась слава русской школы штыкового боя.

достаточно разгорячены, да и на подъём легки, так что отправились туда уже на следующий день.

– Буду ходатайствовать о присвоении тебе звания генерал-майора, – подытожил усталый Миних итоги учений Суворову, и остальные военные поддержали его. За время учений Суздальский полк прошёл пятьсот вёрст за десять дней¹⁵³, и только шестеро солдат не выдержали темпа... Да и стрельба, штыковой бой, переправы через реки и овраги – всё было блестяще.

– И всё равно я не согласен с Суворовым, – ворчливо сказал Румянцев, – всё правильно, конечно, но его система ориентирована на людей отборных. А куда девать новобранцев да немолодых солдат? Да и просто – не все обладают подобной выносливостью... А уж должным образом обеспечить припасами таких вот молодцев... Да за ними же ни одна повозка не поспеет!

Заметив, что Суворов собирается что-то брякнуть, Грифич поспешил вмешаться в беседу:

– Господа, так и спора-то, по сути, нет. Метода Суворова рассчитана на... Экспедиционный корпус, если хотите. Понятно, что все войска так не смогут, хотя, конечно, хотелось бы, – усмехнулся князь. – Просто стоит задуматься – не поделить ли нам войска по рангам? К примеру, есть этакий Экспедиционный корпус, где служат отборные вояки. Есть войска... Ну, пусть будет – второй линии, где служит основная масса. И есть войска гарнизонные, куда собирать ветеранов всевозможных, которые не могут уже по возрасту и увечью служить в полной мере. И к ним – молодых солдат, которые только-только обучение прошли.

– Спорно, – со скепсисом сказал Миних, – но здоровое зерно есть, стоит обсудить.

В конце августа Грифич отправился в очередной «отпуск» – Вольгаст и Рюген время от времени нуждались в своём повелителе. Так что два раза в год Владимир садился на корабль и отправлялся в путь. И кстати, на свой собственный корабль.

Не яхту – увы и ах, на такое транжирство он не мог пойти, но – один из собственных грузопассажирских кораблей, курсирующих по Балтике. Вместе с ним отправилась и часть свиты – в отпуска, повидать родных и просто на ротацию. Кто-то из «войска» уже прошёл обучение и теперь направлялся на новое место службы, уже во владениях герцога.

Путь не самый дальний, так что супруга решила отправиться с ним – повидать, что же за владения у благоверного. Поскольку от качки они не страдали, то путешествие прошло достаточно интересно. Не в постели (хотя было, было), просто Грифич, как достаточно опытный морской волк-яхтсмен, рассказывал Наталье о корабле и море, о истории мореплавания...

Спасибо интернету – интересных фактов в своё время попаданец нахватался в достаточном количестве, так что некоторые из них даже опытных моряков заставляли потеть.

– Так значит, ты знаешь, где Золотой Галеон затонул? – неверяще спрашивает проверенный капитан.

– Чего ж не знать, – сухомерно усмехается князь, – знаю. Другое дело, что толку от этого знания мало – глубоко лежит.

– Ну, принц, – медленно снимает тот головной убор, – значит, правду говорили, что батюшка ваш в южных водах промышлял...

– Как раз там мой батюшка и не был, – отрицательно мотнул головой попаданец, вспоминая афганское прошлое настоящего отца. – А вот в Азии был. Да и галеон, о котором я говорю, утонул уж полтора века как. Это так – случайные и бесполезные, в общем-то, сведения.

– Ну раз достать нельзя, то действительно – бесполезно, только раздражает.

---

¹⁵³ Суворов совершал подобные, пусть и несколько более скромные, марш-броски. Правда, нужно отметить, что в данном случае учения ведутся сравнительно прохладным летом и в знакомой местности, что облегчает задачу.

В герцогстве Грифича встретили деловито и по-настоящему тепло. А как не любить правителя, который деньги пускает не на балы, а на полезные для экономики вещи? Остановились в герцогской резиденции – громкое слово «дворец» особнячок явно не заслуживал. Впрочем, вполне уютный и удобный, да и за пределами города строился неторопливо небольшой, но вполне «настоящий» дворец. Как и на Рюгене – положение, мать его, обязывало...

Большая часть вопросов решалась с помощью переписки, так что сейчас по большей части обсуждали какие-то проблемы, требующие личного участия – подписи там, беседы с кандидатами и прочее в том же духе.

– Да, фрау Белова, заберу мальчика с собой – впечатление он производит приятное. Сперва во дворце будет помогать, а как освоится да русский выучит, так, может, учиться куда пристрою. Но последнее не обещаю, сами понимаете.

– Спасибо, ваше высочество, – кланяется опрятно одетая женщина. Опрятно-то опрятно, но сукно уже такое вытертое, что ещё чуть-чуть и будет марлю напоминать.

Таких просителей было много, и по возможности герцог Вольгаст старался им помогать. Не всех, далеко не всех он тащил в Россию – по большей части пристраивал где-нибудь в городе или по соседству. Вон – староверы хоть и не принимают чужаков в качестве слуг, зато сиротский приют выстроили и богадельню. Принимают любого, только молитвы и все и правила общежития – до никониановского православия... Впрочем, для людей, оказавшихся в по-настоящему трудном положении, это не препятствие.

Кстати...

– Тимоня!

– Командир? – Денщик буквально материализовался в кабинете.

– Позови-ка мне кого из старцев, которые староверами заправляют. Скажи – дело государственное и денежное одновременно.

Делегация старцев прибыла всего через полчаса, хотя их община была не так уж близко, да и собрать всех. Гм... Вот что фраза о деньгах с людьми делает...

– Княже, – благостно поклонились старцы (половине этих «старцев» не больше сорока – просто «звание» такое). Что интересно, они упорно именовали его князем, а не герцогом и не принцем, но это ещё мелочи – по этикету вполне позволялось. Другое дело, что «Вольгаст» они произносили как «Вольга», а «Рюгенский» как «Руянский», и всё это с придыханием да с фанатичным огнём в глазах. И снова попаданец «не въезжал» в «тему» – опять какие-то заморочки с мифами, понятные исключительно тем, кто варился в них с детства.

– Бани, – коротко произнёс властитель герцогства, – поручаю вам построить общественные бани да общественные туалеты. Нюхать здешних вонючек надоело, а то как зайдёт иной на аудиенцию, так аж в окно выпрыгнуть хочется – козлы надушенные. Да и по городу местами пованивает. Чего-то по-настоящему хорошего не прошу – топиться бани будут углём, так что чисто русские сделать вряд ли получится.

– Да можно, князь, – с сомнением в голосе произнёс один из старцев, – только кто их будет посещать?

– Приказ отдам, чтобы служащие посещали баню не менее раза в неделю, и объясню, что она нужна не только для мытья, но и для избавления от вшей¹⁵⁴. Вы же должны установить минимальную плату, да не пугайте их вениками.

Посмеялись вежливо и снова:

– С банями ладно – прибýtка особого не будет, но и убытка тоже, поняли мы твой наказ. А как с уборными-то? Монетку платить за такое никто не станет...

---

¹⁵⁴ Лично, как вы понимаете, не проверял, но специалисты уверяют, что ни вши, ни гниды просто не выдерживают температуры парилки – варятся.

– А и не надо, – мочу да дерьмо собирайте да продавайте. Моча скорнякам пойдёт, дерьму тоже покупатели найдутся. Но не беспокойтесь, в убыток работать не станете, и если что – в следующем году налогами отрегулирую.

Разобравшись с делами, «выгулял» жену и детей как по Вольгасту, так и по Рюгену. Жители вели себя очень вежливо и корректно – на колени не становились, но и не фамильярничили. Посетили все приличные пивные и ресторанчики – имиджу для.

Неожиданностью стала реакция местных шведов на его жену – восторженная. И деле тут не в красоте, хотя Наталья приятно выделялась – по мнению попаданца. Они реагировали именно на фамилию Головина, причём так... Неадекватно.

Выяснив ситуацию, Рюген крепко задумался – Головины вели род от властителей крымского княжества Феодоро – последнего государства готов... А шведы всегда с пиететом относились к готам, и даже титул их короля звучал как король Швеции, готов и вендов, великий князь Финляндии, герцог Скании, Эстонии, Лифляндии и Карелии, господин Ингрии, герцог Бремена, Вердена и Померании, принц Рюгена и господин Висмар, граф Палатинский вдоль Рейна, герцог Баварии, граф из Цвейбрюкена – Клибурга, герцог Юлиха, Клеве и Берга, граф Велденс, Спанхайм и Равенсберг, господин Равенштайн.

Титулы, мягко говоря, спорные: в частности, право на корону вендов, или венедов, пусть и теоретически, имели только Грифичи да Никлотинги-Мекленбурги. Померания – он и частично те же Никлотинги. Рюген – снова он, да и на часть других титулов мог бы претендовать с ничуть не меньшим основанием... Ну а с появлением жены, ведущей род от готских властителей, так и вовсе...

Появившаяся мысль заставила Грифича мечтательно зажмуриться, но затем он вспомнил, каким чудом у него появились нынешние владения и как сложно было поднимать их из руин. Ну а твёрдой уверенности в возможности передать их по наследству нет до сих пор...

Глава пятая

Закончив с вопросами обязательными, часть времени пришлось посвятить культуре, пропаганде и прочим важным, но несколько эфемерным вещам. В своё время Грифич задался организацией милиции – как бы сделать так, чтобы люди шли туда «добровольно и с песней», да желательно – за свой счёт. Придумал...

Чувство общности, избранности, защищённости – вот на чём играл князь. Все эти гильдии, ордена и тайные общества времён Средневековья родились не случайно – людям нужна была какая-то защита, помимо родственных связей, с которыми здесь обстояло значительно хуже, чем на Руси. Средний ремесленник до сих пор состоял в какой-то гильдии и парочке-тройке братств, переживавших сейчас достаточно печальные времена.

Вот Владимир и предложил милицию в качестве эдакого братства. Ну а почему бы и нет? Есть имущественный ценз – форма и амуниция покупается за свой счёт. Охватывать бедняков? А зачем? Если у человека нет возможности приобрести ружьё и клинок да пошить форму, вряд ли у него найдётся время на регулярные тренировки да деньги на покупку того же пороха для стрельбы. Ну и не последнее дело – ощущение некоей избранности, чтобы милиционеры воспринимались не как непонятные голодранцы с оружием, а как клуб уважаемых бюргеров, помогающий защищать сограждан. Так что...

Вот уже пару лет, как милиция и в самом деле стала престижной, а уровень подготовки милиционеров приблизительно равнялся русским егерям. Не суворовской выучки, но всё-таки... Правда, выучка эта была до (приблизительно) ротного уровня, и Вольгаст сильно сомневался, что они достойно поведут себя под пушками или в крупном сражении. Однако гонять приграничные банды и отражать нападения властителей-соседей с их «игрушечными» войсками милиции удавалось весьма успешно.

Высокого уровня подготовки Рюген добился предельно просто – соревнования. Вот уже пять лет как в его владениях проводятся соревнования: рапира и шпага, сабля и палаш, фланкирование, борьба, кулачный бой, панкратион, стрельба. А заманить подданных на соревнования, на которых не предвиделось больших призов, оказалось предельно просто – он воспользовался их склонностью к ярким побрякушкам и всё тем же братствам.

Победители соревнований получали небольшую пластину, похожую на разрезанный по ободку и распрямлённый перстень. Медный, медный с бронзовым, бронзовый, бронзовый с серебром, серебряный, серебряный с золотом, золотой – в зависимости от уровня соревнований. На широкой части пластины было изображение – шпаги, ружья или кулачного бойца – и год. Победители соревнований могли нашивать пластинки к одежде или относить их к ювелиру и делать из них настоящие перстни.

Простенько? А зато работает... К примеру, медную пластину-перстень здоровый мужчина мог получить без особого труда – это был примерно уровень... четвёртого разряда, если можно так выразиться. Чтобы стать милиционером, помимо имущественного ценза, кандидат должен был продемонстрировать как минимум четыре медные пластины – по любому из разновидностей фехтования, фланкированию, стрельбе и какому-то из направлений рукопашного боя.

Задача простая – здоровый мужчина, даже не имеющий таких навыков, мог заработать пластины через два-три месяца тренировок – и стать кандидатом. Полноценному милиционеру требовались уже не медные, а хотя бы медные с бронзой... Дальше были свои требования для капралов и офицеров, для инструкторов и т. д. Ну и... Стоит ли говорить о том, что у милиционеров были небольшие привилегии, вроде права носить оружия в городе (будучи в форме), избираться в городские советы и небольшие преимущества в торговле и промышленности.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.